

Борис Миронов

Отколь гроза,
оттоль и вёдро

житейские истории

Челябинск
Цицero
2009

Миронов Б.

Отколь гроза, оттоль и вёдро: житейские истории. —
Челябинск : Цицеро, 2009. — 164 с.

ДЕЛИКАТНОЕ ЗАДАНИЕ

В час, когда служащие Страны Советов после первого трудового порыва заваривают утренний чай, из длинного белого корпуса в отдалённом северном посёлке вышли два мужчины средних лет. Один был высокого роста и при очках, а второй пониже, с круглой головой на широких плечах.

Они направились к речке, на противоположной стороне которой, но много далее, на склоне холма раскинулось большое село. В центре села виднелись маковки деревянной церкви.

На самом берегу располагались лёгкие дощатые постройки — гаражи для моторных лодок. Выше по течению речка разлилась по долинке, образуя мелководное озеро, заросшее осокой, камышом и розогом. Над озером носились утки, стайками перелетали с места на место кулички и прочая пернатая мелочь.

Справа через речку был переброшен подвесной мост, как батута подкидывающий редких пешеходов. Речка исчезала за поворотом в лесных зарослях и километра через три вливалась в Белое море.

Вот куда производственная необходимость забросила товарищей по работе, длительное время смиренно протиривших штаны на своих жёстких канцелярских стульях на далёком Урале.

Прибыв в посёлок, расположенный у чёрта на куличках, ещё позавчера, они не успели на приём к местному руководству, а накануне, в пятницу, им назначили встречу на понедельник, то есть уже осенью, потому что понедельник приходился на 2 сентября.

Чем заняться в выходные? Аборигены посоветовали отправиться за черникой на Рёжму. Так называется речка в пяти километрах от посёлка, роняющая свои кофейного цвета воды из верхового болота в Белое море с водой такого же цвета.

Тут, наверно, самое время сообщить дорожному читателю, что и Лев Борисыч и Борис Михалыч не впервой и не единожды в разные годы бывали в посёлке, потому что здесь располагались стенды, на которых испытывались изделия их родного предприятия.

тия. Они знали здесь всё и всех, находясь в добрых приятельских отношениях с исполнителями. Но не с начальством, которое спесиво признавало лишь свой уровень.

Начлаб Юра Прасолов, милейший человек, принёс в гостилицу две просторные ивовые корзины и комбайн для сбора ягод, имеющий широкое хождение здесь, на севере, и как минимум вдвое повышающий производительность труда сборщика.

...И вот сегодня утром друзья углубились в лес и направили свои стопы в сторону Рёжмы. Лесная дорога, сделав зигзаг, снова приблизилась к речке. Решили идти берегом. По песку от них убегали суетливые кулички, грузно поднялась серьёзная ворона и устроилась на нижнем суку прибрежной сосны. С соседней сыпались усердный стук дятла и шелуха от шишек. Дятел не скрываясь долбил затолканную в развилку веток шишку. Под «кузницей» на земле лежала гора «пустой породы».

Внезапно перед путниками приземлился удод — экзотическая пёстрая птица с высоким хохлом. Таких в горнозаводской зоне Южного Урала не водится. Удод побежал перед ними, время от времени взлетая, а перед тем оборачиваясь и будто удивлённо поднимаемая гребень-хохол.

Нет, что ни говори, а приятно вот так, внезапно оказаться вдали от дома, да ещё в другой природно-климатической зоне.

Причина, по которой коллеги оказались вдали от дома, была и уважительной и вздорной одновременно. Представьте: несколько лет фирма, на которой они работали, убила на то, чтобы выполнить важный государственный заказ — разработать обширную конструкторскую документацию, изготовить опытные образцы изделия и, наконец, испытать их в этом самом посёлке. Работа была успешно завершена, и теперь предстояло сдать довольному заказчику всю документацию, чтобы запустить производство. И вдруг затык: какая-то дотошная канцелярская крыса среди кучи папок и книжных завалов обнаружила некую жалкую бумаженцию, не подписанную организацией, которая обеспечивала испытания. Бумажка касалась родного отдела Лёвы и Бори.

Генеральный снял трубку и дал указание перепутанному начальнику незамедлительно устранить недоразумение. Естественно, указание тут же получили и вышеупомянутые исполнители. Они побежали оформляться, а наутро электричка умчала их в Челябинский аэропорт, чтобы ближайшим рейсом убыть в Архангельск, а оттуда на берег, по которому они в настоящее время бредут, конвоируемые настырным удодом.

Было бы странным утаить от дорогого читателя самую суть вопроса. А ведь дело это затрагивало ни много, ни мало самые

чувствительные струны национального характера. Но наполним конкретикой эти загадочные слова.

Для успешного проведения испытаний отдел измерений, где работали наши герои, согласно ведомости поставок должен был получить десятки технически обоснованных килограммов этилового спирта. Само собой, до измеренцев этот спирт почти никогда не доходил, потому что в суровом климате нашего Отечества он обладал неприятным свойством стремительно испаряться. По сложившейся традиции ровно половину спирта забирали хозяева стенда — в знак вечной дружбы, надо полагать. Так как спирт поставлялся не только для измеренцам, то его количество исчислялось даже не центнерами.

Оставшейся половиной продукта распорядилось техническое руководство испытаниями родной фирмы и, сами понимаете, не всегда по назначению. Дело доходило до абсурда: когда возникла настоятельная техническая необходимость в спирте, его приходилось выпрашивать у хозяев стенда.

Наученные горьким опытом, измеренцы на испытания последней работы забили в ведомость поставок в качестве получателя свой отдел. В результате весь измеренческий спирт — 80 килограммов (~ 101 литр) — оказался в их полном распоряжении. То есть изо рта постоянных потребителей дарового продукта вынули 250 литров водки, или лишили возможности не тратиться на 500 бутылок водки. Бешенству халявщиков не было предела. Сам начальник стенда Ваня Брисюк не единожды и отнюдь не в дипломатической форме выражал свое неудовольствие, больше похожее на угрозу. И вот: они приехали за его подписью!

...Друзья медленно продвигались по заросшей травой обочине, внимательно выбирая место, куда поставить ногу. Сама дорога была категорически непригодна для передвижения пешим ходом: она состояла из поперечных бугров со следами коленвалов и глубоких заполненных водой рытвин. Типично северный автобан.

В одном месте дорогу уверенно пересекал энергичный ручеек: чуть повыше на пригорке бил родник солёной воды. Некогда по соседству с ним находилась солеварня. Но от неё не осталось ничего, кроме памяти народной. Солеварни в здешних краях в стародавние времена были делом обычным.

Наконец, глазам открылся морской простор. Отсюда до Рёжмы можно добраться двумя путями: по кромке моря, утопая в песке, или по верхней дороге, проложенной по материковой части высокого — метров до пятидесяти — берега. Верхняя дорога являла собой гать, то есть настил из поперёк уложенных

брёвен. Когда-то она связывала прибрежные деревни, которые были густо заселены и вносили посильный вклад в народное хозяйство, занимаясь ловлей рыбы, её переработкой и немудрёными лесными промыслами. Теперь они обезлюдели, и потомки аборигенов лишь в летнее время навещают родительские дома, добираясь из Архангельска и Северодвинска до места на моторных лодках.

Странная и непривычная дорога проходила по самому краю болота, которое местами едва не нависало над песчаным берегом, изредка просматриваемом через густой кустарник далеко внизу. Здесь деревянное полотно давало сильный крен, а из болота, как из диковинного травяного сосуда, вытекала золотистая влага.

По краям гати, слева и справа, иногда выглядывали шляпки подберёзовиков и подосиновиков. Грибы были чистёхоньки. Глазастый Михалыч разглядел вдруг далеко впереди две цветастые косынки явных конкуренток. Он забеспокоился, что те по пути соберут все грибы, но тревога оказалась напрасной: женщин, похоже, интересовали только ягоды. Так что вскоре одна из корзинок почти доверху наполнилась грибами. Но самый потрясающий «трофей» добыл Лёва, когда они, наконец, добрались до обширного черничника. Неподалеку на могучей моховой подстилке лежала солидных размеров шляпка боровика. Лёва засунул под шляпку руку, нащупал основание и вытащил весь гриб. Это было что-то невероятное: ножка боровика размерами скорее походила на крепкую мужскую руку от сжатой в кулак кисти до локтя. Ничего подобного до сих пор они не видели. Гриб был девственно чист.

Но впереди была черника. Лёва предпочёл собирать ягоды вручную, а Михалыч хватал черничный куст за листья, как голову за волосы, загибал его и шуровал комбайном. Занятие было увлекательным, и они не заметили как дочиста обобрали весь черничник и даже редкие кустики гоноболи, то бишь голубики. Осмотрев с чувством глубокого удовлетворения добычу, перекусили и отправились домой.

Когда они сошли с гати и начали спускаться на нижнюю дорогу, ведущую в посёлок, то увидели нечто, неприятно их поразившее. На сырой земле отчётливо отпечатались... свежие медвежьи следы, крупные и мелкие. Перед ними и, судя по всему, совсем недавно прошли медведица с медвежонком!

Друзья постояли в замешательстве, но потом медленно двинулись вперёд, громко разговаривая и даже пытаясь петь, чтобы предупредить зверей о своём приближении.

Мишки, видимо, не пожелали передвигаться по рытвинам, колдобинам и ухабам или вовсе не собирались идти в посёлок и свернули к речке. Опасность миновала.

— Жалко, — шутили потом друзья, — с медведицей не удалось подражаться. Такой случай упустили...

... Уже дома, передохнув, любители природы перво-наперво, памятуя о прожорливости червей, перебрали, почистили и вымыли грибы. Потом отправились в магазин, где разжились картошкой, луком и даже укропом. Купили они и сахару, а в дополнение к нему две пустые трёхлитровые банки. Дежурная по этажу выдала им огромную кастрюлю и несколько тарелок для создания технологической линии приготовления тёртой с сахаром черники.

Грибов достало и на добрую жарёху с картошкой и на упомянутую выше кастрюлю супа.

Поутру, похлебав холоденького, из холодильника, грибного супа со сметаной («Объяденье, в каво рот большой!»), уселись напротив друг друга и принялись перебирать чернику и тереть её с сахаром. На это ушла уйма времени, зато в конце работы на столе стоял сюрприз для домашних — две трёхлитровые банки, заполненные под завязку северным деликатесом.

Во время прогулки встретили знакомого.

— Зачем так далеко ходили? Перейдите нижний мост, сверните к морю и почти тут же налево в лес. Там на поляне черники видимо-невидимо.

Солнышко уже начало клониться к западу, но наши добытки (глаза больше живота!) ринулись в лес.

И правда: ягод было неправдоподобно много, но из-под каждого поднятого куста вырывалась туча мошки. Это вдобавок к армии комаров. Гнус, как свора злых собак, накинудся на неожиданный ужин. Тут уж было не до черники. Когда друзья выскочили из леса, их лица расцвели багровыми пятнами от многочисленных укусов.

... Понедельник. Утром в назначенный час послы появились в начальственном кабинете. За столом сидел молодой заместитель начальника организации с высокомерным выражением на лице, на котором явственно читалось мстительное «Нет!» Рядом пристроился грузный Ваня Брисюк. Весь его вид был преисполнен угрюмой и недоброжелательной решимости.

— Груз получали вы, а не мы! — заявил он. — Что вы с ним сделали, куда он пропал? — нам не известно. Спрашивается: о какой подписи может идти речь?

— Но вы получаете на испытания не одну сотню ящиков и едва ли знаете, что в них содержится. Однако всё списано именно вами. Как это понимать?

— Понимайте, как хотите, — мы расписываться не будем!
Разговор зашёл в тупик. И тут выступил Лёва:

— Наша поездка на личном контроле у генерального: из-за этой подписи срывается сдача заказчику изделия в срок. Сегодня мы выходим на связь и доложим о результатах переговоров. Пусть он напрямую говорит с вашим начальством и с начальством вашего начальства.

Высокомерие испарилось с лица начинающего бюрократа, а утрюмая недоброжелательность Брисюка сменилась явной растерянностью.

После продолжительной паузы принимающая сторона предложила воздержаться от звонка до завтра для прояснения всех обстоятельств дела.

Вечерком в гости к уральцам заявился Юра Прасолов. Гость был званый. После приветствий и обмена шутками уселись за стол. Холодный грибной суп оказался для него неожиданно.

— Очень здорово! А мы в семье едим только горячий.

Когда беседа стала непринуждённой, гость заметил:

— Я так и не понял, зачем вы приехали к нам в командировку. Вроде совместных работ у нас сейчас нет. В чём дело?

Когда приятели изложили суть проблемы, он рассмеялся:

— Так вы же ко мне приехали, а не к кому-нибудь другому! Потому что это я, а не Брисюк, материально ответственное лицо на стенде. И без моей подписи вам никуда не деться. Давайте акт.

И он тут же, не сходя с места, поставил размашистую подпись под документом.

— А вот теперь отцы-командиры свои подписи должны поставить автоматом. Какие могут быть сомнения, если испытания прошли успешно? Это главный критерий при решении подобных вопросов.

На другой день гонцы с Урала отправились к неуступчивым начальникам и начали с того, что показали подпись Прасолова. Те переглянулись, и старший по должности изрёк:

— Заходите в конце рабочего дня — надо доложиться начальнику и подписать акт у него.

— Тогда, с вашего разрешения, мы будем оформлять убытие, чтобы завтра утром уехать в Северодвинск.

Посёлок был тупиковой железнодорожной станцией, и единственный поезд уходил в город ежедневно поутру, чтобы вечером вернуться.

В конце рабочего дня подписантов не оказалось на месте. Никто в административном здании не знал, где они. Акт на столе

молодого бюрократа тоже отсутствовал. Наши друзья отправились искать беглецов. Но те словно сквозь землю провалились.

...Рабочий день между тем закончился. Как быть? Завтра — суббота. Ждать до понедельника? В присутственном месте остался один дежурный. Он принял горячее участие в поисках и начальства и бумаги:

— А пошлите-ка ещё раз в кабинет Смирнова и хорошенько там поищем... Он ведь мужик не простой.

Так и оказалось. Подписанные документы были заброшены в самый низ стола, где валялись кипы старых бумаг. Конечно, сделано это было с умыслом для отговорки: дескать, клал на стол.

Какое убожество!

И вот вам: деликатное служебное задание с честью выполнено, и не исключено, что при очередном распределении премии начальник отдела добавит исполнителям по пяти рублей — от щирого сердца!

Июнь 2007 г.

ПТИЦЫ НА СЕВЕРЕ

Мы приехали в Северодвинск 18 мая. И хотя часы показывали поздний вечер, здесь уже вступили в свои права белые ночи. Однако на улице было сумеречно из-за частого и мелкого дождика. Сырой воздух благоухал горьковатым запахом набухших тополиных почек. Но улицы, густо засаженные тополями, были нагими из-за полного отсутствия листвы.

В не самом лучшем расположении духа толпа инженеров с Урала отошла ко сну. Назавтра им предстояло убыть в отдалённый лесной посёлок, чтобы провести испытания разработанных родным предприятием изделий.

Утром уральцы проснулись в сказке. На чистом небосводе ярко светило солнце, город оделся молодой листвой. Это ли не диво: за одну ночь почки превратились в молодые ярко-зелёные листочки?

День был по-летнему жаркий, а пополудни, когда поезд, увозящий их к месту назначения, медленно двигался вдоль морского берега, они с удивлением увидели из окон вагонов купающихся в море людей.

Жаркое лето в том году затянулось до сентября, и уральцы досыта накупались и в море, и в протекающей рядом с посёлком речке.

Чудеса на этом не закончились. Когда на конечной станции пассажиры вышли на улицу, их внимание привлекло бляение барашков, которое несло с неба. Воззрившись туда, они стали свидетелями удивительного зрелища — токовища бекасов. Эти кулики величиной с дроздов взмывали в небо, а потом круто пикировали, издавая звуки, похожие на бляение. Источником звука были растопыренные перья хвоста, которые при пикировании мощно вибрировали. Бекас — желанный охотничий трофей. И не потому, что в нём много вкусного мяса. Отнюдь. А потому, что убитый бекас — свидетельство меткости охотника. Убить его непросто: летает он быстро и во время полёта вихляет из стороны в сторону наподобие маятника. В былые времена бекас использовался в состязаниях охотников как живая мишень. Потом его заменили голуби и, наконец, глиняные тарелочки. Но именно с тех пор меткого стрелка называют снайпером, потому что снайп по-английски значит бекас.

Посёлок — всего ничего: несколько жилых домов в четыре этажа, а вокруг лес. Вечером мы с товарищем подошли к распахнутому окну комнаты на верхнем этаже дома. Прямо на нас стремительно неслась пара вальдшнепов. В любовном восторге они вращались вокруг друг друга, свивая траектории полётов в кручёную нить. Потом над крышами домов безбоязненно пролетела супружеская чета рябчиков. Вот вам и будущий выводок.

— Это что! — сказал товарищ. — Вы немножко припозднились. А ещё на прошлой неделе по дороге в деревню на берегу озера можно было увидеть дерущихся турухтанов.

Недалеко от посёлка пробегает речка. Она вытекает из мелководного озера, заросшего осокой, камышом и рогозом. Вся эта растительность буквально кишит живностью. С места на место стайками перелетают утки, кулички и прочая пернатая мелочь. За озерцом, на значительном расстоянии от него, на добрые два километра растянулась большая деревня с покосившейся деревянной церковью в центре.

До деревни народ добирается пешим ходом. Для этого надо по шаткому подвесному мостику перебраться через речку, а потом по настилу пересечь сырую ложбину, попутно наблюдая, как на песчаной косе выясняют отношения драчливые турухтаны. Вот куда надо сбегать утречком: вдруг да удастся полюбоваться на токующих куликов.

— Такого нигде больше не увидишь, — продолжал товарищ. — Самцы важные, как испанские гранды: головы в причудливых шапках, высокие и роскошные воротники. И самое

интересное — почти нет одинаково окрашенных самцов. Один белый, другой чёрный, как галка, но большинство рыжие — от жёлтых до чуть не огненных. Самочек на фоне этих пижонов почти и не видно.

— Ток похож на какой-то забавный турнир. Самцы, распушив воротники, подпрыгивают, кланяются, приседают, устрашающе машут крыльями, наскакивают друг на друга. И вдруг замирают в нелепых позах. Поят, пооят, и снова начинается то же самое.

Автомобильная дорога в деревню пролегает много выше посёлка по течению реки. Это кружной путь в несколько километров — из-за заболоченной местности и упомянутого выше озера. С дороги хорошо виден большой участок открытой воды и берег озера. Над водой барражируют чайки, высматривая добычу, на воде плавают утки и лысухи, а по берегу бродят кулики разных видов и родов, засовывая свои длинные носы во влажную землю. Но бросаются в глаза прежде всего крупные кроншнепы с длинными загнутыми книзу клювами, веретенники и шилоклювки с клювами вверх, хохлатые чибисы в траве у воды.

Лес возле посёлка сосновый и с жидким подлеском, поэтому он молчалив. Зато на опушке, где буйно произрастает кустарник, птиц полно, и они гремят своими трелями и посвистами.

Меня привлекла знакомая песенка пеночки-трещотки, и я отправился её искать. Вскоре среди веток заметил малую птаху. Мало ли их в лесу, хороших и разных... И кто, кроме опытного орнитолога, знает, как они называются? Но птаха выдала знакомую трель и, будто на ней, поднялась в воздух, а потом, трепеща крыльшками в такт песни, медленно полетела к другому кусту. Я пошёл следом. Трель закончилась, и с последним звуком пеночка присела на ветку.

Стоя под деревом, я наблюдал за певуньей. Она помалкивала, нетерпеливо поворачиваясь на месте. И вдруг звонкая трель снова подняла её в воздух. Так происходило многократно. Наконец, любопытство моё было полностью удовлетворено, и я покинул место свидания.

Этими же днями наблюдал довольно многочисленную стаю клестов. Половина из них была жёлтого цвета, к моему крайнему удивлению. Я даже не догадывался, что самки так резко отличаются по цвету от малиново-красных самцов.

Считается, что клесты не подпускают близко к себе человека. Эти меня категорически проигнорировали, занятые шелушением шишек. Наверно, это занятие было для них несложным —

с такими-то клювами, не только толстыми, но и на конце пере-
крещивающимися. Не клювы, а специальные щипцы.

По вечерам из-за реки, от дымящихся туманом лугов, доно-
сятся скрипучие «дёрганья» коростелей, повсеместно на Руси на-
зываемых дергачами, и настойчивые призывы ко сну перепелов:
«Спать пора! Спать пора!» И, конечно, любимые всеми позывные
кукушки, очень активные в эту пору. Кто не полюбопытствовал
у неё, сколько ему лет осталось прожить?

Не могу умолчать и ещё об одной замечательной птице, вер-
ной спутнице человека — о галке. Энергичную, звонкоголосую,
эту, я бы добавил, добрую и кроткую птицу в городах и сёлах
России можно встретить повсеместно. Резкие, но не лишённые
приятности щелчки галок, их постоянное галденье, несущееся с
самых высоких сооружений, создают какой-то домашний уют.
Удивительно, но в так называемой горнозаводской зоне Южного
Урала, откуда прибыли наши испытатели, галки — пролётная
птица. В обычное время они здесь категорически отсутствуют.
В деревне же за рекой сотни галок обжили покосившуюся от
времени и недогляду большую деревянную церковь, и от звон-
ницы и луковок несётся их мелодичный галдёрж, хоть как-то за-
меняющий колокольный перезвон.

...Вскоре после приезда в посёлок мы с приятелем как-то
вышли из производственного корпуса и присели у стены. Не-
подалеку среди редких сосен красовалась большая лужа. По её
травянистым берегам бегали кулички и, погружая клювы в сырой
берег, активно добывали пищу.

Вдруг откуда-то сверху раздалась звонкая переливистая песня.
Мы стали искать глазами певуна на деревьях, но он, медленно
размахивая крыльями, опустился прямо на воду. Это была ржан-
ка — «тот же кулик, только с голубиной головкой», как сказал о
ржанке знакомый любитель птиц.

Опускаясь, птица раскачивалась, будто кто-то невидимый
держал её на верёвочке. Ни дать, ни взять, маленький вертолёт.
Песня прекратилась, как только ржанка коснулась воды. На своих
длинных ногах она тут же зашустрила по мелководью к берегу.

Примерно через месяц мы снова оказались на том же самом
месте. Вдруг дорогу перед нами перебежала ржанка: туловище
неподвижно, а длинных ног от скорости перемещения почти
не видать. Как механическая игрушка на колёсиках. Она исчез-
ла в траве, и тут же за ней через дорогу помчались маленькие
игрушечные птенчики. Я шагнул навстречу, и птенцы присели,
притворившись камешками. Это было и неожиданно и смешно.
Я осторожно взялся за клювик птенца и стал поворачивать его

влево и вправо. Он ничем себя не выдал. Вот это выдержка! Стоило нам шагнуть в сторону, как птенцы пулей исчезли в траве.

Конец июня. Для птиц самое хлопотливое время. Птенцы подросли, и их предстояло подготовить к самостоятельной жизни: научить летать и отыскивать корм. Лес наполнился тревожным стрёкотом и заполошным птичьим криком. Так как численность пернатых возросла многожды, они встречались на каждом шагу.

Идучи лесом, мы едва не наступили на крохотного птенчика. Приятель взял его в руки. Мама объявилась тотчас. Она перелетала с ветки на ветку и жалобно кричала. Птенец, посаженный на пенёк, тут же отправился в путь, с трудом вскарабкиваясь по воздуху. Но высота ему никак не давалась, и он вскоре рухнул в траву.

Как-то поутру, когда гостиница ещё спала, я отправился на прогулку вдоль речки. Передо мной над дорогой орала и металась большая стая ворон. Когда я приблизился, стая неожиданно бросилась на меня. Я от греха подальше свернул с дороги и ступил на берег. Вороны отстали.

Домой возвращался, наверно, через час. На этот раз мне пришлось идти по тому участку дороги, над которым хлопотали вороны. Они тут же накинулись на меня. Я перешёл на крупную рысь и уже на бегу увидел на обочине мёртвого воронёнка. Его родня скоро отстала от меня и вернулась на скорбное место. Кто мог подумать, что птицы способны на такое?

Вскоре я ещё раз подвергся нападению птиц. На этот раз это были чайки.

Мы отправились на берег моря. Птиц здесь было превеликое множество. Но больше всего чаек и морских зуйков. Они, конечно же, занимались обучением юниоров. Зуйки во время полёта сразу привлекают внимание тёмным нарядом и белой полосой вдоль крыльев и на хвосте. Эти держались скромно. Зато наглые чайки носились прямо над головой и грозно пикировали на вероятных врагов. Я вооружился палкой и, размахивая ею над головой, пошёл к воде. Чайки ошалели. Они только что не облепили меня, а одна из них толкнула в спину. Толчок был слабый, но я понял, что лучше возвратиться: впереди, должно быть, притаились птенцы.

Лето стояло расчудесное. Всё свободное время мы сидели в речке, которая оказалась на редкость мелководной. Лишь в некоторых местах вода доходила до шеи. А так мы буквально ходили на коленках по песчаному дну, чтобы быть полностью в воде.

Впрочем, всего в километре от речки располагается небольшое озерцо, а скорее глубоководная лужа, куда предпочитают

ходить купаться и загорать любители одиночества. До моря тоже недалеко, но вода там ледяная, и только немногие отчаиваются в ней купаться.

Через месяц все командированные были чёрными от загара, будто Белое море и не Белое вовсе, а очень Чёрное. А если к сему присовокупить буколический пейзаж с деревней, с коровками на луку, с добрым лесом (и это при полном отсутствии черноморской людской свалки), то лучшего и желать нечего. Правда, по вечерам, в отличие от юга, заедали комары и мошкара, но грех было на это сетовать при прочих-то благах.

Как-то после работы наша маленькая кампания — всё население комнаты — разложила свои одеяла на берегу глубоководной лужи. Лужа по форме напоминает бумеранг, и на каменистых её берегах ничего не произрастает. Я решил оглядеться и пошёл по берегу. За поворотом, у небольшого мыска кормился крупный гусь. Я стоял на пригорке, поэтому он меня не видел. Во мне неожиданно проснулся первобытный добытчик: эх, подумал я, такого бы гуся да на общий стол! Подобрал увесистый бульжник и с силой швырнул в птицу. Но, конечно, промахнулся. Гусь с испугу издал пронзительный вопль и штопором взмыл в небо. Он так стремительно понёсся по вертикали, что скоро превратился в точку, а потом исчез вовсе.

... В следующий раз в северный посёлок я приехал во второй половине сентября в том же году. Погода по-прежнему баловала, и в ближайшее воскресенье мы втроём отправились на Рёжму, чтобы по тропе, проложенной по её берегу, подняться до верхних болот, изобилующих клюквой.

По дороге обратили внимание на большое скопление птиц в небе над дальним лесом. До них было далеко, и сначала мне показалось, что это почти под носом комары «мак толкут». Но потом ощущение перспективы вернулось, да и передвижение птиц не походило на комариную суету: они плавно кружились над лесом.

— Это журавли на дальних болотах готовятся к отлёту на юг, — сообщил наш проводник. Мы были земляками, но он много лет и подолгу бывал в здешних краях и обходил всё вокруг, потому что был заядлым рыбаком и охотником.

Мы попытались хотя бы прикинуть, сколько журавлей собралось в такую огромную стаю. Выходила неправдоподобная цифра — где-то около двухсот особей, а может, и больше.

Но не только журавли собирались в дальнюю дорогу. На берегу речки мы встретили скопище овсянок, а днями — тучу зябликов. Бегали по берегу и отлетающие удоны. От нас они

убегаали, лишь время от времени поднимаясь в воздух, каждый раз перед этим оглядываясь и распуская веера своих пёстрых хохолков.

Узкая, но говорливая Рёжма несла свои кофейные болотные воды в зарослях кустарника, кругом стоял спелый сосновый бор. Здесь было раздолье для рябчиков. У нас был манок — тоненький металлический свисток, купленный недавно в городе. Рябчики откликались со всех сторон. Самые коммуникабельные садились на деревья поблизости, громко хлопая крыльями, и пятались на нас. Не было у нас ружья, а то бы они узнали цену человеческого дружелюбия.

В октябре начался массовый отлёт уток и гусей. Их оказалось так много, что добрые две недели они летели круглые сутки. Ночью проносились невысоко над лесом, и отчётливо был слышен шорох и свист крыльев. Утки были молчаливы, а гуси на ходу обменивались короткими, но резкими репликами. В лунные ночи картина массового отлёта была сказочной.

Однажды над производственным корпусом, где мы работали, объявилась большая станица огромных белоснежных птиц. Она завершала круг и заходила на посадку. Передние лебеди, широко расставив крылья, планировали на воду. Море было рядом, и всё было отлично видно. Перед встречей с водой птицы откидывались назад, и их огромные крылья складывались за спиной. Крылья, как и выставленные вперёд лапы, работали на торможение. Приводнение сопровождалось веером брызг. И вскоре вся стая величаво закачалась на волнах.

Судя по грациозно изогнутым шеям и вздёрнутым лодочкой хвостам, это были лебеди-шипунуны. У кликунов на воде шеи прымые, а хвосты опущены.

Для непосвященного удивительно, что такое невероятное количество птиц живёт и размножается не где-нибудь на благодатном юге, а на севере. Но разве есть для пернатых место краше, чем то, где мало людей, кругом сплошные болота, озера и реки, да ещё поблизости море?! Пищи — сколько угодно!

Поистине север для птиц — настоящий рай. Иначе зачем бы им каждую весну лететь за тридевять земель из Африки, из Средиземноморья, Индии, Юго-Восточной Азии, из других солнечных и тёплых краёв?

Нет, люди, в отличие от пернатых, явно недооценивают всех прелестей жизни на так называемом Севере России — в Нечерноземье, например. Впрочем, в Северодвинске познакомился я с офицером-азербайджанцем. Он давно служит здесь и влюблён в север.

— Я — коренной бакинец. И жена тоже. И наши родители, которые приехали к нам и много лет живут в Двинске. Мы считаем, что лучшего климата на свете нет. Вы не бывали в Баку? Это ад: летом жуткая жара, зимой собачий холод. А здесь благодать: тепло и летом и зимой и не бывает ни изнурительного зноя, ни страшного холода.

По мнению учёных, того же академика Н. Вавилова, все условия для полноценной жизни человека на севере России есть, а у сельскохозяйственного производства огромные перспективы. Значит, исконная Россия, колыбель нации, может и должна вернуться из небытия. И вернётся, если за дело взяться с умом и размахом.

24 июля 2007 г.

НА ПЕРВОЙ ЗОРЬКЕ

Заметки охотника

Вот и наступило заветное утро, которым долгие восемь месяцев бредил каждый охотник. «Открытие охоты» — только для ярого приверженца асфальта и сантехнических прелестей эти два магические слова — пустой звук.

Чтобы достойно встретить первую зорьку, мы, маленькая бригада детей природы, около суток спешили к этому огромному болоту-озеру на самой границе с Казахстаном. С невысокого холма, где мы разбили лагерь, нашим взорам открывался вид, от которого текли слюнки: обилие камыша, уютные плёсы, утиные стайки, стремительно пролетающие над озером, важная цапля на кочкарнике, которую было отлично видно в бинокль. В довершение огромная станица гусей, громко гогоча, поднялась с озера и полетела кормиться на поля. Надо ли говорить, что, несмотря на усталость, мы утомнились далеко за полночь.

Вставать пришлось почти сразу же. Разбудил нас вождь местных охотников некто Нитцель Карл Карлович. Кстати, только он вызывал некоторый негатив, назойливо рекламируя свою принципиальность и раздражая менторскими ремарками. Особенно нас испугал вид оборудованной стоянки, когда мы к ней подъехали. Она походила на кусочек Германии, потому что была утыкана аккуратными столбиками с аккуратненькими фанерками, на которых назойливо сообщалось, как надо и как не надо вести себя в тех или иных обстоятельствах. Избитые истины о том, что Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овёс, казались сенсационным откровением по сравнению с информа-

цией, которую сообщали щитки и щиты. Мы, не стовариваясь, после всего увиденного стали называть шефа Шницелем.

Итак, Шницель, чьё расположение мы непостижимым образом обрели, разбудил нас свистящим шёпотом:

— Вставайте, займём места получше, пока остальные спят...

Озеро оказалось мелким — немного выше колена, дно — илистым, камыши — низкими, но густыми и обильными. Шницель, чья лодка скользила рядом с нами по чёрной воде, коротко объяснял ситуацию, а мы чавкали сапогами, с трудом вытягивая их из ила.

Идти было далеко. Впереди, отталкиваясь шестом, плыл Шницель, потом шёл я с платком в руках, вытирая со лба обильный пот, а сзади, фыркая и чертыхаясь, мутил воду коллега, сапоги которого оказались негерметичными.

На мысу между двумя просторными плёсами Шницель приказал нам остановиться. Мы вошли в камыш и начали обустроиваться. Этим же занимались и другие охотники: стоило на минуту замереть, как в гулкой предрассветной тишине со всех сторон озера слышались шуршание камыша, всплески воды и приглушенные разговоры.

Наконец, всё замерло. Лишь лёгкое дыхание воздуха заставляло слабо шелестеть камыш да тускло поблескивала вода. Где-то неподалеку возились и тихонько покрывали утки.

Через час уголок неба на востоке заметно посветлел, постепенно обозначился горизонт, и светлая кайма на краю земли стала перламутровой. Слабым радужным полукружьем обозначилось место, где должно появиться солнце. Посеревшие было заросли камыша стали тёмными, а вода побелела и зашевелилась.

Вдруг гулко ударил выстрел, потом другой. В мгновение всё вокруг загремело.

— Утки! — прокричал шёпотом приятель.

Прямо на нас неслась стая чирков. С размаху погрузившись по пояс в воду, мы с трудом спрятались за низкорослый камыш.

Где взять силы, чтобы описать тот благодатный накал страстей, который называется охотничьим азартом? Как рассказать о том высокочастотном трепете, который, цепко обьяв душу и тело, взбадривает, как душ Шарко? Увы, не ни сил, ни умения...

...Чирки благополучно миновали наши четыре взметнувшихся навстречу им свинцовых столба и унеслись к следующим нервным дуплетам... Ничего удивительного, если учесть размеры чирка (с кулак) и его скорость (50 метров в секунду).

Как бы то ни было, а возвращались мы к стану, горделиво поглядывая на притороченных к поясам уток. У каждого их было по четыре при дневной норме отстрела пять птиц.

Чего только не произошло за короткие, как миг, два-три часа утренней зорьки... Были и погони за подранками с бурным падением в воду, и промахи, о которых даже сейчас вспоминать больно и обидно, и взрывы радости после удачного выстрела. Да и как не радоваться, если стремительно летящий чирок вдруг останавливается в воздухе, будто с размаху ударяясь о невидимую стенку и, кувыркаясь, падает неподалеку от скрадка. А представьте состояние охотника, когда этот чирок, упав в воду, вдруг оживает и бросается мимо тебя в камыши...

Охота окончена. После долгого хождения в воде среди зарослей камыша и по кочкарнику, уставший, добираясь, наконец, до стана, раздеваясь и ложишься на спину. Можно ли в иной ситуации испытывать столько блаженства? Не думаю, Такое ощущение, будто ты после большой стирки, во время которой стирались не только твои мышцы, но и нервная система и чувства — всё то, что даёт мироощущение.

Жизнь кажется прекрасной, хочется обнять весь мир. Наверно, это и есть счастье. И поверьте, дело совсем не в числе убитой дичи.

Август 1978 г.

УЧЕБНАЯ СТРАДА

В квартире Валентика гулко зазвенел звонок.

— Борька! — громыхнул стулом тощий Санька и рысцой направился к дверям.

— Иззубрился, небось? — входя, ревниво спросил низкорослый толстяк.

— Сказанул тоже! — натужно засмеялся Санька. — Всё время болтался, только сейчас немного почитал.

— Знаем мы вашего брата, отличника. Вас, темнил, послушать, так вы и книг в глаза не видали.

Санька неопределённо хмыкнул, и они направилась в большую прохладную комнату, где на обширном столе были разложены учебники, конспекты и всё остальное, без чего невозможен хоть сколько-нибудь серьёзный экскурс в мир знаний.

Борька развалился на просторном диване:

— Ха-ха, какая прелесть! Разве без такого дивана возможна изящная жизнь? Никогда! Кстати, иду сейчас по улице: погода

шепчет, люди, как муравьи, — каждый на солнышко норовит, благо сегодня выходной. Девушек — не счесть, и каждая — красавица. И вдруг навстречу идёт Она — царица моих сновидений!

И начались добродушные разглагольствования человека праздного и довольного собой и окружающим. Это никак не отвечало моменту, и воспитанный Саня неодобрительно молчал, поджав и без того тонкие губы. Весь его вид показывал, как он занят и как ему мешает приятель, напросившийся в компаньоны, дабы на конкретном примере освоить методу наилучшей подготовки к экзаменам.

Тут в самый раз представить моих героев. Они — студенты-филологи, изучают изящные науки, как вы, может быть, успели заметить по их отнюдь не изысканной речи, и главная их задача на ближайшие три дня — подготовиться и сдать экзамен по изящнейшей из наук, называемой «Современный русский язык», которую, увы, так недолюбливают все, кроме, разве, учёных-лингвистов.

— Ну-с, — круто оборвал Борис, разглядев, наконец, выражение Саниного лица, — а теперь — за дело! — он с неудовольствием обозрел груды знаний.

— Давай поучим, — промямлил Саня, давно и нетерпеливо теребивший в руках книгу. Он сунулся в неё и влиц, всё более и более углубляясь в чтение.

Борька тоскливо посмотрел в окно, где последние деньки буйствовала весна, не желая уступать лету, и, подавив вдох, стал с шумом устраиваться на диване. Он то мял, возясь, мягкий чехол, то привставал и расправлял его, то пододвигал и снова отодвигал расшитые узорами «думки» — нетленную память Сашиной мамы о дорогом прошлом. Наконец, голова его склонилась над ядовито жёлтым учебником, и он, к неудовольствию приятеля, гулко забубнил: «Введение. Фонетика имеет два аспекта исследования. Один аспект — физиолого-акустический, второй — функциональный, фонологический, изучающий звуки речи в их различительной способности, изучающий систему фонем...»

— Слушай, Борь, давай про себя...

— Про меня тут ничего не написано, — по-базарному пошутил тот, не отрываясь от книги, но его губы зашевелились беззвучно.

Едва ли есть смысл описывать бесконечно сложный и в высшей степени интимный процесс усвоения материала нашими друзьями. Может, смысл и есть, но интересу никакого, тем более, что внешне этот процесс выглядел крайне однообразно и потому скучно.

Саша расхаживал по комнате с книгой в одной руке и с карандашом в другой, раскачиваясь, как будто маялся зубной болью. Однако лицо его выражало твёрдость и уверенность. Борис мучительно морщил лоб, жуя невидимые слова, как кот — горячую кашу. Иногда он оторопело смотрел на стену, а затем снова вперялся в книгу.

Минут через двадцать поборник передовых методов постижения истин начал утомляться. Он всё чаще стал поглядывать на друга в надежде обрести собеседника. Тот с усердием пахаря отворачивал лист за листом ядовитого учебника. Подавив вдох сожаления, Борис стал изучать обои и заметно оживился. Должно быть, что-то интересное пришло ему на ум. Может быть, воображение перенесло его на девственно неграмотные острова Океании, где он беспечно бегал в одной набедренной повязке с друзьями-туземцами по берегу ласкового океана; может быть, ему представилось, как он, не очень сведущий в грамматике, но до предела компетентный в коровьем деле ковбой, скачет по бескрайним прериям на полудиком мустанге... Но, чу! Наш герой заёрзал на диване.

— Саня, а Саня! Ты ведь бывал в Крыму — видел твою фотографию рядом с Панорамой в Севастополе. Расскажи чуть-чуть как там...

— Давай, ещё поучим немного, а потом перервёмся.

— Да нет, погоди... Вот сижу и думаю: вдруг мы с тобой — и в Крыму. У наших ног плещется Чёрное море, над нами — лазурное небо, рядом — стройные кипарисы, рододендроны и всякие там пинии. Солнце — тысячи наших, карельских. Запахи лучше французских духов.

На Сашу нахлынул поток воспоминаний. Он оторвался от книги и начал, всё больше вдохновляясь, рассказывать. И вот уже перед друзьями разворачиваются картины весеннего Крыма, и напоённый запахами цветов и моря воздух, и всё вокруг — сплошной букет: и горы, и улицы, и парки.

— Да, мы бы с тобой сумели прилично провести время... Перво-наперво направились бы...

И он начал вдохновенно излагать сведения о самых интересных местах Крыма, где побывал. Борис, с интересом грызущий ногти, глянул вдруг на часы и самоотверженно, дрогнувшим голосом предложил:

— Может, поучим, Саша, а? Как не крути, а время — единственно необратимый фактор.

И, прямо не верится, первым принялся за чтение. Саша тоже глянул на часы и всполошился.

...Со скатерти на страницу с усилием влезла вялая и тощая муха. Её, видимо, разбудил от зимней спячки вдохновенный рассказ о красотах Крыма, и она решила взглянуть на собеседников. Покачиваясь, муха прошла на середину книги — тусклая, как моль, и с обвислыми усами. Она неуверенно подняла передние лапки и стала чистить их друг о друга. Так как занятие это отняло у мухи слишком много сил, она надолго впала в прострацию. Это было неинтересно, и наблюдатель грубо сдул её с кладезя знаний.

Молчание на этот раз продолжалось около часа. Его нарушил, конечно же, Борис:

— Слушай, Саш, а не пойти ли нам на «Повторный брак»? Говорят, забавный фильм.

— Вот сдадим экзамен — сходим...

— Тьфу на этот чёртов экзамен! Ну, да ладно, как говорится: «Тише, дети, кошка сдохла, / Хвост её облез. / Кто ещё хоть слово скажет, / Тот её и съест!»

— Ещё немного поучим — и перервёмся, — смягчает неприятное впечатление Саша.

Проходит ещё двадцать минут скрупулёзного изучения лишённой всякой поэзии фонетики. И тут весело трещит телефонный звонок.

— Мне! — резво кричит Саша и кидается в прихожую. За ним валко поспевают Боря.

— Тамара! Ах, не Тамара... — Саша скис. — Извините, а кто это? Ты что ль, Юрка? Борьку? Сейчас...

— Привет, старик! — Борис даже светится от удовольствия. — Да, долбаем, причём капитально... С каждой минутой растёт уверенность, что «пятак» — мой. Собственно, тебе чего? Ага, ты решил совершить вояж по городу с феминой и почему-то непременно в моих корках. Друг мой, студент должен гордиться рубищем, а ты...

Конечно, разрешение на выход в новых штиблетах было дано, конечно, никакой иной информации у приятелей друг для друга не было, но беспечная беседа была приятной для друзей и потому неоправданно затянулась. Наконец, трубка брошена... И впереди опять эта противная книга в ядовитой обложке.

Боря входит в комнату и бесшумно садится на диван. Саша, расхаживая по комнате с книгой в руках, будто отвечает кому-то невидимому поклонны на японский манер. Он так углублён в науку, что не поднимает головы. Борис снова приступает к фонетике.

Но мир полон звуков, и каждый из них представляет известный интерес, особенно если звуки мешают и о них надо забыть.

Слабо жужжит где-то всё та же единственная муха, явно старясь преодолеть невидимое препятствие. И совершенно очевидно, что не одолеет его по причине хилого здоровья. Со двора доносятся крики детворы. Кто-то медленно спускается по гулкой лестнице. Интересно, пьяный или немощный? Этажом выше будто неуверенно прошагали по клавишам пианино. Потом пианино загремело, как сумасшедшее, и из каменного обвала звуков стала смутно выделяться вечно юная песенка о чижики и Фонтанке.

...С длинным зевком потянулся Саня, отвалиясь на стуле. Резко поднялся.

— Ну, что, много выучил? — встрепенулся Борис и, вскочив, заглянул в открытый учебник. — Ты что, с ума сошёл? А я ещё на фонетике сижу.

Прилежный студент ничего не сказал. Он медленно, смакуя каждый шаг, подошёл к окну и распахнул его. Мощная струя свежего, пахнущего ранним летом воздуха, стала наполнять комнату, маня и будоража.

— Ну, и вонища! — тихо сказал Боря, нервно втягивая воздух ноздрями. Он вскочил, отбросив ядовитую книгу, и быстро подошёл к окну.

Белая ночь, робкая и призрачная, нерешительно опускалась на задремавший город. И растворяющийся в лёгком сумраке зелёный бульвар, и широкий асфальтированный двор, и крыши сараев и домов — всё было залито нежным, темнеющим на дереве вишнёвым сиропом солнечного заката. Изредка тишину нарушал автомобиль, промчавшийся где-то на соседней улице, да тихий счастливый девичий смех из сквера неподалеку.

— В принципе, отлично, — произнёс, наконец, Саша, глядя на светлое, будто сделанное из газа, небо. — Это однозначно. Сейчас бы не науки долбать, — начал либеральничать он, — а по улицам шляться с какой-нибудь сеньоритой, а, Боря?

Помолчали.

— Знаешь, что? — нарушил молчание Саша. — Давай ещё рывок — до двенадцати — и спать.

— Конечно, конечно, — чересчур охотно поддержал Борис. — Лично я нажму со страшной силой: надо же тебя догнать, чтобы дальше учить вместе.

Саша скуксился: видимо, его такая перспектива не прельщала.

— А сдадим — так гульнём на всю катушку! Как ты?

Было около одиннадцати.

Спешила, вздрагивая от нетерпения, секундная стрелка, сердито таща за собой минутную подругу. А неподалеку, с высоты

хитроумных кинематических связей, равнодушно взирала на житейскую суету стрелка часовая. Видимо, только ей одной из всего семейства стрелок, живущих в помещении над циферблатом, был ведом закон об обратной связи между временем и скоростью. Увы, она и не ведала о подлом житейском эффекте закона: чем больше делаешь, тем острее чувствуется нехватка времени.

Итак, в установившейся тишине откуда-то сверху часы гулко пробили полночь.

— Ну, вот я и кончил на сегодня. А ты, Борька?

Борька молчал. Саша обошёл кресло и посмотрел на друга. Тот безмятежно спал, аморфным комом свалившись на сиденье. Его большое добродушное лицо озарялось улыбкой, а толстые губы шевелились. По покрывшемуся лёгкой испариной лбу ползала вялая, серая, как моль, тощая муха.

ПОХОЖДЕНИЯ СКЕЛЕТА ИЗ ШКАФА

Суд товарищей

Звонок громко известил студентов о начале перерыва. Профессор поспешно засунул бумаги в портфель и стремительно покинул кафедру. Аудитория взорвалась шумом, радостными криками и стуком стульев. И в этот самый момент в неё вошли, держась под ручку, две женщины:

— Ребята! Кто Налётов? Есть Налётов?

— Я — Налётов! — подскочил белобрый парень. — В чём дело?

— Мы из канцелярии. Надо срочно уточнить некоторые данные Вашего личного дела. Пройдёмте с нами...

Когда Юра Налётов, студент-филолог четвёртого курса, вошёл в канцелярию, одна из его спутниц закрыла дверь и повернула ключ в замке. Он даже не успел удивиться, как из-за шкафа выскочил юркий мужчина небольшого роста и при галстукке и протянул ему ладошку:

— Давайте знакомиться: капитан комитета государственной безопасности Елсуков Пётр Никодимович. Не беспокойтесь: Вы у нас на хорошем счету, и нам с Вами надо посоветоваться. Я курирую университет и знаю Вас как хорошего комсомольца и добросовестного студента. С многими из надёжных студентов мы давно и крепко дружим. Они — наши глаза и уши. Есть настоятельная необходимость оберегать молодёжь от чуждых влияний. А как без этого во вражеском окружении? Молодёжь надо оберегать от...

Налётов почувствовал себя предметом, засунутым в дерьмо. Почему ему вечно не везёт. Недаром мамка, имея в виду его постоянные неудачи, шутит: «Не с того места, видать, ты, сынок, вывелся!»

— Давайте встретимся, — между тем продолжал бесстрашный чекист и, перейдя «на короткую волну», зашептал: — В гостинице «Северной» у нас есть кабинет для доверительных бесед. Приходите завтра в 14.00 в гостиницу. На третьем этаже есть холл с газетным киоском. Там же стоят шахматные столики, за которыми всегда есть люди. Я буду среди них.

— Вы поднимитесь на этаж — не забудьте, на третий, — увидите меня и, как ни в чём не бывало, подойдите к киоску. Я встану за Вами и громко кашляну, вот так вот: «Гм-м!!!». Не оглядывайтесь. Через минуту-другую отойдите от киоска и следуйте за мной по коридору в некотором отдалении. Кабинет в самом конце коридора, поэтому делайте вид, что ищете номер, и незаметно следите за мной. Запомните дверь, куда я войду. Через несколько минут входите и Вы. Стучать не надо — дверь будет открыта.

— Если, вдруг-да, завтра на явку придти не сможете, вот Вам номер моего телефона — обязательно позвоните! — он сунул ладошку Налётову, пребывающему в оторопелости. — Будьте здоровы! До встречи!

Было от чего впасть в смятение студенту 22-х от роду лет.

Шёл 1959-й год. Шесть лет назад, когда он учился в школе, умер вождь и учитель всего прогрессивного человечества великий Сталин. И вскоре после этого мимо маленького городка, где он тогда жил, пошли товарные эшелоны, набитые амнистированными гражданами счастливой страны. Почти на каждом вагоне составов было начертано: «Спасибо дедушке Ворошилову!!!», потому что именно Климент Ефремович, став Председателем Верховного Совета СССР, подписал амнистию.

Эшелоны на каждой станции оставляли недавних зэков из местных. На улицах городка появились люди с серыми лицами и в заношенных фуфайках, просившие подаяния. Было среди них и немало политических. Однажды в доме Налётовых остался на ночь совсем ещё мальчишка. Он просил денег на дорогу до родного дома, в котором не был долгих восемь лет из десяти пожалованным ему самым гуманным судом в мире. Вина его была чудовищной: он в кругу сверстников расшифровал название сигарет «Спорт» как «Советское правительство обеспечивает рабочих тюрьмой». Гнусная ложь на родную власть была примерно наказана.

От многих других амнистированных и тогда и позднее наслышался Налётов о порядках на зоне, о которых много лет спустя подробно поведал Человечеству А. Солженицын в своей книге «Архипелаг Гулаг».

В университете Налётов вместе со всеми стал изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» по гениальному учебнику, вышедшему под редакцией и при живейшем участии самого Большого Учёного. Когда они по ходу дела приступили к одолению «Манифеста коммунистической партии» — программного документа научного коммунизма, написанного классиками К. Марксом и Ф.Энгельсом ещё в 1848 году, на перерыве в курилке произошло нижеследующее событие. Некто Вовка, их сокурсник, произнёс вдруг:

— А вы поняли, мужики, что коммунистическая идеология — идеология человеконенавистничества?

Поражённые мужики в испуге отпрянули от Вовки.

— Ну, сами посудите: классовая борьба — не что иное, как физическое уничтожение эксплуататоров — их жён, детей, матерей, отцов, братьев и сестёр. Всех, кто не пролетарий и не крестьянин. Но это же гражданская война. Кому захочется умереть во имя прогресса? Уничтожение частной собственности — опять же гражданская война. Кто же за просто так отдаст своё имущество? Сами-то Маркс и Энгельс, — кстати, фабрикант, — отдали своё барахло в общественное пользование или нет? Никто не слышал?

— Фактически, коммунизм — это призыв построить счастье большинства на горе и крови меньшинства. Какое же это счастье? А где справедливость, милосердие, доброта? Мы-то с вами знаем, чем всё это закончилось...

Конечно, Вовки скоро в университете не стало. И это правильно: таким людям в советском вузе не место. Отчислили его вроде бы за академическую неуспеваемость.

Наступил 1956 год, год XX съезда родной Коммунистической партии. Н.С. Хрущёв сурово осудил культ личности Сталина. На свет появилось закрытое письмо съезда коммунистам страны, в котором подробно перечислялись все преступления покойного вождя. Содержание письма рекомендовалось в устной форме пересказывать недалёким гражданам Страны Советов, но не более того.

Можно только подивиться предусмотрительности участников исторического съезда. По миру шагает двадцать первое столетие, а в стране несостоявшегося коммунизма полно страстных поклонников Злодея, которые не удосужились ознакомиться с

важнейшим документом эпохи и потому яростно отвергающих преступные деяния «великого» Сталина. Любопытно отметить, что фанаты — в основном коммунисты, которые обязаны знать важнейшие материалы своей партии. Впрочем, как сказал один философ, сторонниками коммунистической идеологии могут быть только люди, не знакомые с трудами классиков марксизма-ленинизма, а если точнее — невежи. Или любимцы власти, обласканные ею.

Здесь, наверно, уместно отметить, что через тридцать лет, в эпоху бровастого вождя и благостного застоя, детям Налётова, ставшим студентами, на занятиях по обществоведению сообщают, что никакого культа Сталина не было и в помине. Совсем как в поговорке: «Кучер взмахнул кнутом, и лошадь обратно побежала вперёд».

Итак, очередной исторический съезд позади. Растерянность духовных пастырей наших была недолгой. Курс величайшей из наук стал именоваться «Историей КПСС». Преподаватель в своих конспектах заменил Сталина на Ленина. И всего-то. Товарищ Налётова, трудоголик и педант, подсчитал, что до съезда лектор в течение «пары» произносил имя Сталина в среднем 142 раза, а после съезда имя Ленина примерно 142 раза, зато про Сталина — ни звука. Перемена разительная! И никаких культов!

Ветры свободы заносились над великой державой. Все вокруг стали разболтанными, как после команды «Вольно!», и говорливыми. Иные субъекты, нимало не смущаясь и без должного страха, стали называть великого Иосифа Виссарионовича Ёской Кровавым. Сильно этому способствовали и инициированные самой властью встречи народа, в частности, студентов, с недавними политзаключёнными, не скрывавшими ненависти к сталинскому режиму. Справедливости ради надо отметить, что и в этих негативных воспоминаниях рефреном неизменно звучало: «Но мы всегда оставались коммунистами!» И ни тени сомнения в святости идеалов.

Сомнения, безусловно, были, но не у всех, а у кого были, те, наученные горьким опытом, помалкивали. Потому что понимали: время не пришло. Неопределённость ситуации при отсутствии сколь-нибудь заметных перемен в политическом климате явно затягивалась.

...Вот в таком состоянии ума и чувств оставил студента-филолога Юрия Налётова плюгавый мужичонко с погонами капитана КГБ, упрятанными в красные корочки.

На следующий день встреча не состоялась: кафедра спецподготовки вывезла весь четвёртый курс университета — будущих

офицеров запаса — на полевые занятия по тактике. Верный слову Налётов заблаговременно известил об этом бесстрашного чекиста, и тот перенёс встречу на следующий день.

С неприятной лёгкостью в низу живота и на помягчавших ногах Налётов в назначенный час стоял на третьем этажа у газетного киоска гостиницы «Северная. Натужное кхеканье сзади рассмешило его, обратив серьёзность момента в жалкую пародию. Удалявшийся по коридору невзрачный человек и вовсе развеял все страхи: «было бы кого бояться!»

Как и при прошлой встрече, двери за ним закрыли и заперли «на ключку». Номер являл собой узкую, как пенал, комнату, в которой едва размещались кровать с тумбочкой и небольшой шкаф при входе. У окна стоял письменный стол, за который и уселись друг против друга хозяин кабинета и его безответный клиент.

— Вы меня извините, — не без доли нахальства сказал студент Налётов, — но я хотел бы ознакомиться с Вашими документами. А то, знаете, встречаются люди, которые любят выдавать себя за чекистов. Особенно в подпитии.

— Вы можете назвать их имена, место жительства? Нет? Ну, с подвыпивших тоже спрос есть. Их следовало бы приструнить, чтоб не болтали. Вот моё удостоверение. А Вы молодец, что его спросили. В наше время бдительность прежде всего. Враг не дремлет!

Он достал из стола папку и разложил перед собой какие-то бумажки.

— Я курирую университет и знаю Вас как активного комсомольца и добросовестного студента. С многими из хороших ребят мы давно и крепко дружим. Они — наши глаза и уши. А как без этого во вражеском окружении? — чекист повторялся, как патефон. — Молодёжь надо оберегать от чуждых влияний. Время от времени появляется нужда в более широком общении. Именно поэтому я и пригласил Вас побеседовать и посоветоваться.

— Вот Вы учитесь вместе с Марком Мильнером. А ведь, как оказалось, он с гнильцой, с антисоветским душком. Что скажете? Обыкновенный парень? Заблуждаетесь... Почти с четырьмя курсами университета за спиной невозможно быть политически незрелым и не понимать ситуацию в стране. Тут совсем другое дело. Откуда злопыхательство, откуда такое враждебное отношение к Родине?

— Вы считаете, что его антисоветские высказывания — желание казаться умнее, не больше? Не думаю. Тут надо смотреть

шире и искать глубже... Мы опасаемся, что за ним может стоять организация. Этого тоже нельзя исключать...

— Нам стали известны, — продолжал чекист, — его высказывания о том, что Америка — замечательная страна; что там свобода, не то, что в СССР; что там безработные живут лучше, чем у нас трудящиеся, потому что разъезжают в поисках работы в шляпах и на личных автомобилях. Если это не клевета, то что это?

Визави капитана невнятно хмыкал, иногда поддакивал, понимая, что компромат на Марка уже собран и подписан.

— А теперь скажите честно: Вы сами были свидетелем таких высказываний Мильнера?

— Был, — сказал Налётов. — Но ничего иного я от него больше не слышал, честное комсомольское. И убеждён, что он обыкновенный безответственный болтун. Ну, какой он враг? У него семья, маленький ребёнок, живёт он у тётки, участнице революции, и папа у него — старый коммунист. Хочется мужику прослыть человеком большого ума и широких взглядов, и всего-то.

— Вы меня не переубедили... Вот Вам лист бумаги. Прошу подтвердить факты его антисоветских высказываний. Опишите обстоятельства, в которых это произошло, окружение. Только, чур, никаких комментариев, только факты.

— Пётр Никодимович, в самом начале беседы Вы сказали, что хотите со мной посоветоваться, потому что моё мнение важно для выяснения истины. Почему же теперь Вас интересуют только факты? Нет уж, или я излагаю свою точку зрения, или ничего писать не буду.

— Хорошо, хорошо, — поспешил согласиться собеседник. — Пишите, как хотите, только подробно и аккуратно.

Через десять минут они расстались.

На улице было чудесно. Светило солнышко, спешили пешеходы, катились, как ни в чём не бывало легковушки и автобусы. Как им всем хорошо. Налётов чувствовал себя, как классик, начитавшийся писем Гоголя к тульской губернаторше. «Нас не трогайте — мы цыплёнки», — всплыли вдруг из недр организма строки. И в самом деле: почему именно он? Хотелось срочно поделиться с кем-нибудь переживаниями, но бесстрашный чекист категорически запретил это делать. Рисковать не стоит: организация серьёзная.

И дёрнул чёрт этого Марка трепать языком, где попало и с кем попало! Впрочем, а кто не щеголял своим вольнодумством и блеском ума! Лично он, пожалуй, ни в чём не уступал Марку.

А остальные прочие разве уступали? Правда, они блистали умом только среди своих, не то, что Мильнер.

Мысль о собственном доносителе убивала его, потому что он был убеждён, что порядочные люди так не поступают. Ну, как можно предавать чью бы то ни было доверительность? Отвечать на ласку и привет подлостью?

Терзания Налётова неожиданно облегчил один из преподавателей. Повстречавшись в фойе, он отвёл студента в сторонку и сказал:

— Прочитал все показания о Мильнере и хочу позать тебе руку. Молодец!

И ушёл.

— Ага! — допёр, наконец, Юрий. — Значит, на явке в гостинице побывали все или почти все, кто общался с Марком! И помалкивают!

А через пару дней его пригласили в партком университета.

— Юра, — по-свойски обратился к нему секретарь паркома, с которым они как-то вместе были на сельхозработах. Естественно, в разных ролях. — Мы готовим общественный суд над Мильнером. У меня к тебе личная просьба: прояви принципиальность и выступи. Обличи его за антисоветское поведение. В общем, надо вытаскивать парня из трясины. Обещаешь?

Налётов сослался на стеснительность, на отсутствие опыта публичных выступлений, на то, что со страху может всё только напутать. Но секретарь был твёрд и настойчив, и он уступил, пообещав, что выступит, если почувствует в том необходимость. На том и порешили.

И вот в вестибюле университета появилось объявление, написанное на большом листе ватмана, извещавшее студентов о предстоящем общественном суде над отщепенцем и антисоветчиком. Суд был назначен на завтра. Явка студентов крайне желательна.

Вечером в общежитие за поддержкой к однокурсникам прибежал антисоветчик собственной персоной.

— Ребята, — сказал он. — Мне плохо! Я так боюсь этого суда. Судите меня, если я неправ. Пожалуйста! Я готов признать все свои ошибки! А боюсь я огульного очернительства, боюсь, что меня смешают с дерьмом. Неужели я такой плохой? Поправьте, но не погубите! Хочу суда праведного!

Друзья-товарищи неопределённо, но вполне дружелюбно хрюкали.

И он ушёл домой. Отправился на окраину города, где в горестном ожидании завтрашнего дня томились его жена и тёща.

Наступило завтра. В назначенный час актовый зал забили студенты: кто захочет пропустить необычное зрелище. В президиуме за длинным столом, покрытым, как водится, алым полотнищем, восседал президиум — очень важные люди. Куда важнее, если в центре сидели первый секретарь обкома ВЛКСМ и, — страшно сказать! — сам первый секретарь обкома КПСС! На стене за ними висел огромный портрет главного демократа и реформатора Никиты Сергеевича.

На трибуну поднялся секретарь парткома. Он представил членов президиума и объявил повестку дня, Потом предоставил слово первому оратору. Зал замер. Подсудимый сидел в первом ряду. Чуть поодаль пристроились однокурсники антисоветчика, другие ребята с историко-филологического факультета.

Первым оратором оказался известный в республике драматург. Его последняя пьеса о слепой девушке шла на подмостках многих театров страны, и он вознёсся на трибуну с видом обитателя Олимпа. Марк, считавший себя заядлым театралом, был лично знаком с ним и очень этим гордился. Он даже бывал у него дома и после визитов к мэтру бежал не домой, а в студенческое общежитие, чтобы выплеснуть переполнявший его восторг от великого человека на друзей.

— Я довольно близко знаком с Марком Мильнером, — начал он. — Скажу больше: он вхож в мой дом. Не скрою, как человек он был мне интересен. Но чем больше я его узнавал, тем неприятнее он становился. Потому что в своих разглагольствованиях не уставал хвалить порочный Запад, превозносить американский образ жизни и поносить всё советское. Откуда, задавал я себе вопрос, мог появиться такой поганец в нашей великой стране? Разве не наша святая Родина выкормила его, подняла на ноги и дала путёвку в жизнь? Смог бы ли он на своём хвалёном Западе стать студентом университета? Уверен, нет. Сначала хотел написать фельетон (слава Богу, фельетоны писать не разучился!) и назвать его «Присосок!» Разве не присосался он ко всем нам, к нашему обществу? И ещё посмел, неблагодарный, клеветать на него!

Ну, и так далее и тому подобное.

Налётов не видел лица Марка, но представлял, какой удар обрушил на него кумир.

Потом пошли другие ораторы. Выступали кто с суровыми осуждением, кто с призывом к здравому смыслу, кто с увещаниями.

— Конечно, в нашем обществе имеются отдельные недостатки, — говорил один. — Но даже на здоровом теле бывают пры-

щики. Это нормально. Так зачем же расчёсывать их до размера больших и плохо заживающих ран? Ты неправ, Марк!

— Если бы ты служил в армии, — обратился к подсудимому студент из недавних офицеров, — ты бы знал, что в каждой части повсюду висят плакаты, предупреждающие: тебя может подслушать враг, враг не дремлет! И так далее. Как ты мог забыть о бдительности? Как ты ухитрился не понять, на чью мельницу льёшь воду?

— Мне никогда не нравился Мильнер, — заявил следующий оратор. — Слишком он какой-то болтливый и разболтанный. Всё время смеётся. С такими разгильдяями надо быть построже, а то беды не оберёшься. Я бы с ним в разведку не пошёл.

Остальные записные ораторы говорили приблизительно то же. Наконец слово предоставили подсудимому.

Марк долго молчал, бледный. Потом вместо простого, как коровье мычания, раскаяния, необходимого и достаточного для суровых судей, начал мямлить что-то о духовных поисках, о неоднозначности жизни общества и только в конце сказал, что виноват и просит у всех прощения.

В прениях дружно пожелали выступить все члены комитета комсомола университета. Они гневно обрушились на Марка в выражениях стандартных и потому звучавших неискренне. Студент Налётов заёрзал на стуле. А когда один из членов комитета, известный всем прохвост, вдруг заявил: «Я, к счастью, не знаком с Мильнером, но вот послушал его и понял, какой это фальшивый и подлый человек!», он поднял руку. Слово ему тут же дали.

— Все здесь гневно обличали Мильнера. А я хочу защитить его! Разве настоящий суд бывает без защиты? Я почти четыре года учусь вместе с Марком и могу твёрдо заявить, что он хороший и надёжный товарищ. Очень весёлый и интересный человек. Он, наверно, больше всех болеет за группу, Это хорошо видно во время экзаменов. Почти все, сдав экзамен, разбегаются по домам, а Марк всегда дожидается, когда сдаст последний, хотя живёт на окраине города, куда надо ещё добираться.

И тут Налётова прервал властный голос первого секретаря обкома партии:

— Я предлагаю лишить Налётова голоса, потому что он оказывает другу медвежью услугу.

— Нет! — дерзко возразил оратор. — Если мы судим человека, то должны знать, что это за человек. А Вам никто слова не давал — Вы же не председатель собрания.

В наступившей тишине он продолжил:

— Меня больше всего удивляет, что молодой, ещё не сложившийся человек делится со старым партийцем своими сомнениями и размышлениями, а тот вместо того, чтобы растолковать сомневающемуся, в чём он не прав, разубедить его, пишет донос. Почему? Я этого не понимаю.

После выступления Налётова был объявлен перерыв. Налётов, красный, с трясущимися от возбуждения руками, пошёл к выходу, куда ринулась вся публика. Ребята устремились к нему, стали обнимать, кто-то даже попытался поднять на руки, чтобы качать, ещё кто-то сунул ему в рот прикуренную сигарету.

И вдруг он увидел, как через толпу к нему рвётся человек с криком: «Где он?! Где он?!» Студенты расступились, и перед Налётовым собственной персоной предстал... великий драматург.

— Как Вас звать? Юра? Юра, я хочу быть Вашим другом! И он полез обниматься.

После перерыва итоги подвёл первый коммунист области. Вердикт прозвучал так:

— Мы тут посоветовались и решили, что Мильнера надо отдать на исправление в здоровый рабочий коллектив. Пусть поварится в одном котле с народом, узнает, как живёт и чем дышит простой советский труженик. Там вылечат от любого душевного недуга.

Марка, конечно же, исключили из университета и определили в рабочую бригаду большого завода. Вскоре он получил повестку из военкомата, который согласно действующему конвейеру должен был немедленно отправить его в ряды Советской Армии для прохождения срочной службы. От армии его уберёт малолетний сынишка. На спецкафедре, куда он обратился с просьбой допустить его, прошедшего почти весь курс обучения, к сдаче экзамена на офицера, ему сказали по-солдатски прямо: «Среди офицеров Советской Армии антисоветчикам не место».

Налётову, выросшему в рабочей среде и перед университетом успевшему поработать слесарем на заводе, решение суда было смехотворным: где, где, а в здоровом рабочем коллективе слушаешься столько антисоветчины, что мало не покажется. Рабочий люд, не ведающий идеологической зашоренности, судил обо всём происходящем в стране и мире, руководствуясь исключительно здравым смыслом, которого ему было не заимать.

Но откуда это было известно секретарям, которые были ещё дальше от народа, чем декабристы?

Якобы могучая империя под названием СССР в одночасье рухнула в результате пьяной выходки всего трёх людей — руководителей трёх славянских республик. Так, по крайней мере, утверждают и продолжают утверждать твёрдокаменные коммунисты и примкнувшие к ним беспартийные большевики. То есть на поверку огромное и светлое здание развитого социализма оказалось наспех сколоченным курятником, для крепости обвязанным ключей проволокой, пышно именуемой марксистско-ленинским учением, а на деле — суровой партийной дисциплиной.

После столь эпохального события в освободившейся от недремлющего большевистского ока прессе начались публикации закрытых материалов, которые открыли людям глаза на существование другой, настоящей истории страны.

В 1991 году Налётов, развернув «Комсомольскую правду», прочитал статью о том, как вскоре после XX съезда партии ЦК КПСС и лично тов. Хрущёв стали приводить в чувство страну, поверившую в наступление эры свободы и справедливости. Одним из первых стало постановление, — естественно, закрытое — о проведении в организациях, учреждениях и на предприятиях общественных судов над самыми активными болтунами. Суд над Мильнером оказался одним из многих, проведённых в стране по предначертанию «ума, чести и совести нашей эпохи», как скромно именовали свою организацию коммунисты.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Учёба в университете приближалась к концу. В середине мая филологи защитили дипломные проекты. Налётов оказался настолько успешным, что по решению авторитетной комиссии кафедры литературы выдала ему рекомендацию на газетную работу, как «выпускнику, проявившему выдающиеся журналистские способности», хотя выпускникам филфака была уготована педагогическая стезя. И хотя выпускные экзамены предстояло сдавать в конце июня, распределение было не за горами. То есть уже в мае каждый выпускник узнает, куда он будет назначен на работу и в каком качестве. Прежде всего, конечно, в качестве учителя-предметника. Но не только.

Задолго до распределения мужичков побойчее пригласили в республиканское министерство образования и предложили им должности заведующих школами-семилетками в разных районах республики. Налётов был уже женат на сокурснице, и им предложили поехать в прелестный городок на берегу Ладожского озера. Налётов тут же дал согласие.

Неожиданно пришло союзное распределение: Узбекистану позарез нужны были учителя русского языка и литературы. Налётов посоветовался с женой, с товарищами, и они отправились в министерство дать своё согласие. Налётовы выбрали самую южную Сурхан-Дарьинскую область, пограничную с Афганистаном. Потом вдруг союзное распределение отменили.

Незадолго до распределения Налётова вызвали на кафедру литературы и сказали, чтобы он немедленно отправился к редактору республиканской областной газеты, который хочет с ним познакомиться прежде, чем решить вопрос о его приёме на работу. Налётов помчался в газету. Беседа с редактором была более чем обстоятельной. «Мы подумаем», сказал тот на прощание.

И вот наступил день распределения. День, когда в открытую столкнулись государственные и личные интересы. Государство, строго говоря, было заинтересовано направить специалистов туда, где они нужнее всего. А выпускники хотели жить и работать там, где им будут созданы хорошие для этого условия. А где их взять, эти условия, в малолюдной, лесной и северной республике, где люди живут так же, как жили и сто, и двести, и триста лет назад: в деревянных избах без всяких удобств и вдали от цивилизации?

Ситуацию осложняло и то немаловажное обстоятельство, что в силу вступил механизм, сформулированный в старинной советской поговорке: «Блат выше Совнаркома!» Чудесным образом оказалось, что самые блатные из студентов ещё задолго до распределения оформились на работу в столице республики и потому были неприкасаемыми, а менее блатные хотели распределиться на места, выхлопотанные родными и знакомыми, — в столице республики или где-то по соседству. Ну, а худородным совкам, вроде Налётовых, надлежало заступить на трудовую вахту в наиболее ответственных местах — там, куда Макар телят не гонял.

Наступил момент, когда супруги Налётовы уселись на стульях перед вершителями судеб. Ректор открыл личное дело Налётова и на глазах у всех очень удивился (как, впрочем, и сам Налётов): в деле лежала заявка редактора областной партийной газеты с просьбой направить выпускника к нему на работу. Это было неожиданностью и для ректора и для министра образования, который сидел рядом. Заявка, увы, была подана, видимо, после того как судьба выпускников была предрешена. И в самом деле, что лучше для государства: супружеская чета, ожидающая ребёнка, или одиночка, который (которая) три года в ожидании Юрьева дня будет ёрзать на чемодане? Чете сидеть на чемодане

не с руки, ей надо как-никак обустроиваться, А, обустроившись, легко ли через три года сниматься с места?

Государственные мужи подрастерялись. Ректор стал звонить редактору:

— А где же они будут жить? Вы подумали? Что? Могут хоть завтра въезжать в двухкомнатную квартиру?

Он положил трубку. «Это в благоустроенную квартиру в столице? А кого же посылать на их место??» — должно быть, размышлял он в смятении духа.

Выручать Налётова пришла заведующая кафедрой литературы.

— Владимир Васильевич! Ведь это честь для университета, что наших выпускников так ценят. Мы ходатайствовали перед редактором, так как Налётов очень талантливый человек. У него может быть блестящее будущее. А учителем он может оказаться никаким...

Как ректору не хотелось с ней соглашаться!

— А как с трудоустройством жены Налётова? — затараторил вдруг министр. — Мы и о ней должны позаботиться!

— Моя жена, — вставило юное дарование, — должна в сентябре родить. Так что не беспокойтесь — этот учебный год она пропустит.

— Как это не волнуетесь? — ректор снял трубку и снова позвонил редактору. — Так Вы беретесь через год её трудоустроить? Гм-гм. До свидания, спасибо.

— Жене надо выдать свободный диплом, и всё, — сочувственно произнёс кто-то из членов высокой комиссии.

— Как свободный диплом?! Какой-токой свободный диплом?! Сколько вам надо свободных дипломов?! — разошёлся ректор. — Изъять из обращения эти слова!

— Виктор Васильевич, — подсуетился министр. — Вы передайте Налётовых в распоряжение министерства, а я, если редактор позвонит мне хоть ещё раз, отдам ему и Налётова и его жену.

На том и порешили. Юрий не знал тогда, что его нагло обманули. А те из присутствующих, кто знал, промолчали. Наверно, побоялись начальственного гнева. Только обретя жизненный опыт, он понял, что, выбирая из интересов отдельно взятого человека и собственного зада, чиновник всегда предпочтёт второе. На государственный интерес чиновнику наплевать. На него он только ссылается.

После выпускного вечера молодые специалисты разъехались по домам, чтобы к 1 сентября прибыть к месту назначения. Многие из них никогда больше не увидятся.

Мужичкам, ещё прошлой осенью сдавшим экзамен на офицера, предстояло на весь июль отправиться в армию на стажировку в должности командира взвода. Им для верности дипломов не вручили, а только «поплавки» с серпастым и молоткастым гербом на синем поле. Жена Налётова уехала к его родителям на юг, поближе к Чёрному морю, а он со товарищи сел в эшелон и отправился в дивизию, расквартированную на самом берегу Белого моря.

* * *

В первых числах августа воины возвратились домой. На другой день Юрий с могучим душевным трепетом отправился к редактору.

— Конечно, звонил, — сказал тот. — Но министр отпустить вас с женой категорически отказался — ему нужны кадры. Так что, всё, что от меня зависело, я сделал...

— Иван Трофимович, — взмолился Налётов, — очень прошу Вас: потерпите ещё недельку. Схожу к министерство... Может, сумею переубедить министра.

— Не думаю, что у Вас что-нибудь получится. Но недельку, так и быть, подожду, но не больше. Газета это ведь тоже производство, и мне позарез нужен работник.

Воины из числа иногородних получили дипломы, направления на работу и разъехались по домам — в отпуска. Из «старичков» в полупустом общежитии остался только Налётов. Абитуриенты резвились этажом ниже.

Собравшись с духом, через пару дней он отправился в министерство. Секретарша узнала его:

— Что-то Вы не торопитесь... Давно ждём.

Министр выдержал паузу, перекладывая какие-то бумажки. Наконец поднял голову и «узнал» посетителя:

— А, Налётов... Слушаю Вас. Звонил, звонил... Но поймите: я человек государственный и не могу, не имею права руководствоваться личными симпатиями или антипатиями. («Интересно, куда в следующем году ты отправишь на работу свою дочку? — подумал Налётов: дочь министра училась курсом младше.») Верю, что Вы талантливы! Но моя задача — укомплектовать школы республики учителями. Кто детишек учить будет, если вы все захотите стать журналистами да писателями? Мы ведь от вас ничего сверхъестественного не требуем, а только исполнения гражданского долга. А талант — он никуда не денется. Талантливый человек талантлив во всём. Кто знает, может Вы станете великим педагогом, нашим отечественным Песталоцци?

— В общем, не переживайте, идите за направлениями для себя и жены и будьте здоровы!

В состоянии крайней удручённости отправился вечером Юрий к старым друзьям тестя и тёщи, некогда проживавшим в этом городе. Иван Степанович и Маргарита Николаевна были бездетны, жили затворниками и потому частенько звонили в студенческое общежитие и звали Налётовых в гости. Те с удовольствием бегали к милым старикам, потому что у тех была просторная и уютная квартира, отличная домашняя еда и лучшие вина, которые продавались в городе. Молодым была отведена отдельная комната. В общежитии они жили раздельно.

Хозяин дома был военным врачом и возглавлял в округе какую-то нештучную комиссию.

Юра, выкушав вина и откушав деликатесную по тем временам курицу, стал лить горючие слёзы в жилетки гостеприимных хозяев.

— Ну, как я буду преподавать, если у меня каждую весну и каждую осень по месяцу пропадает голос? А на семинарах, если приходится говорить громко, голос мой быстро садится и гложет?

— Ты, Юра, при обострениях в поликлинику хоть раз обращался?

— Каждый раз. С отоларингологом мы теперь чуть не родственники. Он давно поставил диагноз: хронический фаринголарингит.

Иван Степанович вышел из комнаты, а вскоре вернулся с книжкой, которая была сборником законодательных документов министерства здравоохранения СССР. Он полистал её и нашёл нужную страницу. На ней чёрным по белому было написано, что и при хроническом ларингите и при хроническом фарингите противопоказана работа, связанная с напряжением голоса, людям следующих профессий: актёры, дикторы, учителя.

— Получается, — сказал Иван Степанович, — что это профессиональные заболевания. Тебе категорически нельзя работать учителем!

Юра взвился от радости.

— погоди, не спеши... Кто и на каком основании даст тебе такую справку? Нет, дружок, твоя просьба тут не поможет... Приходи-ка к нам завтра вечером, может быть, что-нибудь придумаем...

Назавтра Налётов, как штык, заявился в гости.

— Вот тебе казённая бумага из штаба округа в городскую поликлинику с просьбой дать заключение отоларинголога на

предмет использования выпускника университета Налётова в качестве учителя русского языка и литературы в суворовском училище. Не сомневайся: заключение будет.

На другой день рано утром Налётов был в поликлинике. Бумага возымела магическое действие на эскулапов: уже после обеда он вышел из поликлиники, сияющий от счастья. В его руках был неказистый, но фирменный листок газетной бумаги с отпечатанным типографским способом заголовком: «Заключение врачебно-консультационной комиссии». А ниже, от руки, знакомым почерком лечащего врача был написан диагноз «Хронические ларингит и фарингит» и заключение: «Нуждается в освобождении от работы, связанной с напряжением голоса». А ещё ниже — куча подписей. Ура!

Юрий поспешил к телефону-автомату и позвонил редактору. Тот повёл себя странно:

— Так это же связано с головой... Плохо, очень плохо... Вы будете испытывать затруднения при умственной работе...

— Почему? Ведь фарингит и ларингит — это всего лишь хроническое воспаление слизистой оболочки глотки и гортани, не более того. Причём здесь умственное напряжение?

В трубку что-то замычало и, наконец, из мычания вылезла фраза:

— Ладно, подождём ещё два дня...

* * *

Секретарша ласково улыбнулась Налётову:

— Проходите, министр свободен.

— Ну, что ещё там у тебя? — взял вердикт медиков начальник. — Ха-ха! Знаешь, я ведь начинал учителем... Так что со всей ответственностью заявляю, что работа учителя не требует никакого напряжения голоса.

— А это как понимать? — Налётов достал из-под мышки сборник законодательных документов и сунул его под нос носителю истины в последней инстанции. Тот прочитал, засопел и разгневался:

— Если ты инвалид, то добивайся, чтоб тебе дали инвалидность! Нечего тут таскать всякие бумажонки, в которых нет ни слова о том, что тебе нельзя работать учителем!

— Какой я инвалид, если могу работать кем угодно, только не учителем? — рассердился проситель. — А если Вам нужно уточнение в заключении ВКК, то сейчас оно будет.

И он пулей помчался в поликлинику, благо была она недалеко.

Отоларинголог встала навстречу:

— Вас просила зайти заведующая поликлиникой.

У кабинета заведующей сидела очередь, и Налётов стал читать многочисленные листки и плакаты, прикреплённые к стенам. Наконец, его позвали. В кабинете, кроме начальницы, сидела какая-то женщина.

— Налётов! — раздражённо спросила начальница. — Что это Вы чего-то хитрите, изворачиваетесь? Не хотите работать в деревне? Вас зачем учило государство? Вас чему учил комсомол? Так Вы хотите заплатить за добро?

— Но ведь Вы сами подписали заключение, в котором говорится, что мне противопоказана работа с напряжением голоса! А министр утверждает, что к работе учителя это отношения не имеет. Напишите, что мне работать учителем нельзя, и всё.

— Ничего мы не напишем, потому что это и так ясно!

— Но министру не ясно!

— Вы что, считаете министра глупее себя? Нет? Тогда вот Вам мой совет: берите направление и поезжайте работать в деревню, ничего с Вами не случится...

— Не поеду, потому что Вы по долгу службы этого не допустите. Не должны допустить!

— Не занимайтесь демагогией! Мария Ивановна, — обратилась она вдруг к женщине. — У Вас ведь, кажется, тоже хронический ларингит, но Вы работаете в школе. Сколько лет? Пятнадцать? Вот видите, — обернулась она к настырному посетителю, — она работает и Вы будете работать — ничего с Вами не случится!

— Пускай она работает, это её личное дело. А я учителем работать не буду и имею на это полное римское право. Вы знаете это лучше меня.

— Ну, хватит, поговорили! Вы свободны!

Налётов подошёл к столу, взял медицинскую карту с описанием собственных хворей, вырвал содержимое, а обложку кинул на стол:

— Перед входом в Ваш кабинет висит плакат с изречением М.И. Калинина о том, что главная забота государства — здоровье трудящихся. Снимите его: он к Вам не относится, — Налётов сильно хлопнул дверью.

— Наглец!!! — взвизгнула вслед стражница народного здоровья.

Как хорошо было на улице, залитой солнцем! Что же теперь делать? Через неделю начинается учебный год. На нём, как ни

крути, семья. Скоро появится ребёнок. Как быть с работой, с жильём? На шею к родителям? Но те тоже крутятся из кулька в рогожку. К тому же он знал, что работу на юге найти — большая проблема. Вчера встретил в общежитии двух сокурсниц. Они наотдыхались и ехали в глубинку, где, худо-бедно, их ждут и работа, и дом, и стол. Так как же быть?

Чтобы расставить все точки над *i*, позвонил редактору. Тот, разобрав, кто говорит, сообщил:

— Взяли вместо Вас человека. У нас столько работы, что дальше ждать невоготу. Я сделал для Вас что мог. Удачи!

Налётов положил трубку. Прощай фата-моргана! Слишком уж ты была прекрасной, чтобы стать правдой!

Два дня ушли на советы с друзьями и знакомыми. Иван Степанович резюмировал:

— Бери-ка ты направления и ехай на работу. Тоня с ребёнком приедут потом. Ты к этому времени обустроишься, и начнёте вы нормальную жизнь. Ничего страшного, если разобраться. Всюду люди и не хуже, а лучше тутошних. Вся жизнь впереди, и три года — ничто. Зато какой жизненный опыт! Разве это не материал для книги? Поверь старику: всю остатнюю жизнь будешь с удовольствием вспоминать первые три года работы. Тем более в деревне. Тем более учителем!

Итак, решено: едем в деревню!

* * *

Секретарь министра встретила Юрия с улыбкой:

— Наконец-то, а мы уже заждались... Что, будем оформлять документы? Будем? Вот и хорошо.

Она достала какие-то бланки и стала их заполнять:

— Вот вам с Антониной Ивановной направления на работу... А сейчас выпишем денежные документы. Получите подъёмные, отпускные — всё как положено.

Юра смиренно дожидался конца процедуры.

— Какой всё-таки замечательный человек наш министр. Специально для вас держал места в районном центре, причём на железной дороге. Так что глубинкой это не назовёшь. Мимо каждый день идут поезда и до Москвы и до Ленинграда.

Юрий проезжал эту станцию на самом севере республики, почти на самой пунктирной линии географической карты, которая называется Северный полярный круг.

— И всё-таки, — доверительно, как маме, сказал он, — меня не оставляет чувство, что со мной поступили несправедливо.

— Министр — государственный человек. Ему учителя нужны, а вы все только о себе и заботитесь. Вот и выкручивается человек, как может. Его тоже понять можно.

Жуткая догадка осенила Налётова:

— Подождите... Так значит все против меня договорились?

— Да ты, Юра, наивен, как дитя. И редактор нас понял, и заведующая поликлиникой прониклась. Так что все помогали вам с женой исполнить свой гражданский долг.

Неадекватность его переживаний и чиновничьих, между делом, телефонных переговоров возбудили в нём могучий вал гнева.

— Стоп! — вскочил он. — От направления я категорически отказываюсь!

Он схватил уже заполненные документы, смял их комом и бросил в оторопевшую секретаршу:

— Сволочи! Для вас человек — мусор!

Повернулся и быстрым шагом направился к выходу.

— Щенок! — закричала вдогонку секретарша. — Куда ты денешься! Приползёшь, как червяк! В ногах у меня валяться будешь!

Чтоб не остаться в долгу, жалкий и ничтожный раб государства рабочих и крестьян в ответ крикнул что-то неприличное и вышел на улицу. Дико заболела голова и носом пошла кровь.

Свобода!

Говорят, у каждого в шкафу есть скелет. У каждого чиновника он есть точно. А уж у высокопоставленного и подавно. Да не один, а толпы. Лично я — у ректора университета и министра банановой республики. Какая честь! Но это лишь первые обжитые мною шкафы. А сколько их ещё будет!!!

Впрочем, если обозреть историческое прошлое нашей великой Родины, особенно её новейшую историю, можно с уверенностью утверждать, что у главного чиновника страны — государства в шкафу содержались и содержатся скелеты всего нашего народонаселения. Потому что именно на скелетах, как на фундаменте, покоится личное благополучие Большого чиновника, без позволения которого никто из наших сограждан не смеет ни чихнуть, ни охнуть. Потому что подданный государства Российского всегда находился и находится по сию пору на положении бесправного раба.

... и свобода нас примет радостно у входа

Итак, жребий был брошен! Надо было срочно выписаться из общежития, занять денег на дорогу и уехать к родителям и жене на далёкий юг. Ничего, Бог не выдаст — свинья не съест! Выкрутимся!

Юрий знал, что родители одобряют его поступок: он нисколько не сомневался, что на его месте они поступили бы точно так же.

Командант общежития Александра Васильевна, в обязанность которой входили прописка и выписка жильцов, сказала ему:

— В военкомат иди сам. Тебя снимут с учёта только после того, как ты предъявишь направление на работу.

Так и оказалось. Когда Налётов громко заявил в военкомате, что от направления на работу отказался, служивые дамы с удивлением на него уставились:

— Как это — отказался? А долг перед Родиной? Или ты — не комсомолец? Страна тебя учила-учила... — и пошло-поехало...

Но он теперь хорошо знал цену чиновничьего патриотизма и только засмеялся в ответ:

— Как попасть на приём к военкому?

— Проходи, он как раз свободен.

Генерал-лейтенант занимал просторный кабинет.

— Что у Вас?

У генерала было простецкое доброжелательное лицо, и Налётов подробно, как на духу, рассказал ему свою одиссею.

— Знаешь, парень, — произнёс военком после некоторого раздумья, — между нами говоря, с тобой поступили несправедливо. Но ты по молодости не обобщай, не держи обиды, потому что и страна у нас замечательная, и народ у нас прекрасный. И всё-то у нас было бы чудесно, если бы не шкурники и мерзавцы, вроде твоих оппонентов. (Видно, и у самого военкома накипело.)

— Скажу тебе то, чего говорить не должен: я ведь не имею права не снимать тебя с учёта. Но мне приказали, и я подчиняюсь. Потому что не ты один в городе отказался от направления на работу. Отказались в основном выпускники техникумов и училищ.

— Твою причину признаю уважительной, поэтому поезжай в любой населённый пункт страны и сразу же заявляйся в местный военкомат. Там тебя обязаны немедленно поставить на учёт, а твой военный билет направить в военкомат по прежнему месту жительства для снятия с учёта. Когда билет вернётся с отметкой

о снятии с учёта, тебя известят. Отправь его снова сюда вместе с паспортом кому-нибудь из друзей, тебя выпишут и вернут документы. Но прошу: пусть этот разговор останется между нами.

Генерал встал и протянул руку:

— Желаю удачи!

Налётов вышел из кабинета с лучезарной улыбкой, озадачив любопытных женщин.

* * *

Через два дня, поутру, похлебав чаю с батоном и прихватив тощие пожитки, Налётов отправился на железнодорожный вокзал и вскоре сел на проходящий поезд. Ровно через трое суток тот должен был доставить его к самому тёплому морю, где ждут его — не дождутся папа с мамой, которых он не видел более двух лет, и жена с ребёнком, который, если всё (тьфу-тьфу!) будет хорошо, всего через какой-нибудь месяц увидит своего неудачливого родителя.

Устроившись на верхней полке, Налётов спустился вниз, чтобы познакомиться с попутчиками. Попутчики, как и весь вагон, пребывали в прекрасном расположении духа, были благодушны и веселы. Все купе были завалены пожитками, львиную долю которых составляли сумки и авоськами с продуктами. Это не могло не шокировать нашего путешественника. Накануне вечером он поужинал, как и утром, кружкой чая и половиной уже упомянутого батона. В карманах его шебуршился чирик, сиречь червонец, и несколько монет. Для путешествия через всю страну этого было явно недостаточно.

Через несколько часов он выскочил на станции и купил у старушек, жаждущих нетрудовых доходов и потому рьяно гонимых милиционерами, чашку горячей молодой картошки и два малосольных огурца. Тут же в киоске на перроне приобрёл банку кильки в томатном соусе и хлеба, потом потащил всё это роскошество в купе и принялся пировать.

«Вечерком, — рассуждал он, — обойдусь чаем с хлебом, а остатнюю кильку с картошкой оставлю назавтра. Третьи сутки как-нибудь, а там, глядишь, и доберусь до дому.»

Весь третий день пути очарованный странник пил воду и валялся на полке, почитывая газеты соседей. Иногда выходил в «предбанник» к курцам и стрелял сигаретку. Но от табака становилось только хуже.

— Слушай, дружок, — спросил его как-то сосед по купе, — почему ты ничего не ешь?

— А я ем, когда вы ещё все спите... Чтобы не мешать...

— А... тогда понятно.

Больше никого не интересовал парень, который ни с кем не общался, а только лежал на верхней полке и читал газеты. Зато остальные пассажиры ели, кажется, не переставая, с утра до вечера. Ели не только помногу, но и вкусно.

Голод после приёма воды затихал, но потом накатывал волной, причиняя физические страдания.

Ровно через трое суток поезд остановился у заветной станции. Оказавшись на перроне, Налётов увидел бегущего к нему отца с разъятыми объятиями и радостной улыбкой.

— Приехал! Наконец-то! Сынок! Как дорога? Ну, пошли к машине и — домой! Мама с Тоней заждались! И прямо к столу — там уже все готово. Наверно, проголодался...

Служебная машина — обыкновенный грузовик — била копытами от нетерпения и рванула с места.

— По дороге заскочим к знакомому — он продаст нам несколько литров «изабеллы», первого вина. Такого в магазине не купишь.

Машина мчалась по непривычному для северянина городу: огромные деревья шпалерами вдоль улиц, низенькие беленые мазанки, утопающие в зелени садов.

Мать бросилась его целовать, оторвавшись от накрытого во дворе и обильно уставленного яствами стола, жена сдержанно улыбалась из-за большого, «выше носа», живота. После стакана непривычно душистого и вкусного питья аппетит у гостя пропал совершенно. Но, конечно, ненадолго.

...Первые дни Налётов отходил от поездки через всю страну и набирался впечатлений, Они с отцом обходили весь город, посетили все знаменательные места, побывали за городом, где были разбиты грядки членов коллектива, в котором трудился отец. Отправились на братское кладбище, где покоились герои минувшей войны. Ротный Налётова из далёкой северной дивизии знал, что его отец похоронен в этом городе и попросил отыскать могилу. Прогуливаясь по обширному местному кладбищу, обратили внимание на приписку почти к каждой надгробной надписи: «Мы-то уже дома, а вы ещё в гостях.» Будто бы так обращались к живым мёртвые.

Однажды утром Налётов взял паспорт, военный билет, кипу бумаг из медицинской карты, взятые на память в поликлинике, и отправился в присутственные места. В военкомате без лишних слов забрали военный билет и тут же оформили запрос в военкомат столицы елово-банановой республики. «Придёт военный билет — вызовем», — сказал офицер.

Нотариус взяла кипу медицинских бумаг:

— Откуда у Вас столько макулатуры? Я могу сделать копии только с заключения врачебно-консультационной комиссии. Остальные выбросьте — они никогда и нигде не пригодятся.

На всякий пожарный случай Юрий сделал по несколько копий заключения ВКК и бумаги родного филологического факультета о его необычайной талантливости.

Дома его ждала новость: из родного университета пришла телеграмма, в которой ректор требовал незамедлительно явиться в министерство образования знойной приполярной республики для получения направления на работу или в ректорат для объяснения причины отказа от такового.

Налётов не убился, а рассмеялся:

— Государственники сраные! Засуетились! Вот вам и «голос единицы тоньше писка»! А оперативность какая!

Как раз в это время почтово-телеграфное ведомство страны внедрило новинку: телеграфное письмо. Всего за три рубля каждый гражданин мог отправить телеграфное сообщение из пятидесяти слов. Не мудрствуя лукаво, Юрий сочинил следующую телеграмму: «Не имею материальной возможности заплатить за сомнительное удовольствие обозреть ещё раз физиогномию министра, чьи действия обжалованы мною в министерство просвещения РСФСР. С нетерпением жду ответа, чего и вам желаю. Налётов».

Не сходя с места, он написал означенную клязу, присовокупив к ней две копии: заключения ВКК и рекомендации филфака. И отправился на почту.

* * *

Отец Налётова трудился в бюро технической инвентаризации. Прихватив с собою рулетку и рулетчика, он отправлялся измерять частные домовладения с приусадебными участками, делать описания и оценку строений. Набрал «полевого материала», усаживался дома и занимался «камеральной обработкой», то есть надлежащим образом оформлял документы: чертил поэтажный и генеральный планы участка и строений, аккуратно на специальных бланках делал описания с указанием использованных строительных материалов и степени изношенности, давал государственную оценку всего домовладения. Работы было много, потому что инвентаризация в стране была запущена или вообще никогда не проводилась, как в славном южном городке, где они жили. Платили инвентаризатору за количество оформленных дел — паспортов на домовладение.

Юрий взялся за оформление описаний, отец вычерчивал планы, а мать, высунув язык в самом что ни на есть буквальном смысле, лихо работала рейсфедером с тушью, изготавливая копии на кальке. Тушь быстро высыхала, и она движением кончика рейсфедера по языку приводила последний в рабочее состояние. Глубоко беременная Тоня целыми днями сидела в затенённом виноградными лозами дворе и играла с приبلудным котёнком, которого почему-то назвала Паганелем.

Работа кипела, и маленькая комнатка в саманном доме, где квартировали Налётовы, днём походила на рабочий кабинет. Однако, несмотря на возросший заработок отца, денег на жизнь катастрофически не хватало.

23 сентября утром вскочили ни свет — ни заря. Мать так хлопотала и суетилась, что разбудила всё семейство. Юрий спросонья ничего не понял, и только когда непроворная по известной причине жена его стала одеваться, он догадался, что сегодня станет счастливым отцом. Попытки включиться в суету мать сурово пресекала:

— Не мешай! Мало ли што...

Юрий успел выскочить на улицу со «Сменой» в руках и сфотографировать жену во всей красоте её грузной беременности.

Вскоре он убежал на маслозавод, чтобы получить подсолнечное масло и жмых. В городе все поголовно выращивали подсолнечник, а потом сдавали семя на маслозавод: во-первых, потому что это было дешевле, а, во-вторых, масло в здешних магазинах не продавали, его отправляли в другие области страны. Это было по тем временам нормой.

Отстояв с притопами и прочими коленцами по причине волнения длиннющую очередь, помчался домой. Вестей не было никаких. Наконец, подошла мать:

— Ну, слава Богу, всё хорошо! Поздравляю тебя с дочкой, а ты поздравь меня с внучкой!

Больше всех ликовал вернувшийся с работы отец:

— Состарили меня, прохвосты! Всё был молодым и для девок перспективным — и вдруг дед! Подсуропили вы мне, ничего не скажешь! Когда внучку пойдём смотреть?

С букетами цветов стали подходить соседи. Юру поразило, что букеты они желали не подарить, а продать. Такого у северян в заводе не было. Здешнее же население всё тащило на рынок. Русскому Северу такое было неведомо.

Читая описания домовладений, Юрий поражался здешней нищете: стены домов были сложены из самана, крыши — камышовые, полы земляные, в домах вместо мебели какие-то ящики.

Люди сплошь и рядом живут без электричества и радио — дорого! Прижимистость, редкая на севере, здесь — норма жизни.

Пришло письмо из Москвы, из министерства просвещения Российской Федерации. В бумаге с гербами и печатями, адресованной Налётову (копии ректору университета и министру просвещения сосново-банановой) было написано, что «Коллегия министерства просвещения РСФСР считает возможным освободить Налётова Юрия Николаевича от направления на работу в школы автономной республики с предоставлением ему права свободного трудоустройства.» А далее — приказ подчинённым незамедлительно направить тов. Налётову Ю.Н. соответствующую справку.

Поразились и мудрой доброжелательности: дескать, если жизнь прижмёт, всегда можешь устроиться учителем в школу за пределами республики.

Забегая вперёд, сообщим, что справку о праве свободного трудоустройства из республики уязвлённые чинуши прислали ещё через два месяца. Насколько, должно быть, приятнее делать людям гадости...

...На другой день Юра, робея, подходил к родильному дому. Робость странным образом исходила из дурацкого опасения, что, дескать, кто-то, показывая на него пальцем, скажет другому: «А вот и производитель явился!» Чтобы как-то освоиться, с букетом в руках он проник в самый центр толпы, которая стояла перед окнами и радостно перекрикивалась со счастливыми роженицами. Те держали в руках белые кульки и потрясали ими, как победители потрясают кубками с пьедестала почёта.

— Маша! — истошно завопил вдруг сосед. — А ну-ка покажи моё произведение!

Соседом оказался плюгавый мужичонко, некрасивый и косязлый.

Юра воспрянул духом: ужели моё произведение хуже? И он, наконец, обозрел своё дитя в руках радостной жены и испытал некоторый шок от созерцания невразумительного существа с красным беззубым лицом и невидящими глазами, направленными, как ему показалось, в разные стороны. Ничего себе произведение!

Посмотреть новорождённую пожелали сослуживицы отца. «Красавица!» — дружно решили они и всем коллективом принялись выбирать имя для ребёнка.

...Трудовой энтузиазм в мазанке не ослабевал, а младенец с мамой ничуть не мешали «процессу».

Через каждые три дня Налётов садился на велосипед соседа и ехал на огород за урожаем. Город до недавнего времени был

станции и потому состоял сплошь из белёных хат с садами и огородами. Только в центре было несколько зданий городской постройки, в которых размещались районное руководство и государственные учреждения. Поэтому растянулся он на несколько километров, которые нашему герою надлежало пересечь на самом распространённом здесь виде транспорта.

За городом велосипед нырял в заросли кукурузы и по узенькой тропке добирался до огорода. Удивительное дело: каждый раз он увозил домой большую корзину красных помидоров, а они будто и не кончались. И это с каких-то тридцати кустов. Вот что значит юг.

Неподалеку располагалось огромное помидорное поле местного совхоза. Урожай на нём убирали только один раз — силами трудовых коллективов районного центра. Это сколько же добра пропадало! Однако гниющие овощи ревностно стерегли не только охрана совхоза, но и милиция. «Не дай Бог покуситься на общественное добро — засудят!» — говорили аборигены.

Прогулки за город и по городу при неизменно тёплой и солнечной погоде (и это «глубокой осенью») помогли Налётову проникнуться очарованием юга. На огромном «ничейном» дереве неподалеку от их дома созрели крупные плоды айвы, которые при падении громко шмякались об землю; огромные стручки глядичий побурели, пожелтели и стали вдруг главным украшением улиц. Лапчатые виноградные листья устлали двор, и хозяин, Степан Иванович, глядя на лозу, примерялся, когда и как снять её с обрешётки, замотать в бухту и «от греха подальше» закопать на зиму в землю.

Вечерами, когда чёрное бархатное небо с неправдоподобно большими звёздами опускалось на город, город начинал петь — русские, украинские и, наверно, другие песни, потому что в городе жили, кварталами, армяне, болгары, греки и представители иных народов из множества, населяющих Кавказ. Песни неслись отовсюду, и это было удивительно для Налётова — на Севере по вечерам молчали. Наверно, тому не способствовали ни климат, ни характер жилищной застройки. Песни пахли горьковатым запахом тлеющей листвы — в садах сжигали увядшие роскошества лета.

Налётов в предвкушении «свободного диплома» отправился как-то в редакцию районной газеты прояснить ситуацию. Редактор любезно сообщил ему, что устроиться на газетную работу в крае — дохлый номер, потому что избыток рабочей силы — едва ли не главная головная боль краевого руководства. «В наши тёплые края едут на жительство со всех концов страны.»

Налётов, как и его родители, вкушившие красот юга, и не помышлял здесь оставаться. Не потому, что здесь плохо, а потому, что всё здесь было ему чуждо.

На семейном совете приняли решение отправиться Юрию на Урал, в город, который они покинули десять лет назад. Благо там не только полно друзей и знакомых, но есть и родственники.

В конце октября из университета пришла, наконец, долгожданная справка о праве свободного трудоустройства. Надо было собираться в дорогу, и тут выяснилось, что ехать не в чем. Пятый курс Налётов проходил в пиджаке с заплатами на рукавах и в смешном «семисезонном» пальто. Пальто родители купили ему на втором курсе — чешское и очень модное по тем временам: с погончиками, с широким поясом, с невиданными накладными карманами и легкомысленной кокеткой. Тихая зависть тайных пижонов. Но вскоре оказалось, что под чёрным нитяным верхом сукна скрыта рыжая основа, которая вылезла наружу на обшлагах, воротнике и по краям полов.

Ботинки каши пока не просили, но дело явно к тому двигалось.

В первых числах ноября после получения зарплаты Налётов с мамой отправились в Новороссийск. Налётову запомнился серпантин дороги, по которой, кряхтя, поднимался автобус и с трудом сдерживался, чтобы не понестись, съезжая в город. С вершины перевала город был хорошо виден. Бросалось в глаза, что ближняя часть его — и сады, и дома — были густо припудрены серым порошком: рядом виднелись производственные корпуса цементного завода.

Тротуары города были выложены крупными белыми плитками.

Юрий потащил мать на главную площадь. Он знал из газет, что нынче на площади поставили куранты с боем. В чём они тут же и убедились.

Подошли к парапету на берегу залива. На той стороне виднелись обширная пристань и могучие портовые сооружения. Прямо под ними люди заполняли пассажирский катер, чтобы перебраться через залив.

По белому нарядному городу они отправились на поиски базара. Скорее это был не базар, а шумный «толчок» на задах жилого квартала. У ворот чернявый парень отнюдь не славянской внешности жарил... каштаны. Жаровня чадила, а парень бойко переворачивал лопаткой чечевицеобразные плоды пищевого каштана, а потемневшие выкладывал в большую чашку рядом с весами. «Ну, совсем как в Париже», — вспомнил Юрий что-то

из прочитанного и занял очередь. Почему-то откусывать экзотический продукт трудящиеся не спешили, будто жареные каштаны были для них обычной пищей.

На родном для Юрия северо-западе России каштаны росли хорошо. Даже в его родном селе произрастала некогда целая аллея каштанов возле большого барского дома. Но это были не те каштаны. Они почему-то назывались конскими и в пищу категорически не годились.

Плоды пищевого были сладковаты, напоминали ореховое молозиво и ничего интересного собой не представляли.

Должно быть, покупателей среди посетителей рынка было немного, потому что стоило Налётовым подойти к рядам, где торговали одеждой, и прицениться, как вокруг них образовалась толпа. Всех страшно интересовало, что эти люди хотят купить.

— Так идёте туда, где много пиджаков (с ударением на «а») и есть из чего выбрать!

Их повели к пиджакам, взяли у продавца сразу несколько и стали надевать их на Юрия, бурно обсуждая будущую покупку.

— Так это Ваш пиджак! Смотрите! Или я не прав?

— Нет, это не его пиджак! Слушайте сюда!

— Да нет же! Вот его пиджак — смотрите сюда!

Мать и сын в торгах не участвовали, а только хлопали глазами. Наконец, сообща выбрали что надо. Ко всеобщему удовольствию. Пиджак был гэдээровский, пёстренький (в нашем славном Отечестве шили только одноцветные) и превосходно сидящий на клиенте.

— Что ещё будем покупать? Пальто? Так что же Вы молчите, как рыба об лёд? Идёмте дальше...

Толпой двинулись дальше. После шумных и таких же горячих торгов выбрали демисезонное пальто из драпа аспидно-чёрного цвета. Юрий и сам сразу понял, что это его пальто.

Домой вернулись поздно вечером усталые, но довольные.

А ещё через два дня Юра прицепил к новому пиджаку университетский «поплавок», облачился в новьё, расцеловал дочку, жену и родителей, взял в руки два чемодана со всем семейным имуществом и, скрипя новыми ботинками, сел в кабину грузовика и отправился на железнодорожный вокзал, потом на Урал в поисках счастья.

Доброго пути! Удачи тебе, козьявистый ты наш! И не забывай житейскую, выстраданную народом мудрость:

Чтобы жить всегда легко
И к начальству близко,
Держи жопу высоко,
А голову низко!

9 ноября 2007 года

Андреаполь

Итак, поезд бесшумно тронулся и тихо покинул «вестибюль» Ленинградского вокзала, держа путь к западным рубежам нашего обширного Отечества.

...Налётов разделся, привычно разместил в купе пожитки и устроился на любимой верхней полке, где чувствовал себя всегда независимым хуторянином. За последние две недели он садился в третий по счёту поезд, идущий каждый раз в разных направлениях. Причём в первых двух он «трясся по железке» почти по трое суток. Эти странные поездки были платой за его неуважение к государственным институтам и государственным интересам.

Сейчас он ехал из уральского города, где прошло его отрочество и жили родственники. Путешествие в прошлое было приятным и увлекательным. Город стал современным, вышел далеко за околицы одноэтажного типично уральского поселения: с заводом на берегу пруда и преимущественно деревянными строениям вокруг, — и вырос на несколько этажей вверх. Повстречав кучу знакомых и одноклассников, наш путешественник был бы очень не против поселиться здесь, но... устроиться на работу, как и во всяком хорошем городе, было непросто. Учителей русского языка в городе было более чем достаточно, а с газетой и вовсе дело было швах: штат единственной городской газеты был укомплектован под завязку.

Безвыходность положения и родственники подвигли его на отчаянный шаг — он поехал в областной центр и прямо с вокзала отправился к зданию обкома партии. На удивление быстро его соединили с первым секретарём обкома партии, который тут же согласился его принять.

Когда Налётов вошёл в кабинет первого лица области, там уже сидел заведующий сектором печати. Область была огромной, районов — уйма, в каждом — газета, квалифицированных кадров для них катастрофически не хватало. А тут человек, вернее сразу два человека с университетским образованием ищут работу. Растерявшемуся от неожиданности просителю предложили на выбор несколько районов, причём с приятной перспективой

вскорости получить жильё. Налётов испросил разрешения посоветоваться с родственниками.

Родня, все уроженцы самой западной русской области, рассудили, что в уральской глубинке делать нечего. Огромная мало-заселённая область с севера на юг растянулась чуть не на тысячу километров, и почти каждый район был тем самым местом, куда Макар телят не гонял. А на западе Российской Федерации, вокруг да около Москвы и до самого Питера, на такой территории разместилось сразу несколько областей. Где бы ни устроился — всё рядом со столицами.

— Так что, поезжай-ка ты, дружок, поближе к родным местам, — таков был совет родни. — В тамошних районках наверняка тоже место для тебя найдётся.

Через пару дней Налётов сел в веселый и не очень трезвый вагон с сибиряками, которые ехали в столицу не первые сутки и вели себя как большая и дружная семья. Новичку попутчики обрадовались, тут же налили и учинили допрос с пристрастием, и очень скоро после этого он почувствовал себя своим среди своих.

До Москвы доехали шумно и весело. Группа юмористов и затейников постоянно перемещалась по вагону, и вместе с ними по вагону перемещались и шутки и смех. Почти на каждой станции в поезд заскакивали коробейники, которые бегали по вагонам, предлагая свой товар.. Носили солёные огурцы, капусту с отварной картошкой, какие-то кружева и шали, другие изделия местных умельцев. В пензенском Кузнецке объявились сапожники с блестящими хромачами. Весельчаки набрасывались на торговцев и, потешаясь, сбивали цены до неприличного минимума, вгоняя тех в конфуз и пот.

На какой-то подмосковной станции объявилась целая толпа глухонемых. Они совали пассажирам конверты, на которых сикось-накось было написано: «Голые бабы». Бабы были не вполне голые, потому что их дамские прелести и очарования едва просматривались из-за низкого качества репродукций. Один из пассажиров резко отвёл руку инвалида, который вместе с перегаром совал конверт прямо ему в лицо. Тот, оскорблённый таким наплевательским отношением к прекрасному, наотмашь ударил увесистым конвертом с прелестницами по лицу пассажира.

Немой не мог знать, что в вагоне царил семейственность. Его приподняли за шкворник и, пиная по заду из каждого купе, протащили через весь вагон к выходу. В конце вагона московский милиционер в штатском ловко перехватил нахала, прижал к дверям и спросил:

— Ты что, забыл, что покупатель всегда прав? Ещё раз встречу — берегись! Понял?

— Понял, — испуганно пролепетал глухонемой.

Свидетели зашлись со смеху.

...Приезд в столицу — всегда праздник. Юра оставил громоздкий чемодан с семейным скарбом в камере хранения Ленинградского вокзала и отправился на прогулку по городу.

* * *

...Наконец, пассажиры обустроились, расселись по местам и стали знакомиться. Соседом Налётова за столиком боковой полки оказался худенький мужчина лет под сорок с орденом Отечественной войны на лацкане пиджака. Рядом с ним пристроилась тросточка.

— Куда едешь, мил-человек? — спросил он. — В Тверь? А я вот домой, в Гатчину. У брата в Москве гостил. Живём, вроде, рядом, а всё никак было не собраться... А тут подстатилось. А тросточка у меня потому, что я инвалид войны. У меня протез вместо ноги. Так что без этого коня я никуда.

В двух соседних купе разместились цыганы. Почему-то все уже в годах, все толстые и степенные — как мужчины, так и женщины. Среди них похаживал человек с огромными цыганскими усами и тихим голосом отдавал какие-то распоряжения. Явно их начальник, хотя на цыгана он совсем не походил.

Внезапно худенький инвалид довольно дерзко обратился к нему со следующими словами:

— Эй, Усы! Ну-ка, иди сюда... Посиди с нами, потолкуем...

«Усы» будто обрадовался и охотно подсел к нашей компании.

— Ты, что ли, у них главный?

— Да! — спокойно ответил тот. — Угадал, я у них за барона.

— Как так? Ты, я смотрю, такой же цыган, как и я. Так расскажи, в чём дело?

— Я чистокровный белорус. Когда началась война, служил срочную, а после войны так и остался в армии. А куда мне было податься, если во время войны все родные погибли, а деревню немцы сожгли. Так бы и служил до сих пор, если бы не сокращение армии. Уволили меня в запас. Думал я думал и отправился домой. Хотел устроиться в районном центре. Приехал, обошёл всё, а там не только работы нету, но и переночевать негде. Познакомился с цыганами. Они меня и приняли в свой колхоз.

А тут началась кампания по привлечению цыган к оседлому образу жизни. Выделили нам барак, и стали мы оседлыми. Как

человек грамотный и бывалый (в любом обществе чувствую себя, как рыба в воде), стал я у цыган главным. Мужички мои все работают: грузчиками, коновозчиками, есть даже два шофёра. Ну, а женщины занимаются детьми, домовничают, а кто помоложе — гадают. Больше они ничего не умеют, заработок всё-таки какой-никакой есть. Лично я заведую большим складом, а команда моя вся при мне. Живём дружно. Ездили вот толпой хоронить родственника.

— Женат ли я? А вон моя сидит, — он показал на дородную цыганку в цветастом с золотом платке и с большими золотыми серьгами. Хорошая женщина, добрая, умная и спокойная. Общих детей нет. Мы уже люди старые. У неё, правда, есть сын и две дочки от первого брака. Они уже взрослые. А муж её помер давным-давно.

Во время разговора к ним подсаживались другие цыгане, на удивление застенчивые. Может, робели при своём вожде.

Когда цыгане разошлись, Налётова подозвал солдатик-грузин, обосновавшийся на полке под его «хутором». Он возвращался в родную часть из отпуска на родину.

— Чачу будешь? — спросил он. — Это самогон из винограда. Хороший. Давай попробуй, хочу тебя угостить.

Он полез за чемоданом. В чемодане лежали домашние гостинцы: бутылка с чачей, полупрозрачные виноградные лепешки (тесто, замешанное на виноградном соке?), длинные гирлянды южного лакомства — нанизанные на нитки трубочки из виноградного теста, набитые мякотью грецкого ореха.

Чача была крепкой невероятно, но фруктовое её происхождение было весьма приятно. Солдатик предложил попробовать её всем присутствующим мужчинам. Цыгане охотно приложились к экзотическому напитку, однако пить отказались. Юрий выпил пару порций за дружбу и за великий грузинский народ. На этом общении с бутылкой пришлось прервать, потому что поезд приехал в Калинин. Налётов попрощался с попутчиками и покинул вагон.

На дворе была ночь. Надо было как-то устраиваться на ночлег. Он сдал чемодан в камеру хранения, прошёл в зал ожидания и стал присматриваться к мужичкам, пытаясь угадать бывалого. Наконец, высмотрел такого, и оказалось, что не ошибся.

— Поблизости и в центре устроиться нет никакой возможности. Садитесь в такой-то трамвай и поезжайте в Заречье, на окраину. Там есть такая-то гостиница. В ней наверняка мест тоже нет, зато администратор даст адресок поблизости, в частном секторе.

Так всё и получилось. Небольшой гостеприимный домик оказался неподалеку, и добрая старушка провела его из кухни в закуток, специально оборудованный для приезжих. Он оказался единственным постояльцем, и, попив чаю, рухнул в постель.

Наутро, отдав хозяйке червонец, поехал искать обком партии, чтобы «пошептаться» с первым секретарём — как излагал он цель своей поездки недавним попутчикам.

Дивны Твои дела, Господи! Первый тут же его принял на пару с работником сектора печати.

— Отрадно, — сказал секретарь, — что Вы решили жить и работать поближе к дому. Конечно, в газетах нашей области кадров не хватает. К сожалению, заведующий сектора в командировке, а мы всей информацией не располагаем. Однако нам доподлинно известно, что в Энском районе работник нужен позарез. Поезжайте-ка туда. Места там глуховатые, но живописные: кругом лес, озёра, да и до родных пенат рукой подать. А народ у нас везде хороший, и Русь исконная.

Что и требовалось доказать! Юрий долго расшаркивался и благодарил и, окрылённый, помчался на вокзал.

Добраться до станции Бологое не составило труда — поезда шли один за другим. Зато из Бологое в сторону Великих Лук поезд шёл только ночью.

Утром, невыспавшийся и усталый, он прибыл на место, без труда устроился в гостиницу, рухнул в постель и проснулся только тогда, когда с работы стали приходить постояльцы. Их было трое. Сначала появился невысокого роста кавказец. Он протянул руку:

— Эдик Микоян.

— Случайно не родственник Анастасу Ивановичу?

— Родственник. Только не близкий. У нас в Армении все, наверно, родственники.

Потом пришёл громоздкий пузатый еврей.

— Наконец-то среди нас, неграмотных, появился образованный человек, — увидел он университетский значок. — Меня зовут Нуся Хаимович Горенштейн. Я из Одессы. Занимаюсь поставками древесины. Кстати, Вы не знаете, где купить шапку из пижик. Нет? Я бы охотно отдал за пижик пятьсот рублей... Но где его взять? В здешних местах продаётся один ширпотреб.

Третьим жильцом был пожилой русак в добром подпитии. Он смиренно со всеми поздоровался и лёг в постель лицом к стенке. Обыкновенный тихий алкоголик. Что и подтвердил на другой день местный деятель, в контору которого тот был командирован.

— Давно ушёл? — спросил он, тягостно вздохнул и добавил. — Иван Иванович милейший человек, замечательный специалист, но болен тяжким недугом.

Вечерком Микоян прихватил Юрия, и они отправились в столовую. Та располагалась на задворках гостиницы в просторной избе с высоким крыльцом. Несмотря на неурочный час, в столовой былолюдно. У раздачи, немного в сторонке стояли четыре мужика средних лет, пили пиво и оживлённо разговаривали. Юрий поразился: каждый из них был около двух метров роста. Они, как и остальные посетители, имели внешность, характерную для уроженцев северо-запада России: светловолосые, белолицые и, как пелось в те далёкие времена в одной песне: «Вижу родные знакомые лица, голубоглазые в большинстве».

Ещё больше поразило меню столовой. Под стеклом и на витрине стояли солёные огурцы, грибы, клюква в сахаре, капуста, домашний хлебный квас, холодец, кисели, молоко, творог и сметана, как будто умелая и хлебосольная хозяйка принимала долгожданных гостей. На раздаче стояла и сама кудесница — милая улыбочивая женщина, такая же домашняя, как и всё в этом заведении.

Порции превосходили фантазию: в тарелки с горкой были налиты щи, которые может приготовить не каждая мама, жареное мясо с жареной же картошкой и огурцом едва уместались на блюде, холодец будил воспоминания о деревенском детстве. Так дома кормят только в большие праздники.

Налётов вспомнил, как его однажды занесло в Московский «Славянский базар. У дверей его встретил человек в одежде дипломата, проводил усадил за стол. Принесли еду. Она пленяла красотой и изяществом сервировки, но... не имела никакого вкуса. Это были скорее муляжи. Выкушав обед из полного набора блюд, он вышел на улицу с намерением заскочить в какую-нибудь забегаловку и съесть парочку бутербродов.

...Утром, дождавшись, когда сожители убегут на работу, Налётов поднялся и не спеша стал готовиться к визиту в редакцию. На тумбочке Эдика валялся паспорт. Он открыл его и прочитал: «Микаэлян Мкртыч Киркорович». Правду говорят, что Восток — дело тонкое, подумал он и сунул паспорт в тумбочку: маленькая тайна — тоже тайна.

На улице было хорошо. Ночью выпал снежок, и он таял. Звонко гомонили галки, радуясь тёплому дню. Посёлок был большой и деревянный. Крыши домом были мокро-белыми, а стены темнели отсыревшими брёвнами. Навстречу шли старухи и с интересом воззрились на него.

— Бабы, быдто этого мальчика раньше в нас не было. Ды ён ня наш! — громко сказала одна из них, адресуясь явно к незнакомцу.

Юра обрадовался: старуха говорила на его родном диалекте. Да и манера вступать в контакт с незнакомцами была ему хорошо знакома.

— Да ваш я, ваш! Только не местный. Услышал вот, что здесь лучшее место на земле и приехал устраиваться на работу.

— И правильно сделал. У нас, конечно, не Париж, но тоже хорошо.

После дотошного допроса его отпустили.

Редакция размещалась на втором этаже двухэтажного дома. Первый этаж занимала типография. Сам дом находился на берегу неширокой, но полноводной речки с добротным пешеходным мостиком. Противоположный берег будто явился из другого мира: он был застроен многоэтажными зданиями. Через мостик переходили нарядные молодые женщины с офицерами. Военнослужащие просматривались и среди домов. Оказалось, это был военный городок с населением, вполне сопоставимым по величине с населением остального посёлка.

А речка называлась, ни много-ни мало, Западной Двиной. Той самой, которая, пробежав по России, Белоруссии и Латвии, вливалась полноводной рекой Даугавой в Балтийское море. То есть, сев в утлую лодчонку у этого самого мостика, можно, не вылезая из неё, посетить многие города, в том числе Витебск, Новополоцк, Даугавпилс и Ригу.

...Налётов поднялся по кривой скрипучей лестнице в редакцию. Полы этажа отклонялись от горизонтали градусов на 5—7. С непривычки он дошёл до кабинета редактора скособоцась.

В кабинете за большим столом сидел замшелый дед в зелёной ковбойке с алым галстуком под чёрным пиджаком.

— Проходите, дружелюбно произнёс он. — Мне из обкома партии уже звонили. Рад Вам, потому что с кадрами у нас, прямо скажем, туговато. Не хватает даже не специалистов, а хорошо грамотных людей. В коллективе один я с высшим образованием, да вот ответственный секретарь, совсем ещё девчонка, заочно учится на втором курсе журфака. Секретарь пока очень слабенький. Я сам — школьный учитель истории, но вот партия направила руководить газетой.

В комнату вошёл улыбчивый пожилой блондин. Он протянул Юрию руку и представился.

— Тебе чего, Иван Иванович?

— Зашёл вот познакомиться с новым человеком.

Блондин был колоритный: в военном френче со стоячим воротником и в синих галифе, заправленных в ботинки. Лицо его прямо-таки источало доброту и ласку. Однако редактор строго кивнул ему на выход, и тот исчез.

Картина вырисовывалась безрадостная. Оклад Налётову давали шестьдесят рублей (согласно штатному расписанию) плюс десять — пятнадцать рублей гонорару. Вот и весь доход. Пообещали содействие с жильём и яслями для дочки. Однако работы для жены в райцентре решительно не было.

— Офицерские жёны почти сплошь учителя русского языка и литературы, и все хотят работать. Так что надежды никакой.

Налётов приуныл:

— Дайте денёк на размышление... Надо посоветоваться с родителями.

— Советуйтесь. А если решите остаться, можете сразу же оформляться и приступать к работе.

Юрий отправился на почту, чтобы вызвать отца на переговоры.

— Сынок, — сказал тот, — конечно, на шестьдесят рублей не проживёшь, а что делать? А мы уж по силе возможности будем помогать. Устроишься — звони.

«Ни хрена себе, мерси, — подумал Юрий. — Доучился... Все науки превзошёл — и вот тебе раз! А вообще-то Тоне все равно первое время не рабатьвать, а там будет видно... Может быть, чего-нибудь подыщем. Всё-таки газета — орган райкома партии и райисполкома. Не может быть, чтобы не помогли!

Вечером в гостиничный номер явился человек и спросил Налётова. Гость был никто иной, как заведующий сектором печати обкома партии. Тот самый, который находился в командировке. Он присел на краешек стула и тихим голосом стал расспрашивать корифея университетских наук о житье-бытье. После беседы пожелал доброго добра и удалился.

Редактор, должно быть, не ожидал появления нашего героя на день раньше назначенного срока и в столь ранний час и заметно сконфузился.

— Пришёл оформляться на работу, — возвестил Юрий.

— Присаживайтесь... Юрий Николаевич, тут, видите ли, такая закавыка, — он всей пятернёй вцепился в затылок. — Строго говоря, вы ведь не специалист. То есть газетному делу не обучены... Тогда как быть? Нам же, строго говоря, нужен именно специалист.

Налётов оторопел, а потом рассердился.

— Николай Михайлович, что так разительно переменялось со вчерашнего дня? Давайте так: я человек здесь случайный, Вы мне тоже ничем не обязаны, так что не надо крутить. В чём дело?

— Да-а... ситуация... с досадой произнёс редактор. — А дело в том, что не сегодня-завтра будет опубликовано сообщение об укрупнении районов по всей стране. Очередная, видите ли, реформа. Соответственно, будут сокращены многие районные газеты. Об этом мне сообщил по телефону вчера вечером мой большой и давний друг — работник одной из газет. Просит принять на работу, так как их району точно не быть. Для него, человека пожилого, это удар. Вот и поставьте себя на моё место.

* * *

Каждый, кто мотался по градам и весям Родины по служебным надобностям либо по причине неприкаянности души, знает, какое удовольствие добраться, наконец, до поезда, разместиться на указанной в билете полке и таким образом на сутки-двое и более того обрести стабильность при одинаковом с остальными попутчиками статусе.

Вне поезда ты — одиночка в чужом городе, никому не известный человек на незнакомом предприятии, случайный человек в гостиничном номере.

Налётов возвращался на Урал, на этот раз в Пермь, где жила его двоюродная сестра. Через пару дней приятного гостевания он пришёл в областной отдел народного образования и заявил, что они с женой мечтают работать учителями в городе Лысьве. А почему в Лысьве? А потому, что там живут три родных брата, которые приходится ему, Налётову, кузенами. В облоно неожиданным кадрам обрадовались и выписали направления на работу, «забыв» спросить справку о праве свободного трудоустройства. Тут тоже сидели государственные люди.

Так человек, проявивший «выдающиеся журналистские способности», стал народным учителем. Им он проработал два года, на собственном опыте убедившись в справедливости сборника законодательных документов по медицине, который категорически не рекомендовал людям с хроническими ларингитом и фарингитом работать в школе по причине того, что работа учителя связана с напряжением голоса. Уже после первого урока Юрий начинал сипеть и тужиться при разговоре, извлекая из себя звуки.

После окончания учебного года Налётовы решили попытаться счастья в городе Юриного детства. И тут ему сразу же улыбнулось счастье: корректора городской газеты проводили на пенсию, и

редактор с удовольствием взял его на работу. Стала преподавать в школе и жена.

Оклад корректора составлял пятьдесят семь рублей, жена получала восемьдесят с копейкам — полную ставку. Однако доходы никак не стыковались с расходами, то есть, пользуясь вошедшей в обиход наших дней терминологией, доходы Налётовых были значительно ниже прожиточного минимума. Но жаловаться было некому: так называемых дерьмократов и Чубайса в шестидесятые годы не было, а родная Коммунистическая партия и родное же советское правительство ругать себя категорически не разрешали, за чем пристально следили бесстрашные чекисты. Любая их критика называлась страшным словом АНТИСОВЕТЧИНА, за которую полагался СРОК.

В газете Налётов проработал почти семь лет, из них два года — корректором. Не был он в газете, по его словам, только уборщицей и редактором. Через четыре года после университета Налётовы считали себя вполне устроенными. Он работал ответственным секретарём, а жена прочно обосновалась в одной из лучших школ города. У них была хорошая квартира в самом престижном районе. А ещё через год Юрий поступил на первый курс вечернего политехнического института, спустя шесть лет закончил его и стал инженером.

* * *

Какоё счастье, что антинародное полицейское государство, ханжески провозгласившее: «ВСЁ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА, ВСЁ ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА», кануло в небытие. Жирной и заслуженной точкой был бы для него осиновый кол, однако слишком много ещё среди принимающих политические решения людей, которым было комфортно жить в то время и состоять в преступной организации, именуемой КПСС. Этим людям и сейчас глубоко наплевать на собственный народ. Который не более чем собрание скелетов в шкафу отца родного — Государства.

СВИНТОПРУЛЬ

От издателя. Перебирая на днях старые бумажки, сваленные в нижнем ящике письменного стола, наткнулся я на листок, вручённый мне некогда ныне покойным другом моим Юрием Григорьевичем Ульяничем. Инженер по образованию, был он человеком разносторонних интересов и иногда шалил в части изыщной

словесности. Найденная бумажка являет собой одну из таких шалостей. Будучи уверенным в том, что она интересна для всех любителей печатного слова, предаю её широкой огласке.

Как-то ко мне зашёл сосед (бывший агент по страхованию, ныне пенсионер) и попросил отпечатать на хорошей бумаге его заявление на изобретение, которое он намерен послать в свою любимую газету. Мои сомнения в сути изобретения были им категорически отвергнуты, как и попытки отредактировать текст.

— Печатай всю правду, все буквы, как я написал. Вот запятые ставь где надо, — и всё тут! — упорно настаивал он.

Я отпечатал и оставил себе копию на память о соседе. Вот она.

Уважаемые господа в Редакцию Газеты, здравствуйте!

Я всё время выписываю Вашу газету. Очень интересно пишете и расширяете взгляд. Про чиновников, которые матерят изобретателей, и про изобретателей, которые матерят чиновников. Я тоже кое-чего много изобрёл. Патентов не беру, не надо мне, пускай это будет польза Народу. Последнее моё Изобретение сильно повышает убойную силу нашей Армии. Прошу напечатать. Чтобы Враги не использовали моё изобретение, ноу-хау оставляю себе.

ИЗОБРЕТЕНИЕ

Все знают, что пуля, когда вылетает из ствола с тремя винтовыми линиями (так и говорят: трёхлинейка, а ещё — винт, «уложил, мол, его из винта»), начинает сильно крутиться, когда летит. А крутится она без толку, только сила пропадает зря. Предлагаю на нос пули приделать пропеллер, как винт у самолёта, только маленький. Когда пуля крутится, винт будет загребать воздух и подтаскивать пулю быстрее, чем она летит без винта. Поэтому дальше будет лететь, и убойная сила сильнее. По моему расчёту, которое ноу-хау, кид будет 30—50 %.

Награды мне не надо, только назовите моё Изобретение по моей ФИО (Фамилия, Имя, Отчество), которую пока не раскрываю, чтобы Враги не узнали мою Фамилию и не украли Изобретение вместе со мной и моим н-х. А вот название Изобретения можно расшифровать подробно и понятно, тут секрета нет — это СВИНТОПРУЛЬ, что вкратце значит — «с винтом прёт». В просьбе моей прошу не отказать.

Изобретатель

(подпись, день)

Далее приписка от руки моего соседа, поведенная мне украдкой его злорадной супругой. Запятыя — опять мои.

Это изобретение читал по секрету только мой сосед, инженер. Доучился... в нашем жэке теперь унитазаы чинит. Очень смеялся, паразит. Завидует, шибко умный стал, глубже унитаза не видит. Хотел слова подправить, но я не дал. Со зла может мысль исказить. Эти умники развалили страну, а сами ничего придумать не умеют. Для секрета на конверте пишу его адрес, а он мне отдаст, когда придёт ответ. Ещё говорит, что не напечатают, а я ему показал свежую газету «На грани невозможного» про большую трубу, которая весь город освещает. Мой СВИНТОПРУЛЬ важнее для страны. Если по секрету не можете напечатать, то передайте моё Изобретение Путину Владимиру Владимировичу по адресу Москва, Кремль. Он за всю страну болеет. А мне ничего не надо. Засим, досвидание.

ДОПИСКА. Модель СВИНТОПРУЛЯ пока не сделал, потому что ствола у меня нет, а в магазинах не продают. Сейчас ищу спонсора с трёхлинейкой и запасом пороха. Киллеров прошу не беспокоиться.

Сосед отправился на почту и отослал заявление заказным письмом. На обратном пути взял поллитровку, и мы с ним славно поговорили о политике, в которой главную роль, по его мнению, будет теперь играть не атомная бомба, а СВИНТОПРУЛЬ засе-
креченного Героя России господина Имярек.

Ю. УЛЬЯНИЧ Миасс, 17.12.2000.

ЗА КЕДРОВЫМИ ШИШКАМИ

ОТ ИЗДАТЕЛЯ. С Василием Ивановичем Коршуновым мы познакомились всего каких-нибудь сорок лет назад, когда я перешёл на работу в его организацию. Он отличался спокойным дружелюбным нравом, и поэтому в коллективе пользовался большим уважением. В те далёкие теперь уж времена широкое хождение в народе имели анекдоты про Чапаева и поэтому при встречах я всегда обращался к нему с просьбой: «Василий Иванович, дай носков в атаку сходить!» «Возьми, Петька, — неизменно отвечал он. — Они вон в том углу стоят».

Василий Иванович был большой любитель природы, но особенной его любовью пользовались птицы. Он, кажется, знал об обитателях наших лесов и городских окрестностей всё. Более того, в доме его всегда было несколько клеток с птицами, кото-

рые щебетали с утра до вечера. Однажды он неожиданно появился в моём доме и принёс просторную клетку, сделанную своими руками, с нахохлившимся чижиком. «Не беспокойтесь: освоится — запоёт. Хлопот с ним никаких. Пусть клетка висит на улице, а вы только не забывайте подсыпать корм, подливать воду да убирать».

Оказывается, клетка была его подарком к моему дню рождения. И как он только вспомнил об этом: ведь виделись мы крайне редко?

Как-то во время очередной встречи мы ударились в детские воспоминания. Он вырос в сибирской деревушке, в тайге, поэтому природа была частью его жизни с юных лет. Особенно меня впечатлил его рассказ о походе в тайгу на промысел кедровых шишек, и я попросил его сделать пробу пера — написать об этом поподробнее. И вот однажды в дверь мою постучали, и мальчик передал мне рукопись. Это внук Василия Ивановича принёс мне послание от деда. А потом позвонил и он. Я с удовольствием прочитал фрагмент колоритного сибирского бытия и подумал, что и дорогому читателю это будет приятным подарком. Поэтому, испросив у Василия Ивановича позволения, выношу его повествование на суд читателя.

Внезапно пошёл дождик и начал старательно моросить на головы трёх пареньков, которые весело шагали через поляну по едва заметной тропинке. Поляна была выкошена наполовину. На выкошенной кое-где стояли небольшие стожки сена, а нетронутая часть её поросла высоким бурьяном, полностью скрывавшим босоногих путников. Скоро немудрёная одежда у ребятишек стала намокать, и, чтобы спастись от дождя, они покрыли головы мешками для сбора кедровых шишек, соорудив из них известным способом накидки с капюшонами для головы. Несмотря на дождик, было тепло, и они быстро дошли до тайги, пересекли её узкую часть и вышли на большое Ишкольское болото. Идти стало трудно, потому что ноги утопали во мху почти до колен.

Но вот дождик прекратился. Над головами появились чиби-сы, кулики, а потом и чайки. Появление чаек означало близость озера, которое называется Большое Молошное. Молошным его зовут из-за беловатого цвета воды, которую будто слегка разбавили молоком. Изрядно подуставшие мальчишки миновали сначала Большое Молошное, потом Малое и вышли к кедрачам. Идти стало легче, потому что под ногами была твёрдая почва. Никто из ребят раньше здесь не бывал, но они знали, что где-то дальше есть Куликова грива, где полно вековых кедров.

Еле заметная тропинка привела к поляне, поросшей всяким мелколесьем: голубикой, багульником, можжевельником. Сразу за поляной возвышались могучие разлапистые кедр. Листва с кустов голубики почти вся облетела, а налитых сочных ягод было так много, что мальчишки не устояли от соблазна и накиннулись на лесное угощение, горстями отправляя в рот сладкие ягоды. Вскоре их руки стали сине-голубого цвета. Такими же стали и рты, и щёки, да и все физиономии пацанов.

— Ну, и рожица у него! — сказал Васёк, показывая пальцем на Сашку, и захохотал.

— Ты бы на себя посмотрел! — захихикал тот.

Ну, и смеху было, когда ребята оглядели друг друга. Нахохотавшись, двинулись дальше, потому что есть голубику больше не было никакой возможности: во рту стало щипать, да и животы были полнѐхонки. Захотелось пить, но воды поблизости не было, хотя под ногами она даже хлюпала в мягкой моховой подстилке. Впереди обозначилось подобие тропы с огромными вмятинами, в которых стояла мутная вода.

— Что это такое? — спросил Сашка.

— Так это же след самого Топтыгина! — догадался Васёк.

Весёлое настроение мигом улетучилось. Оно сменилось страхом. И мальчишки замерли в оцепененье.

— Может, пойдём назад? — робко вымолвил кто-то из ребят. Но остальные с ним не согласились.

— Медведь-то, наверно, давно прошёл, — заметил Сашка.

— Нет, он прошёл только что перед нами, — убеждённо сказал Васёк. — Видите, вода в углублениях ещё не успела отстояться. Да и на траве свежая грязь.

Сколько они простояли бы в нерешительности — не известно, но вдруг ребят вывел из такого состояния резкий крик ореховки. Она сидела на вершине ближайшего кедр и, увидев ребят, оповестила всю Куликову гриву о вторжении незваных пришельцев. Сверкая на солнце темноватым, в светлую крапинку оперением, ореховка повертелась на висящих кедровых шишках и ещё раз огласила округу своим зычным голосом.

Ребята тронулись вперёд: если бы медведь был рядом, непоседа их бы предупредила.

И вот цель достигнута: под ногами хоть и мшистая, но твёрдая земля, а над головами, местами смыкаясь в огромный шатёр, кедровые кроны, увешанные шишками. Многовековые кедр огромной толщины, как сказочные исполины, окружили зачарованных ребят. Те только крутили головами, рассматривая смолистые шишки на верхних ветвях деревьев, недостижимых для наших добытчиков.

— Да, — задумчиво произнёс Санька, — шишки-то хороши, но как до них добраться?

Однако опыт у них кое-какой был. В прежние времена они не раз сбивали шишки колотушками. А делать колотушки не так уж сложно. Надо взять березовые брёвнышки около полутора метров длиной и 15—20 сантиметров толщиной, а потом один конец около метра длиной затесать до такой толщины, чтобы его удобно было брать двумя руками. Вот колотушка и готова — всего-то и делов. Колотушкой, сами понимаете, изо всех сил колотили по стволу, ствол сотрясался — и спелые шишки сыпались на землю. А здесь, на Куликовой гриве, таких хлипких кедров было мало, а по исполинам сколько ни колоти — они не шелохнутся. Какие уж тут шишки!

Однако под ногами у мальчишек навалом их, уже растеребленных. Это поработали бурундуки, белки и те же ореховки. Да и Топтыгин, поди, уже навевывался сюда. Зрелые шишки падают сами, а если пойдёт дождь и налетит ветер, начинается настоящий шишкопад. Вот тут-то и налетай кому не лень. А полакомиться вкусными маслянистыми орешками любителей хоть отбавляй!

Пока Сашка с Колькой ладили колотушки — дело кропотливое, особенно если топор один, да и тот тупой, — Васёк деловито изучал кедровое царство. Вот он заприметил кедр, который стоял почти в самом центре кедрового товарищества, и вся его мощь говорила о том, что здесь он самый старший и самый главный. У основания ствол его был такой толщины, что обхватить его можно только вдвоём, если встать с противоположных сторон и взять друг друга за руки. Да какое там взять: ребята еле касались друг друга кончиками пальцев.

Васёк обошёл вокруг кедра не один раз, прикидывая, как к нему подступиться, как вскарабкаться на самый верх, где шишек было полным-полно. Он всегда считал, что на свете нет такого дерева, на который бы не влез. И никто из ребят не мог с ним в этом деле состязаться, так как считался Васёк отменным «полазеем» за шишками. И вот, после долгих прикидок и почёсывания затылка, его внезапно посетила, казалось бы, несбыточная идея. Рядом с кедром росла высокая ель, и ствол её был намного тоньше кедрового. Васёк решил взобраться на ель, а потом, уже с неё, перебраться на кедр.

Недолго думая, он приступил к выполнению своего плана. Первые несколько метров высоты преодолел довольно быстро, потому что ствол снизу был без сучков и имел шероховатую поверхность, что помогало ему быстро подниматься. А вот выше,

когда сучков стало много, дело пошло не так споро. Однако это не охладило нашего «полазея». Преодолев большую часть ели, Васёк осмотрелся. Шишки, такие желанные, такие огромные и смолистые, были совсем рядом. Как же до них добраться? Эх, был бы шест, да подлиннее! Тогда можно было бы много шишек посшибать!

До кедра было чуть не рукой подать — всего каких-нибудь пять метров. И Васёк решился на рискованный шаг. Он поднялся почти до самой вершины ели, где ствол был таким тонким, что он обхватил его пальцами. Ель стала наклоняться то в одну, то в другую сторону, а кедровые шишки то приближались, то удалялись от него.

Наступил решительный момент. Васёк присмотрел толстый сук на кедре, а потом стал раскачиваться вместе с вершиной ели, чтобы уцепиться за него и перебраться на кедр. После нескольких «качков» ему это удалось. Он крепко ухватился сначала одной рукой, а потом второй. Ель, освободившись от тяжести, резко выпрямилась, зацепив Васька за полу пиджака. Он почувствовал, как ель рванула его назад, пытаясь оторвать от кедра. Но не тут-то было! Васёк вцепился в сук мёртвой хваткой и почти тут же услышал, как затрещал разрываемый пиджак и как с кедра посыпались шишки.

— Ух! — невольно вырвалось у него из груди. Он облегчённо вздохнул и перебрался к стволу кедра.

Осмотревшись, устроился поудобнее и начал топтать ногами по толстым сучьям. Шишки лавиной посыпались вниз, ударяясь по стволу и сучьям и увлекая за собой висящие ниже. От этих звуков у Васька заиграло сердце, поднялось настроение и он начал насвистывать какую-то победную мелодию. А потом запел очень подходящую к случаю песню, которая самостоятельно вырвалась из груди:

Под грозным разрывом гремучих гранат
Отряд коммунаров сражался!

Васёк орудовал без устали, подбираясь к вершине кедра и по пути сбивая шишки. И когда сбивать стало нечего, он осмотрелся. Вокруг стояли кедры значительно ниже того, на котором он находился. Неожиданно на ближайшую к нему ветку уселась ореховка. К своему удивлению она заметила человека, затерявшегося в густой кроне, издала испуганный крик и унеслась куда подальше. А Васёк начал потихоньку спускаться вниз. Он знал, что спускаться всегда сложнее, чем подниматься. Но это его

нисколючко не смущало. Тем более что внизу, на земле, ждёт такое богатство!

Он без труда опустился до середины дерева, но ниже начались трудности: заросли сухих сучков были так плотно и замысловато переплетены, что перебраться через них без натужного кряхтения и акробатических телодвижений было затруднительно. Но юный шишкарь упорно их преодолевал. Наконец, сучки закончились. Ниже ствол был гладкий, но обхватить его руками и ногами было невозможно. Пришлось что есть силы прижаться коленками к стволу и, крепко цепляясь за него руками, потихоньку сползть вниз. А ещё ниже кедр был таким толстым, что Васёк не удержался и последние метры буквально пролетел по корявому стволу, ободрав руки и даже живот. Но стоило ли обращать внимание на такие пустяки при виде богатейших «трофеев»?

Первое, что он подумал, когда пришёл в себя: «Как обработать столько шишек? Ведь их надо сразу же и вышелушить!» Он быстро взял мешок, оставленный у кедра, и начал складывать в него шишки, которыми было усыпано всё вокруг. Полнѐхонький мешок оттащил к стоянке, где ребята облюбовали место для ночлега, и высыпал на землю. Вскоре к первому присоединился второй, а потом третий и четвёртый мешки. Ссыпанные в одно место, шишки являли собой удивительно приятное для добытчика зрелище.

Между тем неподалеку были слышны стукотня колотушек и перекрикивания друзей, которые с увлечением занимались промыслом. Наконец, они подошли к стану, неся каждый на плечах по увесистому мешку добычи. Сбросив мешки, ребята устали на чудо-горку шишек.

— Ну, ты, Васёк, даёшь! — с изумлением произнёс, наконец, Санька. — И как это тебе удалось?

Васёк во весь рот улыбался.

Ребята быстро натаскали дров: валежин, толстых сучьев, хвороста для растопки и разожгли костёр. Потом поели и, немного передохнув, принялись растеребивать шишки. Так как никаких, даже примитивных приспособлений и устройств для этого у них не было, шелушить шишки пришлось голыми руками. Делали это ребята так: брали шишку в левую руку, а большим пальцем правой руки снимали часть чешуек, потом разворачивали шишку и проделывали то же самое. И так до тех пор, пока не оголятся орешки. Потом обеими руками, крепко зажав шишку, вращали её вокруг своей оси, одновременно нажимая пальцами на орешки, которые высыпались в подставленный мешок. Эту операцию ребята проделывали довольно быстро, но всё равно

времени на шелушение понадобилось много, чтобы обработать такую уйму шишек.

Вечерело. Над тайгой стали стучаться сумерки. Впереди была длинная осенняя ночь. Взглянув на запас дров, ребята поняли, что на всю ночь их не хватит, и отправились за дровами. Вблизи ничего подходящего не оказалось, и они углубились в тайгу. Нашли сухой хлыст упавшей ёлки и принялись тащить его к костру. Бревно было тяжёлым — хватит на всю ночь, и ребята часто останавливались для отдыха. Между тем тайга погрузилась во тьму. Пройдя ещё какое-то время, они с ужасом обнаружили вдруг, что сбились с пути. И не мудрено: костёр, единственный ориентир, куда-то запропастился. Решили: одному остаться у бревна, а остальным отправиться на поиски, всё время перекликаясь. При бревне остался Васёк. Он то и дело окликал друзей: «Нашли или нет?». Ответ был один и тот же: «Нет!».

Дело принимало нешуточный оборот. В душу закрадывался страх: что же делать дальше? Васёк позвал Саньку, чтобы поменяться с ним ролями и отправиться в поиск самому. Санька, подавая голос, стал приближаться. «Не нашёл, не нашёл!» — как заведённый повторял он. И вдруг совсем рядом радостно завопил: «Нашёл!!!» Васёк не поверил ушам: тот находился совсем рядом. А Санька надрывался: «Вот он наш костёр! Только он погас! Идите скорей сюда!»

Быстренько подтащили бревно и снова разожгли костёр. Один конец положили сверху на вспыхнувшее пламя. Кромешная темнота отодвинулась, и вокруг костра образовался тёплый уютный и светлый мирок, в середине которого героями себя чувствовали три отважных шишкаря. Оживлённо обсуждая все недавние тревобления, ребята дружно шелушили шишки. За работой и разговорами они не сразу заметили, как из темноты стали неясно возникать очертания деревьев. Наступал рассвет. Санька и Колька уже разделались со своими шишками и принялись помогать Ваську. Грандиозная куча стала быстро уменьшаться, а вскоре и совсем исчезла. А когда рассвело, в мешках у каждого были только чистые орешки.

Стали собираться в дорогу. Ребятам предстоял нелёгкий путь домой с грузом на спине. Затушив остатки тлеющих огней, тронулись в путь. Шли они той же тропой, что и сюда. Подойдя к месту, где вчера видели след медведя, замолчали. Зато преодолев «медвежье» место, повеселели и, без опаски хлюпая по трясине, стали быстро удаляться от Куликовой гривы. Позади осталась вековая тайга, началось мелколесье, а вскоре глазам представало открытое болото, местами поросшее высоким камышом.

Мешки давили на спину, на плечи, но снять их было нельзя, потому что некуда положить — всюду сквозь мох проступала вода. И только преодолев болото и взойдя на возвышенное место, ребята с облегчением сняли мешки, а сами повалились на сухую мягкую траву. Они долго лежали так, не шевелясь, и смотрели в небо, по которому проплывали седые, с тёмными окаймлениями облака. Где-то неподалеку раздались какие-то странные звуки, которые подняли ребят на ноги. И вдруг совсем рядом из травы с шумом взлетел косач. Мелькнув своим тёмным с сизым отливом оперением, он понёсся от них между деревьями. Сзади двумя лентами вились длинные хвостовые перья, те самые, которые делают хвост сидящего тетерева похожим на изящную лиру. А мальчишки, взвалив на плечи свои ноши с драгоценной добычей, уже без остановки дошли до дому.

*Василий КОРШУНОВ,
дитя природы.*

ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ, или ЗАПИСКИ СТАРОГО ДУРАКА

От издателя. Чудесным мартовским утром не корысти ради, а волею супружницы моей отправился я делать шопинг. Было это несколько лет назад. Путь мой пролегал мимо контейнерной площадки, отгороженной от жилых домов невысокой кирпичной оградой. Здесь в уютном одиночестве тихо трудился бомж. Рядом стояли большие клетчатые сумки, в которые он заботливо укладывал самое ценное из помойки. Когда я поравнялся с археологом, он обернулся вдруг, и наши взгляды встретились.

— Сударь, — произнёс он, — не найдётся ли у вас бумажки вашего табачку закурить, а то у меня спичек нет?

Я достал сигареты, мы прикурили от одной спички и разговорились.

— А что, дружок, — спросил я, обзирая его немытое лицо и грязную бороду, — много ли масла на свой кусок хлеба имеешь ты от этого занятия?

— Не поверишь: и масла сколько хочу, и выпивки, и закуски. А сигаретку стрельнул, потому что мои кончились. Извини.

Он вернулся к работе, а я огляделся. В сторонке от ароматных контейнеров стоял прозрачный полиэтиленовый мешок, набитый брошюрами, общими тетрадями, старыми учебниками и потрёпанными записными книжками. Одна из них, довольно крупных

размеров в коричневой пластиковой обложке, наполовину покинула мешок. Я наклонился и поднял её. На первой странице крупными буквами поверх текста было написано то, что я вынес в заголовок. А дальше шли многие страницы исписанного мелким почерком дневника. Правда, даты написания заметок почти отсутствовали. Полистав книжку, я понял, что автора меньше всего интересует привязка ко времени, потому что это были записи «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Более того, нетрудно было догадаться, что книжка содержит историю любви автора к некоей юной девице.

— Братка! — сказал я вновь обрётённому другу и сокурильнику. — Как я понял, ты хозяин этих несметных богатств. («Что есть, то да!» — буркнул он в ответ.) Не позволишь ли на память о нашей встрече взять этот вот блокнотик?

— Да на здоровье! Видишь, сколько всякой хренотени мне ещё остаётся? Заходи, если что...

Я пошёл дальше делать свой шопинг, а дружок мой нырнул в контейнер.

Не скрою, с тщанием, достойным лучшего применения, я прочитал «горестные» заметки автора и пришёл к выводу, что они могут быть интересны для людей, охочих до чужих секретов (а кто из нас до них не охоч?), и потому неплохо было бы их опубликовать. Кстати, ни имени автора, ни прочих сведений о нём в книжке я не нашёл — они были тщательно уничтожены.

Пользуясь безнаказанностью, Издатель незначительно отредактировал записки, сообразуясь со своим пониманием изложенного, нравственными принципами и эстетическими воззрениями.

* * *

И вот вам «здрасте» — наступил сентябрь! Сентябрь наступил — Ванька с Машкой в связь вступил! В кудрявых березовых причёсках появились рыжие пряди увядания, побурели вдоль тротуаров кусты хитрого гибрида черёмухи и лесной вишни, упали на землю первые жёлтые листья клёнов. А оголившиеся клумбы заблагоухали вдруг резедой. Смена времён года всегда вызывает некоторое беспокойство — какой сюрприз на этот раз преподнесёт нам мать-Природа?

* * *

В жизни моей было много совершенно поразительных эпизодов, Вот один из них. Захожу сегодня в одну из комнат нашего отдела и слышу за кульманами оживлённый дамский разговор.

«Вы знаете, а ведь (тут называется моё имя) когда-то работал в школе учителем». «Неужели? Не может быть...» — раздались голоса. А один, глуховатый, с предыханием, по которому я узнал свою недавнюю сокурсницу (с ней я совершал очередной виток своей биографии), авторитетно, как это только удаётся дамам, вещает: «Враньё! Такого-то я знаю давно, и ничего подобного за ним не замечалось!»

Тут я, как чёрт из табакерки, объявился перед коллегами. У них, как у всего корпуса, была зарядка: под бодрые звуки музыки и исполненный невероятной энергии мужской голос из репродуктора они гоняли чай с баранками и вареньем и трепались о жизни.

— Саям-бульбуль! — резво выкрикнул я и предложил их вниманию следующую историю. В город Энск я приехал восьми лет от роду и сразу пошёл в первый класс. После окончания семилетки моя семья переехала на жительство в другой город. Там я пошёл в восьмой класс. Конечно, очень скоро мои одноклассники узнали, кто я и откуда. И вот в класс пришла учительница, которая назвалась нашей классной руководительницей. Она открыла новенький журнал и стала заполнять сведения об учениках. Дошла очередь до меня. На вопрос, где родился, я честно ответил: «Ленинградская область, город Лодейное Поле!» (А дело происходило на Урале.)

— Он врёт! — с негодованием дружно закричали девчонки. — Он из Энска приехал!

— Меня поразила тогда необычайная способность женского пола к анализу и синтезу. И не устаёт поражать до сих пор, — сообщил я чаёвницам и добавил, что с предыдущим оратором познакомился в возрасте Иисуса Христа, а до того успел натворить немало глупостей.

* * *

Сегодня в нашу лабораторию начальник отдела привёл молодую специалистку. Она будет работать с чаёвницами, о которых я уже писал. Симпатичная девushка: рослая, черноволосая с большими голубыми глазами и загадочной улыбкой.

После их ухода все загадели: «Что закончила, откуда приехала, как фамилия, замужем или нет?»

Надо сказать, коллектив нашего отдела сложился давно, большинству работников около сорока или немного за сорок, есть и помоложе, а вот комсомолят из отдела со штатом почти сто человек — семеро. Неудивительно, что появление нового человека, да ещё молодой девushки — событие.

Как человек простой, я сходил к секретарю, взял личную карточку молодого специалиста, принёс её в лабораторию и огласил.

Мужички наши (сорок — кобелический возраст) во время обеда в столовой были заметно возбуждены и бесперемонно разглядывали молодуху.

Я подошёл к смущённой девушке и громко сказал: «Ларочка, будьте как дома. В моём присутствии вас никто не посмеет обидеть. — И, оборотаясь к мужичкам. — Запомните, аксакалы: это моя девушка!»

Все развеселились, а Лариса — особенно. Кто-то из наших бабуль не преминул съязвить по моему адресу. Но, к моему удивлению, невнятно, и общественностью услышано не было.

Смотрю на Ларису и думаю: как же так вышло, что такая взрослая девушка, после института, а на целых двадцать лет меня младше! Впрочем, моя Ленка только на четыре года её младше и уже учится в институте. А ведь она ещё ребёнок!

В этом году я уже испытал такой же шок. Во время экспедиции на север ко мне как-то подошёл матросик: «Отец, не найдётся сигаретки?» Чем убил меня на месте. А вечером мы со товарищи устроили в гостинице междусобойчик по поводу моего перехода в иное качество.

* * *

Глаза, как две полыньи с зелёной водой, В одну нырну, а из другой вынырну. Холод, и ничего больше. Но другого и не надо. Ужли влюбился? Старее, чем дерьмо мамонта, а влюбчив, как институтка. Любопытно, почему у классиков всегда влюбчивы именно институтки?

* * *

Глаза синие, как небо в сумерках, а в них золотинки — звёздочки. Отодвинешься — глаза зелёные, придвинешься — вечернее небо в звёздочках.

* * *

Очень потешно ест. На лице такое же выражение, как у кошки, которая ест горячую кашу.

* * *

Какие у неё прекрасные глаза — не просто красивые, а очень выразительные. Взгляд их осязаем, как тёплая ладонь, которая нежно гладит лицо, волосы, руки... А какой поразительный смех — мелодичный, мягкий, проникновенный.

Она — рослая спортивная девушка. Но манера её поведения, разговор исполнены такой женственности, что мне она кажется миниатюрной, даже хрупкой. Должно быть, это очень субъективно, потому что отдельные джигиты воспринимают её как здоровенную девку, и не более того. Слепцы!

* * *

Когда я наблюдаю её в профиль, мне кажется, что передо мной прехорошенькая девочка. Кстати, несмотря на чёрные брови и тёмные волосы, всё лицо её — в веснушках. Удивительно!

* * *

Заметил странное свойство своей зрительной памяти. Отлично помню лица всех прошлых и нынешних знакомцев. Даже не закрывая глаз, легко вспомню любого. Но стоит влюбиться, как желанный облик стирается из памяти. Такое бывало не раз. Наверно, это оттого, что общего впечатления от внешности любимой недостаточно, влюблённый жаждет до деталей её лица. Как-то неожиданно во всей полноте открылось значение удивительного русского слова *ненаглядный*, *ненаглядная*. Как поётся в песне:

Ты постой, постой, красавица моя,
Постой наглядеться, радость, на тебя!

* * *

Вчера вечером пришла знакомая и говорит: «Спешу на 15-летие супружеской жизни одной пары. Это — берёзовая свадьба? Есть большая латунная медаль. На ней надо срочно выравнить стихи. Аппарат для этого есть, а стихов нет. У вас большая библиотека, давайте ищите. Без стихов не уйду».

Перерыл гору поэтических сборников и застрял на Саади. Ничего нет. Тогда, зацикленный на персе, сочинил сам, лишь бы отвязаться:

Когда пятнадцать лет прожили вместе,
Что говорить о женихе и о невесте?
Срок так велик, что в целое одно
Они уже слились давным-давно.

(Подражание Саади)

* * *

— Почему вчера не приходил на обед? — сурово спрашивает, бывало, мать отца, крупно загулявшего накануне.

— Понимаешь, Лизок, после работы решили с ребятами немножко выпить, так я хотел запьянеть побольше, — по-детски простодушно отвечает тот. А матери и сказать больше нечего. Разве не удивительно?

* * *

Есть вещи гораздо более сильные, чем любовь и дружба, честь и совесть. Это пороки. И самые тяжкие из них, и самые нелепые — пьянство и курение. (Тридцать лет назад о наркомании никто и не вспоминал. — *Прим. издателя*) Всем от них плохо, а носителям пороков — всех хуже. Их надо или лечить, или убивать — если не хочет лечиться.

* * *

Оказывается, глаза любимой из тёплых и ласковых легко становятся холодными, как оконное стекло. В них я вижу не просто своё отражение, а дружеский шарж на себя в лучшем случае.

* * *

Обыватель не переносит, когда кто-то поступает не так, как поступил бы он. Этот «кто-то» объявляется либо дураком, либо подлецом.

От обывателя не дождёшься добрых слов. Злых — сколько угодно. Грязные обывательские языки не пощадят никого, для них нет ничего святого.

* * *

«... как будто полнота души не изливается подчас в пусто-порожных метафорах! Ведь никто же до сих пор не сумел найти точные слова для выражения своих чаяний, замыслов, горестей, ибо человеческая речь подобна треснутому котлу, и когда нам хочется растрогать своей музыкой звёзды, у нас получается собачий вальс.

Чувственные наслаждения вытоптали его сердце, как ученики школьный двор». Г. Флобер.

* * *

Никто не знает о моём могучем вкладе в дело народного просвещения, а ведь вот уже два десятилетия ученики моей жены вытирают доску моими старыми трусами.

* * *

«Любовь зла — полюбишь и козла». Очень мудрая поговорка. В ней — одно из великих таинств любви: любят ни за что.

* * *

Излучать любовь и добро, жить для других — вот формула счастья человеческого вообще, а женского в особенности.

И это не просто слова. Здесь действует третий закон Ньютона, сформулированный для человеческих отношений в виде: «Как аукнется, так и откликнется.» Так уж повелось спокон веку: к тем, кто щедр на теплоту и ласку, тянутся все.

* * *

Способность любить — не просто талант души, но и результат воспитания, в основе которого — любовь к людям.

* * *

Любовь и женщина. Женщина не может любить так, как мужчина, потому что для неё любовь — предмет купли-продажи, способ размещения себя самой, сделка, без которой нет для неё ни жизни, ни счастья. Обострённая забота о потомстве, заложенная природой, делает её расчётливой. Где уж там бескорыстная любовь, любовь без оглядки, любовь вопреки множествам «можно-нельзя».

А мужик всегда был волен любить, кого захочет и где захочет. Любовные приключения — его актив, он нюхал цветы и пел серенады где и когда хотел. Недаром почти вся лирика в мире сочинена мужиками. Какой глубокий смысл кроется в скорбной женской песне:

Сладку ягоду рвали вместе мы,
Горьку ягоду — я одна...
Вот тебе мужик, вот тебе и баба!

* * *

Если женщина говорит, что все мужики подлецы и сволочи, а мужчина утверждает, что все бабы дуры и идиотки, то можно смело утверждать, что, во-первых, ни тому, ни другому в жизни не повезло, а во-вторых, не повезло и по их вине тоже.

* * *

Если жена ушла — понятно: муж пьяница или подонок. А вот если ушёл муж — непонятно. Потому что она, вероятнее всего,

не пьяница. А мужчина, силою традиций поставленный дома в положение иждивенца и по-мужицки покладистый, не уйдёт из дома ни за что, если жена относительно-приблизительно честно исполняет свои обязанности. Какой же надо быть, чтобы муж взял и ушёл. Исключение — влюбился в другую. Но если жена устраивает его и в интимном смысле (что большая редкость, как я понимаю), он от неё не уйдёт никогда.

Никогда не женился бы на женщине, от которой ушёл муж.

* * *

А мне-то что делать? Да, и симпатичная, и юная, и, чего греха таить, желанная... А если и она равнодушна? А вдруг, не дай Бог, полюбит? Я не просмею и никогда бы не посмел воспользоваться этим. Быть прохвостом — не по мне. Значит она для меня муляж, не более того. Тогда зачем трепать нервы, мучиться, переживать?

* * *

Дочь вышла замуж. Ей девятнадцать. Мужики и бабы как обалдели: скоро дедом станешь, а всё по сторонам зыркаешь. Смотри — шею свернёшь. Задолбали. Странная логика. Мне 44, я здоров, как бык. А если у меня впереди сто лет жизни (не дай Бог!). Зачем, спрашивается, мне несколько десятилетий косить под деда? Нет уж! Вот получу в поликлинике справку о том, что могу ходить в женскую баню, тогда посмотрим.

* * *

Давненько мы с любимой не общаемся. Естественно, не по моей инициативе. Инициатива исходила от гнусных мочалок, с которыми она работает. Не только она, но и я были подвергнуты жёсткому остракизму. Мне-то глубоко на них наплевать, и они об этом знают. А вот любимая спасовала. Она поссорилась со мной и избрала странный стиль поведения: при встречах где бы то ни было отворачивалась и, почему-то улыбаясь, проходила мимо. Попытки заговорить отвергаются на корню: «Отстаньте!» А между тем ещё недавно она почти ежедневно поджидала меня где-нибудь за углом после работы, и мы подолгу бродили с ней по окраинным улицам и переулкам и вели приятные и бесконечные разговоры.

* * *

Так хочется спросить любимую: почему ты всё время улыбаешься? Знаешь ли ты, что такое печаль, тоска до физической

боли в сердце? Та самая, которую иронически называют любовным томлением? Как можно радоваться, встречаясь с человеком, который страдает из-за тебя, и ты об этом знаешь? По-моему, это элементарно неблагородно, и извинить тебя может только очень небезразличное отношение к этому человеку. В противном случае ты или глупа или жестока.

* * *

Я всё время думаю о любимой, стараюсь постичь её очень непростой характер. Немножко зная о ней, я думаю вот что. С шестнадцати лет она жила у чужих людей, относительно чужих (знаю, какими могут быть родственники). Наверно, вечные попреки, вечное неудовольствие. Это родным детям наплевать на неудовольствие родителей, а для подростка-родственника это бесконечная череда травм. Подросток сначала озлобился, а потом приспособился: помалкивает в тряпочку, а делает всё по-своему. Этакая пассивная оборона: на лице — приветливая улыбка, а в душе — фига.

Привычка к двойному дну способствовала развитию этого дна в сторону его увеличения. В тайник складывались сначала маленькие секреты, потом маленькие тайны, потом вдруг оказывается, что там прекрасно уместаются и гаденькие тайны, и гаденькие секреты, поганенькие страстишки и пороки. Главное, чтобы всё было шито и крыто. Родители! Убойтесь скрытности своих детей — это ваш недосмотр и ваша беда!

Одна порочная страстишка моей любимой вскоре стала явной: злостное табакокурение. Диву даюсь: как это в течение многих лет, таясь, покуривать и не испытывать неудобств от столь двусмысленного положения. Уверен: элементарно уважающий себя человек такого бы не допустил. Впрочем, в наши 70-е годы в студенческих общежитиях девчонки курят без опаски. Для них это вопрос ложно понятого престижа, этаким элементом лихости и независимости.

Итак, сначала приспособленчество, а потом пассивный саботаж всего того, что не нравится. Типично незрелый подростковый индивидуализм: ни с кем и ни с чем не считаться, кроме своих интересов и желаний. На страже этого — улыбка — всем, внешняя доброжелательность — всем, И стремление всегда обходиться без других.

Я нарвался на озлобленность, когда попытался нарушить этот внутренний кайф: «Я Вас не трогаю, и Вы меня не трогайте! Понимаете: меня нет!» Неделикатность на грани с хамством.

Меня всегда тянуло к лицам противоположного пола такого склада. Я принимал замкнутость и неразговорчивость за тонкую организацию души. И всегда оказывалось, что причина якобы красноречивого молчания — присутствие отсутствия что сказать и тщательно скрываемое гипертрофированное себялюбие.

Любимая! Ты и не догадываешься, что счастье — штука общественная. Нельзя быть счастливым в одиночку! Индивидуу мало того, что обречён на несчастье, он делает несчастными и ближних своих.

* * *

Прав был Козьма Прутков, сказав: «Если хочешь быть счастливым — будь им!» Каждый носит в себе и своё счастье, и своё несчастье. Может не повезти и раз, и другой, но активная потребность в счастье рано или поздно даст его. Непременно!

* * *

Стареющие бабы прямо-таки юродствуют в нравственности: и за всеми-то они надзирают, и всех-то они поучают. Говорят: когда умолкает плоть, появляется нравственность. И ещё говорят: о нравственности больше всего заботятся ханжи и тайные развратники. Я бы ещё добавил: а также не сумевшие в своё время реализовать свои порочные страсти.

* * *

Сижу у окна на своём шестом этаже. Вдруг в окно, как на экран сбоку заскакивает щенок. Уже довольно взрослый. В нём столько показного энтузиазма, радости и желания показать себя с наилучшей стороны, что диву даёшься. Стремление выкинуть что-нибудь этакое — во всей фигуре. Кидается к кустам — нога вверх, тут же к другим — нога вверх. Ни с того, ни с сего начинает рыть землю. С бешеным лаем бросается за автомобилем, пронсящимся рядом с тротуаром. И такое впечатление, что всё время оглядывается. Кому, интересно, он так хочет понравиться? Кому демонстрирует силу, ловкость и отвагу? В окне, как в кадре, появляются подростки с удочками.

Удивительна человеческая линия в поведении щенка. Такой уровень эмоций доступен не каждому человеку.

* * *

Дело было в Ялте. В конце апреля. Пора удивительная, пора бурного цветения. Что ни дерево, что ни куст — букет цветов. И из каждого букета — неистовый птичий гомон. Поют даже воробьи. Но ярче всех звучит распевающая ария зяблика и звонкие

рулады, издаваемые сильным и чистым голосом. Я долго выспрашивал у прохожих, кто певец. Но тщетно. Пока какой-то дядя не сказал, что это чёрный дрозд. «Да вот и он сам!», сказал дядя и показал на чёрную, со скворца, птицу, которая с песней в клюве перелетала с одного дерева на другое.

А двумя днями позже, увидав пробежавшего по парковой аллее дрозда, я замер и был вознаграждён за находчивость: дрозд шустро перемещался вокруг моих ботинок, пока не схватил крупную мохнатую гусеницу.

* * *

И ещё удивительный факт. Уже дома, на Урале. В сквере на траве лежит корова. Она забрела из недалёкой деревни. Со всех сторон корову облепили малые дети: глядят ей голову, шею, облокотясь на неё, о чём-то беседуют. И сколько удовольствия на бурёнкиной морде!

* * *

Любимая курит, как старый дед. И в основном «Приму». Подрут, как и друзей, у неё нет. Только сокурильщицы. Так что курение для неё — не только страстишка сомнительного свойства, но и круг общения. Брось курить — перемолвиться не с кем.

Возмущает поганое отношение двух курильщиц к юной секретарше отдела Маше. Она ещё несовершеннолетняя, а её с большим энтузиазмом приобщают к клану дымокуров. Взрослые люди с высшим образованием. Одной 24, а другая кляча в прокисшем возрасте. Мне кажется, ощущение своей изоляции гнетёт их, вот они и рады приобщить всякого без разбору. А сопливка и рада — вот какая она взрослая да самостоятельная! Беседовал с ней. Пообещала, что курить больше не будет. Однако кажется, явный порок я превратил в тайный.

* * *

Сижу и думаю: так кто же она, царица моей души? Вспоминаю Н.В. Гоголя, который писал о Манилове, что, дескать, первое впечатление от него — какой приятный во всех отношениях человек; второе — чёрт знает, что такое; а третье — ни Богу свечка, ни черту кочерга.

* * *

Пытался как-то вразумить Любимую на предмет вредности и никчёмности курения как такового. На что она сказала мне: «А вот папа меня понимает...»

Интересно, что нужно понимать папе, чтобы не препятствовать отравляться родной дочери? Разве что отравляться самому...

* * *

Самое неприятное в этой истории, Любимая, что ты убиваешь мою веру в Идеал женщины, который выпестовали в моей душе И. Тургенев и А. Блок («И поздно-поздно в час назначенный, Иль это только снится мне...»), И. Крамской («Неизвестная») и В. Брюсов («Она прошла и опьянила туманным сумраком духов И лёгким взглядом взором оттенила возможность невозможных снов...») да и вся литературная классика, к которой я припадал в течение своей теперь уже долгой жизни. Куда ни посмотришь — кругом одни вздорные и корыстные бабы, которые нисколько не дорожат своим высоким и званием и призванием.

«Она!» — решил я, как только тебя увидел. И вот спустя четверть века в моей поруганной душе расцвёл цветок, имя которому — Любовь. Я первый сказал тебе, что его надо вырвать, потому что мне ничего, кроме страданий, не принесёт, а тебе он и совсем не нужен. Ты ведь горячо возражала тогда. А я был уверен, что разрыв неизбежен, потому что необходим. И вот превращение: вместо того, чтобы помочь мне переболеть, ты начала вдруг вытаптывать мою душу, да ещё с таким остервенением! Неужели не понимаешь, что при этом вытаптываешь что-то и в своей душе тоже? По сути дела, ты предала меня по приказанию своего прокисшего гадючника, предала и себя. Да ещё и выставляешь напоказ наш разрыв, обозначая для своих духовных наставниц мои терзания как назойливые притязания.

Думаю, придёт время, когда ты будешь горько сожалеть о своих демаршах как о недостойных поступках.

* * *

Эгоист — это тот, кто себя любит больше, чем меня. Известная шутка Юлиана Тувима — кредо мещанина на самом полном серьёзе.

* * *

Обыватель свято верит в свою непогрешимость, поэтому имеет железную точку зрения на всё на свете. И чем меньше он знает о предмете, тем железнее эта точка зрения.

* * *

Решился, наконец, и написал Любимой записку: «Я хочу, чтобы ты знала: сегодня, как и четыре месяца назад, я люблю тебя! Можешь прочитать записку вслух, чтобы распотешить своих наставниц. Пусть вам будет весело!»

* * *

Наверно, я зря на неё сержусь. Я недооцениваю давления, которое оказывали и, наверно, оказывают на неё коллеги. Мне рассказывали, как она переживала, какие у неё были выбросы на этой почве. Оказывается, она долго из-за этого с ними не разговаривала. И они добились своего. Они задушили наши отношения руками любимой.

Меня эти утлые потуги мещанского интеллекта только бесят. Они бескрылы. Они автоматически отменяют полёт человеческой души, они принижают человека до гада, ползающего по земле в поисках того, что выгодно, а что не выгодно, что можно, а что нельзя. Это убожество! Там, где начинаются соображения выгоды, там кончается любовь.

Не ведая тонких движений души, обыватель всё в другом объясняет мотивами, которыми руководствуется сам. Того, кто поступает не так, как поступил бы он, объявляет либо дураком, либо подлецом.

* * *

Будучи патологически пристрастными ко всякого рода интимностям, обывательницы (мужикам это элементарно неинтересно) жадно ищут скабрёзности вокруг себя, подозревая в них всех и каждого. Если грязи нет, они её выдумывают. Попробуйте несколько раз остановиться в коридоре с женщиной не из своего коллектива, и вы сразу же получите предметный урок высокой нравственности.

* * *

Сколько талантов, страстей, судеб брошено в пасть идола по имени Здравый смысл! Если копнуть глубже, то здравый смысл — ублюдочное дитя эксплуататора и попа, желающих вместо ярких индивидуальностей иметь дело с бессловесным стадом господним, робким и послушным.

Здравый смысл — враг человеческих страстей, ибо сильные страсти имеют странное свойство — они противоречат здравому смыслу.

Если бы все руководствовались здравым смыслом, не было бы дерзновенных исканий в науке, не было бы открытий, полётов технической мысли, не было бы поэзии и прозы, не было бы искусств — всего того, что творилось вопреки здравому смыслу.

* * *

Я субъективен. Это ясно, как божий день. Надо исходить из того, чтобы сделать лучше ей, а не себе. Помнится, на обратной дороге из Черновского, когда наши отношения только зарождались, она на наши призывы с Володей Ивановым быть смелее (мы были не очень трезвы) сказала с упрёком: «Вы обо мне-то подумали?» Это было тогда, когда мои притязания носили весьма смутный характер неясных предначертаний судьбы. Я не мог тогда относиться к этому серьёзно, потому что был уверен, что и она относится к этому несерьёзно. Однако оказалось, что оба мы весьма серьёзны в своих симпатиях.

Теперь же ей без меня лучше, это очевидно. Она одолела себя, потому что прекрасно понимает бесперспективность и ненужность наших отношений. Объективно и мне должно быть лучше. Вернее, не лучше, а спокойнее. Но всё дело в том, что мы предали Любовь, которой оказались недостойны. Мы наступили на то, что могло бы утвердить нас в людском звании, возвысить в чужих и собственных глазах.

Я всё сетую на неё. А я-то чем лучше?

* * *

Одинокий мужик сорока двух лет стал привечать деву двадцати двух лет. Дочь спросила, что я думаю об этом. Я ответил ей так: если он соблазнил её — он подлец, Если решил на ней жениться — дурак, если ни то и ни другое — молодец. Кто скажет после этого, что я враг здравого смысла?

* * *

Героически избегаем друг друга. Один обиженный, другая — рассудительная. Срамота! Вместо того, чтобы подойти друг к другу и сказать: «Мне плохо без тебя. Давай как-нибудь вдвоём осилим эту ситуацию, если не суждено быть вместе навсегда».

Надо, чтобы мы остались друзьями, благодарными друг другу за подаренное чувство, которое само по себе — уже чудо!

* * *

Очень жду понедельника. А в понедельник буду дико волноваться, подходя к перекрестку, на котором можем встретиться.

Очень глупо себя чувствую, подойдя одновременно. Перегоняя, иду как на сцену за грамотой перед лицом сотен людей. Очень счастливо подходил два раза за её спиной к входу в здание: любимая всегда, наклонив голову, устремляет взгляд на окно на втором этаже, где могу стоять я, выглядывая из-за шторы.

* * *

Вчера встретил её в коридоре и поразился: эта в общем-то неказистая девушка — причина моих страданий. Как-то получилось, что они раздвоились ненадолго: та, которая несколько месяцев безраздельно владеет моим умом и сердцем (из них последние четыре мы не разговариваем), и вот эта — вроде как символ, обозначающий мою необузданную страсть. Увы, они тут же соединились в одно целое.

* * *

Вспоминаю совершенно дикую реакцию на мой целомудренный, в щёчку, поцелуй при расставании, которому я предварил слова: «Ну, давай простимся, коли так выходит, что вместе нам нельзя...» Последовала бурная вспышка негодования: «Как вам не стыдно!!!» Я был ошеломлён.

* * *

Марш «Прощание славянки». Когда слушаешь эту музыку, душат слёзы. Почему-то представляется перрон, крики и плач женщин. Под звуки музыки строгие, даже суровые идут в строю мужчины в форме. Удручающе тяжелое прощание и... призыв к победе. В музыке даже слышится предчувствие победы, которая дастся дорогой ценой.

* * *

Сердце разрывается на части. Не понимаю, что питает мою любовь. Неужели уязвлённое самолюбие? Наверно, так оно и есть...

* * *

Что-то совсем я раскиселся... Пока в памяти были живы сцены грубости по отношению ко мне, во мне кипело возмущение, даже негодование, которые хоть и вытеснили чувства, зато окрасили его в другой цвет. Сейчас это всё прошло и уступило место прямо-таки элегической грусти-печали, которая периодически переходит в щемящую почти зубную боль в сердце. Как избавиться от неё?

19.08

* * *

— Это просто возмутительно! Какой-то детский сад! Сколько можно валять дурака? Оставьте меня в покое!

— Страдайте сколько угодно. Только чтобы я не видела!

Это всё услышал я от любимой. Надо же так довести человека, чтобы сопливка набралась нахальства и сделала выволочку почти деду, уважаемому большим коллективом коллег! Но какая жестокость! Ни намёка на сопереживание, наконец! Ребёнку невдомёк, что такой детский сад случается у нормальных людей один, максимум два раза в жизни. А у некоторых — ни разу.

Так что детский сад — благо! Можно ли над этим смеяться, этим возмущаться? Как ни крути, а элементы дебилизма налицо. Ужели пава и не пава вовсе, а обыкновенная ворона?

20.08

* * *

Встречаемся в коридоре и проходим мимо друг друга, будто и незнакомые вовсе. Пройдя, я возьму и сразу же оглянусь и вижу на её лице радостную улыбку. Интересно, что она при этом думает? Я заметил: стоит в её присутствии произнести моё имя, как она сразу заулыбается. Но так, чтобы не видели. Позавчера в столовской очереди, стоя сзади, дёрнул её сумочку. Она обернулась, тут же вернулась в исходное положение и расцвела. И идучи к раздаче, всё улыбалась и улыбалась.

25.08

* * *

Женская логика — какая она? Приходит моя любимая девушка из курилки на рабочее место. Сосед Вася и говорит ей, что звонил какой-то парень и спрашивал её. «А Вы что сказали?» — вопрошает любимая. «Что ты ушла курить...» Любимая вспыхнула ярким румянцем и вдруг с силой изрекла: «Больше я с Вами не разговариваю!»

«Почему? — изумился Вася. — Потому, что ты куришь, или потому, что я сказал правду?»

* * *

Месяц назад после работы довелось мне идти по той стороне улицы, где обычно ходит любимая. И вот она шествует впереди на своих котурнах, величественная и грациозная. Вдруг откуда ни возьмись — чахлый блондинчик, который давно мне неприятен, потому что лицо у него всегда будто застёгнуто, а повадка ис-

полнена большого самомнения. Куда подевались вдруг и величественность и грация любимой! Тот, не сбавляя рыси, следует дальше, а сладкая вдруг зашустрила рядом, семена котурнами, и что-то лепечет, лепечет с заискивающей улыбкой на лице...

Я прямо задохнулся от обиды и горечи. Оказывается, всё ерунда, если ты молодой, холостой и незарегистрированный.

О, женщины! Ничтожество вам имя!

* * *

Наверно, Козьма Прутков сказал бы: всякого влюблённого смело уподоблю больному. Лично я тоже так считаю и очень хочу вылечиться. Устал и изнемог. Меня эта хворь парализует. Ни думать ни о чём другом, ни делать ничего не могу.

* * *

Разве не поразительно: прошло несколько месяцев после разрыва, а моё отношение к ней не утратило ни свежести, ни остроты. Начинаю подумывать, не является ли отступлением от нормы под влиянием каких-нибудь от ума идущих факторов, например: 1)уязвлённое самолюбие, 2)внутреннее убеждение, что она втайне испытывает те же чувства ко мне, 3)сам факт существования девушки, которая так хорошо ко мне относилась и вот теперь ускользнула прямо из рук?

* * *

Думаю, за последние несколько месяцев не было пяти минут кряду, чтобы я о ней не думал... Идиотизм!!!

25.08

* * *

Полгода назад любимая ездила домой, рассказала всё старшей сестре, показала ей моё письмо и спросила совета.

— Ну, и что присоветовала тебе сестра? — спросил я.

Совет был однозначен: «Дружи», — сказала сестра.

И вот понедельник. Встретил любимую и посмотрел на её лицо. На нём я не присутствую даже намеком. Ну, не идиот ли? Она четыре месяца назад окончательно и бесповоротно решила со мной завязать (кстати, очень правильно решила), завязала, а я всё лезу к ней со своими «прокисшими», по образному выражению моего друга, «чуйствами», которые нужны ей, как на бане гудок. А якобы намёки на желанную для меня ответную реакцию — естественны для живого человека.

* * *

Примечание издателя. Вместе с публикуемой записной книжкой, в одном пакете с нею, лежали несколько писем. Они интересны тем, что написаны под копирку, то есть это грязные копии отправленных писем. Приведём одно из них.

«Любимая девушка! Вот уже три месяца, как мы не общаемся. Для меня этот срок бесконечен, как вечность, потому что ежедневно, ежечасно все мои мысли обращены к тебе. Не могу сказать, что при твоём имени у меня появлялись только благоговейные чувства. Нет, я презирал, ненавидел, поносил тебя, но всегда... любил и люблю.

Ты постоянно даришь окружающим сияние твоих чудных глаз и улыбку, ради которых я прыгнул бы и в прорубь и в огонь. И только на одного человека ты не смотришь, а если смотришь, то, как правило, недоброжелательно — на меня. Где справедливость?

На днях меня осенила простая, как коровье мычание, мысль: любимая, как минимум, равнодушна ко мне. И она не против отношений, но только на её условиях. Она говорит: «Прекратите игру!» А разве в этих словах нет подсказки: «Это не игра!»? Она говорит: «Я Вам не верю!» Да разве не желанием верить наполнена эта фраза?!

Любимая не хочет со мною разговаривать... Но она боится, что не выдержит строгого тона и разулыбается мне как прежде! Вот и логика её поведения, которую я вдрут потерял.

Весь день я чуть не на ушах ходил от счастья, что было отмечено родным коллективом. А к вечеру сник: чему радоваться, если тебя самым решительным образом собираются бросить?

Радость моих глаз! Если бы ты знала, как я люблю тебя! Наверно, я обижал тебя, был слишком нетерпим, невыдержан. Прости и помилуй, пожалуйста!

Вот и всё. Пользуясь безнаказанностью, крепко обнимаю и целую тебя».

17.07.80

Логика, где ты? Самоуважение, и ты — где? Куда вы, сволочи, подевались? Страсти-мордасти до такой степени оглупили меня, что я, движимый неведомой силой, позвонил ей на рабочее место. Она взяла трубку и, уловив, кто с ней хочет поговорить, бросила её. Трубку взяла В-ва, воплощение мещанской силы и красоты, и торжествующим голосом к удовольствию всего гадючника изрекла: «Она не хочет с тобой разговаривать, так что никогда больше ей не звони!!!» Я чуть не упал в обморок от

такого предательства любимой. Какая гадость! Представляю, как она говорит тем, кого до недавнего времени не терпела: «Опять он! Надоел! Звонит и звонит!» По отношению ко мне — подлость, а к ним — трусливое угодничество. Это к тем, кто, по её недавним признаниям, плюёт ей в душу.

Ах, бабьё! Разве могут они додуматься до чего иного, кроме паскудства?

* * *

Я, идиот, принимал тебя за паву, а ты оказалась заурядной дрянью! Не способной не только на благородство, но даже на элементарную порядочность. Тьфу на тебя!

* * *

Обыватель жаждет сенсаций уголовного свойства: хорошо бы убийство, да позабористей, да на сексуально-любовной почве! Обыватель нетерпелив: если сенсаций не — он их выдумывает. Сколько таких сенсаций на моей памяти!

И тут уж душа обывателя пиршествует. Он без усталости встречным и поперечным с наслаждением живописует всё, не скупясь на детали, которые тут же и придумывает.

* * *

Мещанство — социально-психическая болезнь, которую смело уподоблю раку, так как она тоже пожирает здоровые ткани человеческой личности. Однако разница — налицо: если рак приносит боль, страх и смерть, то мещанство больному ничего, кроме кайфа, не приносит. Оно приносит боль только окружающим.

01.09.80

* * *

Обывателя от человека отличают мотивы: один старается только для своей выгоды, другой — для дела. Есть тип, который вообще не старается. Это, к примеру, я.

* * *

Дошла до меня следующая её тирада: надо было замуж выходить до института, а сейчас институт позади, а никто даже не подходит... Такое вот страстное желание выйти замуж, устроить свою бабью судьбу... Спрашивается: я-то чего суюсь со своими прокисшими чувствами?

Секрет бабьего счастья прост: любви других больше себя — и всё. Увы, это явно не для неё. В этом причина краха. И в самом деле: со мной — паскудство, подруг нет, друзей — тоже. А тут ещё порок, отпугивающий ребят с первых дней знакомства, — злостное табакокурение. Кто из ребят желает иметь курящую невесту, а тем более жену? Любимая бросать курить категорически не собирается. «Зачем себя мучить?» — как она однажды выразилась.

04.09.80

* * *

Удивительная вещь: прошло не так уж много времени, гнев мой прошёл и его место заняла жалость. Мне жаль её, дуру бесполовую, потому что никак не может она обрести себя самоё, мотается, как цветок в проруби, от трусости к хамству и подлости. Это её защитная реакция. Ничего себе...

Неужели, став фактом моей биографии, она автоматически стала частью самого меня?

05.09.80

* * *

Систематические знания, полученные в учебном заведении, подобны книгохранилищу, где книги расставлены по стеллажам в соответствии с систематическим каталогом. Может, книг не так уж и много, но они, благодаря системе, дают чёткое представление об изучаемой дисциплине, о взаимосвязи этих знаний со всем комплексом знаний человека о мире, о Вселенной, о самом себе. Несистематические, хотя бы и обширные знания, — груда сваленных в одно место книг.

* * *

Обидеть может, по-моему, только близкий и дорогой человек. Обида это когда думаешь: зачем ты меня обидел, ведь я так люблю тебя? Ты был несправедлив ко мне. Ну, подойди... Неужели ты не видишь, что я жду этого?

* * *

Интересно, — говорит одна из сотрудниц, обращаясь на работе к группе оживлённо беседующих автомобилистов, — подсчитывал кто-нибудь из вас, сколько средств потрачено на машину за время её эксплуатации?

— Машина, как любимая женщина, — отвечает один из них. — Разве можно дарить что-нибудь любимой и подсчитывать, во что это обошлось?

— Машина такая же прорва, как баба, — добавляет другой. — Сколько на неё не трать — все равно мало.

— Есть бабы, а есть женщины, — растерянно говорит вопрошавшая.

— Да не один ли чёрт? Все равно прорва.

* * *

Последние два дня нашего побачення (10 и 11 сентября) рахат-лукум несколько раз приходила в нашу комнату. Чего, между прочим, не наблюдалось более двух месяцев. Причём приходила, как уверяла меня проливательница бальзама, чью жилетку я часто омывал слезами, по ничтожному поводу. Проходя мимо меня, возбуждалась, как транзистор под линией высокого «давления». На лице выражение конфуза и крайней степени неловкости.

Я знаю, что она очень ревнива. На начальной «розовой» стадии наших отношений стоило мне при ней кого-нибудь из женщин потрогать или сделать «козу», как она потом непременно на это пеняла. А тут: мы на её глазах садимся с Ларисой И. в машину, с Таней подолгу беседуем в коридоре. А она бегает курить и всё это видит. Должно быть, это её очень сильно задевает.

Накануне своего отъезда в отпуск она меня потеряла — я был на картошке, — и, как говорит льющая бальзам, очень спокойно себя вела: много раз приходила в нашу лабораторию, выскакивала в коридор, но потом, видимо, узнала, где я, и перед концом работы пришла к проливательнице и, что было для последней удивительно, потому что не отвечало уровню их взаимоотношений, стала подробно рассказывать о своих планах, прощаться и передавать приветы всем уборщикам картошки (одним из них был я).

Это случилось две недели спустя после разговора с отшившей меня мочалкой. Я настолько решительно продемонстрировал «Всё, хватит!», что низость её поступка и моя на неё реакция стала очевидной для всех свидетелей этой мерзости.

Наверно, жалко терять своего единственного и такого пылко-го обожателя? Но вот тебе, любимая, фигу с маслом!

17.09

* * *

Итак, решено: сворачиваю моделльный коврик, как говорят на Востоке, и покидаю мечеть, то есть Вас, вместилище моей души и моего сердца!

* * *

Разоткровенничался я как-то с уважаемым всеми человеком, работающим в одной лаборатории с любимой. Услышав мои горькие сетования на немилость парусов моей души, он и говорит мне: «Ты что, обалдел? Да она мизинца твоего не стоит. Тупая, как валенок, и ленивая, как кляча. Ты слепой или дурак? Все давно знают ей цену, один ты ни хрена не понял! Она работает в отделе год, а всё на уровне начинающего техника. Инженер называется! Целые дни за кульманом сидит, как таракан за печкой, и помалкивает, лишь бы её не трогали. Кроме себя и своих забот ничего не знает и знать не желает. Только и умеет, что улыбочки загадочные строить. Ты думаешь, она только тебе их корчит? Да всем, и мне тоже! Это единственное, что у неё получается. А внешне? Ноги кривые, ходит, как горбатая, рожа конопатая. Плюнь ты на неё.

Естественно, мне захотелось узнать мнение других непредвзятых товарищей. Но они ровно ничего особенного в моей возлюбленной не видели. Я начал чесаться — неужели в самом деле?

25.09

* * *

Всё ерунда! Анализ и синтез, проведённые мною в течение нескольких дней, показали, что, несмотря ни на что, она хорошая девчонка, и всё!

Наши бабы говорят, что недавно узнали, что любимая поехала в Питер к какому-то парню, на которого давно имеет виды. Тайная цель поездки — замужество.

Правда, она как-то лепетала мне про какого-то однокурсника, который уехал в Питер. Похоже, раньше что-то вроде интима их связывало. Но чтобы их связывало что-то в настоящее время — не думаю. Хотя начальнику она и заявила, что после отпуска на работу больше не вернётся.

А хорошо было бы, если бы она там обжеглась! Она выходит из отпуска, а накануне я уезжаю в длительную командировку. Она увольняется, я возвращаюсь из командировки, а её нет и не будет больше никогда. Ура!

29.09

* * *

Догнал после обеда любимую и говорю ей: «Скажи, почему я тебя люблю, а ты меня — нет? Ведь это же несправедливо!

— Как Вам не стыдно!

— Да разве этого стыдятся?

— Как Вас увижу, у меня настроение портится...

— У меня тоже. Но почему у тебя — непонятно. Первый раз слышу, что у кого-то при виде меня портится настроение: ведь я же хороший и все ко мне хорошо относятся.

— Они Вам льстят...

— С какой стати? Разве кто-нибудь от меня зависит? Тогда почему?

— Сами знаете, почему...

— Нет, не знаю...

— Я из-за Вас опаздываю.

— И я тоже. Кстати, ты постоянно опаздываешь на работу, я же вижу. Вот наступчу на тебя начальнику отдела.

— И пусть. Может, он меня выгонит. Как вы все мне надоели!

10.11

* * *

Утром Пашка сказал, что в пятницу любимая была в жутком настроении. То же подтвердила и проливательница бальзама. Та даже лежала на столе, маясь душевным недугом. Пашка сказал, что она ни с кем не желает разговаривать. Считает, что бабы крепко прищучили её из-за курения. Льющая бальзам, кивая на свою принадлежность к бабьей нации и на знание её, утверждает, что это потому, что я от неё отмежевался.

И вот мы с Пашкой базарим у дверей её комнаты — выходит она и смотрит на меня долгим и странным взглядом. Я даже опешил. Но ни мур-мур.

В столовой во время обеда она стояла в очереди далеко впереди. И уже у кассира, обернувшись, стала искать меня взглядом, как в пятницу. Она смотрит на меня и не отводит глаз. Потом уселась за стол и снова смотрит прямо мне в глаза и не отводит своих. К чему бы это?

17.11

* * *

Явно, с ней произошли какие-то перемены в благоприятном для меня смысле. Но так хило это проявляет, что я не решаюсь пойти на контакт, опасаясь нарваться на грубость. Сижу за ра-

бочим столом, в лаборатории больше никого — все на обеде. Вдруг звякнул телефон. Я взял трубку — в ответ молчание. И так не первый день. Не сомневаюсь: звонит она. Кстати, в своей комнате она сейчас тоже одна.

19.11

* * *

Самое большое счастье в жизни — это уверенность, что тебя любят. В. Гюго.

* * *

— И это пройдет... — шепнула Мудрость Любви. И ошиблась.

* * *

Влюблённость — это чудовищное преувеличение достоинств одного человека перед достоинствами другого. Ю. Ульянич.

* * *

Днём была оттепель. Снег отсырел и обмяк, тротуары стали мокрыми. А к вечеру вдруг подморозило, и всё покрылось коркой льда. Иду с работы и вижу: неказистый мужичонка, пьяный в дарабодан, не может устоять на ногах: поднимется, пару раз шагнёт и упадёт. Такой маневр повторился на моих глазах раза четыре. Потом махнул рукой и отправился в путь на коленках, держась поближе к кустарнику, где побольше снегу и не так скользко. Что было дальше — не ведаю, потому что спешил домой.

* * *

Рабочий день в разгаре. Сажу за письменным столом и изображаю трудовой накал. Вдруг дверь открывается, входит цветущая роза моих желаний, а за ней подрута. Роза проходит прямо к окну, а подрута подруливает ко мне и говорит: «Вы не хотите пойти в «Прометей» на декламацию «Жизни» Мопассана? У меня есть билет.» Я в состоянии лёгкого обалдения отказываюсь. И красотики важно отваливают. Уже ложась спать, прозреваю: «Батюшки! Второй-то билет, наверно, у любимой!» Впрочем, может быть, и нет.

24.11

* * *

В результате странных финтов со стороны рахат-лукум к своей радости проникся к ней великой неприязнью. Рассуждая о том

и о сём, сделал открытие в социальной психологии и назвал его феноменом Задунайского. Итак,

Новости Науки

Феномен Задунайского

Недавно узнал из газеты, что в социальной психологии есть понятие — «Феномен Ромео и Джульетты». Это когда двое любят друг друга вопреки резонам здравого смысла. И тем больше, чем больше у любви преград. Социальной психологии не читал, но точно знаю, что такое же может происходить с человеком, не ведающим взаимности. Я бы назвал это феноменом Данте или Петрарки. Но, конечно же, лучше назвать феномен именем первооткрывателя — моим именем. При **феномене Задунайского** любовь (помимо всего прочего) — это надежда, это трепетное ожидание малейших намёков на взаимность. Поражённого феноменом смело уподоблю больному: каждое слово, каждый взгляд или жест его предмета — для него горе или радость, мука или счастье. От имени больных обращаюсь к вам, любимые: не терзайте их грубостью — ведь они вас так любят; не демонстрируйте им своего равнодушия — они вас любят; не подавайте вида, что они вам надоели, — вы лишаете их сна и покоя; не будьте вызывающе веселы, когда рядом страдают: это жестоко.

Не оставляйте никакой надежды, будьте вежливо предупредительными с несчастными, следите за каждым своим словом, если будете разговаривать с ними или при них: вы можете ранить душу человека, для которого вы — всё. Лучше всего — избегайте общения с ними.

Скажите, безнадежно любимые, разве те, кто безумно вас любит, не заслуживают вашей тихой благодарности за это?

И. СВЕРЧКОВ-ЗАДУНАЙСКИЙ»

25.11

* * *

После работы выскакиваем все отделом из корпуса. Володя Г., пробегая мимо, и говорит: «Если ты домой, могу подбросить — я на машине...» «О,кей!» — отвечаю я и поворачиваюсь. А рядом со мной Она. «Почему ты меня всячески избегаешь? — спрашиваю. — Тебе не кажется, что пришло нам поговорить?»

— Нет, не кажется. Было так хорошо. Вы сами всё испортили...

Тут к ней кто-то подошёл, и я удалился, озадаченный.

26.11

* * *

5-го отправил любимой письмо, не выдержав любовного томления. Вот что я нацарапал:

«Любимая! При последней нашей встрече ты сказала «Было так хорошо, но Вы сами всё испортили.» Но что мешает нам сделать так, чтобы снова стало хорошо? Не классовая же ненависть?! Так в чём же дело? «Вы сами всё испортили...» Но почему Вы, очень любимая девушка, не помешали мне разрушить то, что было дорого для вас? Что за жертвенность такая? Да за всё хорошее, что отнимают, надо бороться. Берите пример с меня: вот уже скоро восемь месяцев, как я борюсь за любовь, хотя получаю за это «по морде чайником», как поётся в одной замечательной песне.

Не пойму, в чём причина разрыва. Ужели только в том, что я резко отрицательно отношусь к твоей никотинной зависимости? Да, курящая девушка для меня такая же нелепость, как сапоги в смятку. Да хоть закурись! Оставь только за мной право на ненавязчивую антеникотинную пропаганду. Это надо прежде всего для твоего блага.

Я предлагаю возобновить наши отношения. Если ты за дружбу, улыбнись мне как прежде, я всё пойму. Если против — никогда не улыбайся мне как прежде, иначе пробудишь надежду, и я вспыхну, как костёр, на который плеснули бензином. А мне надо успокоиться и привести душу в равновесное состояние.

Мысленно тебя обнимаю, Фернандо дела Капо ди Монте».

* * *

Иду вечером домой и думаю: она, конечно, права. Права большой бабьей мудростью, в основе которой забота о нормальной женской доле со своим домом, мужем и семьёй. Таких свистунов, как я, любая женщина встречает на своём веку десятки, и все они долдонят о своих чувствах и навязывают себя и свою любовь.

Когда на первых порах нашей дружбы промелькнуло её беспокойство насчёт того, что мужикам ничего больше и не надо, как того самого, я был оскорблён до глубины души. И в доказательство чистых помыслов на другой день принёс ей стихи Кабира:

Бывает ли темень полночная днём?
Не светится солнце во мраке ночном.

С невежеством мудрость пойдёт ли вперёд?
Во мраке невежества мудрость умрёт.

Вступает ли похоть с любовью в союз?
Нет похоти там, где любовь, — я клянусь!

12.12

* * *

Смерть. Самое ужасно в том, что каждый умирает в одиночку. В самый трагический момент жизни человек остаётся наедине с собой. Живым не до тебя, у них дела и бесконечные заботы. Ты живёшь в огромном гремящем и прекрасном мире, и вдруг смерть простёрла над тобой свои костлявые длани. Мир остаётся, а ты в муках и страданиях должен покинуть его. Это страшно!

Конечно, лучшая смерть, когда нити, связывающие тебя с жизнью, истончаются — ты очень стар, но не болен. Тогда смерть естественна; она, видимо, и желанна, и легка. Дай Бог умереть от старости, а не от болячек. И пусть эта старость будет необременительной для окружающих, как и смерть!

21.12

* * *

Перечитал «Лейли и Меджнун» Низами. Для европейца стихи поразительны своей, я бы сказал, безответственностью. Нужно иметь душу ребёнка, чтобы радоваться таким перлам:

Слона индиец за ушами чешет,
Так мой совет тебя, сынок, утешит.

Сокровище отцовских поучений
Есть пластырь для огня моих мучений.

И вот тебе:
Зачем же сердце даром отдавать
Той, что способна только забывать!

* * *

Как человек не просто открытый, а распахнутый часто во вред себе, я всегда тянулся к девушкам замкнутым и скрытым, исходя, видимо, из соображения, что, дескать, это натуры сложные и богатые — глубина такая, что ныряй — не донырнёшь. Дурак! Там просто ничего нет, поэтому ни сказать, ни открыться нечего и нечему. Под таинственными перьями — голый зад! Куда как справедлива пословица о том, что в тихом омуте черти водятся. Народ — мудёр!

25.12

* * *

И всё-таки с РЛ есть два невыясненных обстоятельства: 1) почему она так резко оборвала наши отношения — от прямо-таки нескрываемого обожания к ничему? 2) почему она так грубо и бескомпромиссно отказывается от наших отношений, не переставая подавать вполне очевидные импульсы амурного свойства? Объяснения не нахожу.

Вот разве что, если она думает так: ну, если ты от меня без ума, так будь последователен: возьми и женись. А если ты не можешь быть последовательным, то иди к чёрту: «Я Вам не игрушка и не кукла, чтобы обращаться со мной как Вам вздумается» (её подлинные слова). Мне 24, мне нужны и любовь, и муж, и дети. Мне и любовь нужна нормальная, а не платоническая, я же здоровенная девка. Тогда же, 22 мая, она сказала: «Наши отношения — ни к чему.» Увы, она права.

26.12.

* * *

Почему, спрашиваю я себя, почему никогда прежде всё вышеизложенное не приходило мне в голову? Наверно, потому, что я в мыслях не допускал, что мог бы быть для неё жизненным вариантом. Мне даже как-то неловко думать об этом при разнице в возрасте в 20 лет. Нет, у меня не хватит на второй забег жизненных сил. Боюсь, что во время этого забега буду вести себя, как скупающий тренер. А физических сил — хватит? Мне 50 — ей 30, мне 60 — ей 40, мне 70 — ей всего-навсего 50. Кошмар!

26.12

* * *

А вдруг всё-таки уязвлённое самолюбие и ничего больше?

* * *

«Рассудителен, как мелкий лавочник». Очень неплохо, да?

* * *

Один французский философ сказал: деньги можно либо копить, либо расходовать. Ещё никому не удавалось совместить эти два занятия.

* * *

Самая большая трагедия произойдёт тогда, когда Иван не захочет Марьи. Это конец всему, это страшнее любой бомбы, даже нейтронной.

* * *

Какие в столицах важные старики и старухи! Чопорные, вальяжные! А с каким достоинством перемещаются они на публике, высокомерно посматривая на прохожих! Рядом почти всегда породистые псы и пёсики. Не скрою, я испытывал к ним некоторую неприязнь, сравнивая их с провинциальными дедушками и бабушками — такими простыми и родными, близкими и домашними.

И вот я в очередной раз в Ленинграде. Середина марта. Накануне в город нагрянул мороз, и мокрые улицы покрылись прочной коркой льда и превратились в каток. Наутро тепло вернулось. Улицы отсырели, боковые улочки, где движения мало, остались обледенелыми. К тому же их ограждает от горячего мартовского солнца тонкий слой снежной пудры, от которой слепит глаза.

В ожидании открытия магазина стою у перехода через ледяной проезд и смотрю, как на нём буксуют автомобили и падают люди. Что-то отвлекло моё внимание, а когда я снова взглянул на переход, то увидел на середине его упавшую старушку. Я бросился к ней, подхватил её под мышки, лёгкую, как пушок, и поставил на мокрый тротуар. Старушка плакала горько и взахлёб, как ребёнок. И было в этом плаче столько горя, боли и беспомощности, а её голос так походил на голос моей покойной матери, что я с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться самому.

Несколько дней я ходил потрясённый случившимся и именно тогда понял, что эти чопорность и важность стариков — под-сознательное компенсация немощной старости и утраченной значительности.

20.02.81

* * *

Поэт сказал:

В любви сильнее тот,
Кто меньше любит.

* * *

18 сентября 1981 года. И вот, наконец, я дома! И снова душа моя утратила покой, как только я увидел цветущую розу своих желаний и при виде меня она стала генерировать всяческие флюиды. Не могу успокоиться. Очень хочется к ней, находиться рядом, постоянно видеть её и слышать. Интерес её ко мне оче-

виден, но простирается ли он дальше элементарного бабьего внимания к поклоннику?

Первого ноября буду отмечать вторую годовщину своей безответной любви.

Как долго не писал я в эту книжку. А писать было о чём. Но я с 7 января по 27 февраля находился в командировке на севере, с 9 по 18 марта — там же, с 1 июня по 17 июля — в командировке на юге, с 27 июля по 24 августа — в отпуске. Любимая вышла из отпуска только 17 сентября. Почти весь этот год на работе отсутствовал. Рахат-лукум не видел очень долго. По положению на 15 сентября был с ней одновременно на работе лишь 61 день.

* * *

Итак, бросим ретроспективный взгляд на времена, не отражённые в этой лучшей из записных книжек мира.

В первых числах января мне предложили поехать в командировку на север. Я очень обрадовался, потому что мне очень нужна была разлука с любимой, я совсем измучился и жаждал покоя. Очень мало и плохо спал, изводя себя постоянными думами о РЛ.

Через месяц я совершенно успокоился, симптомы душевного недуга исчезли, я развеселился, как в прежние времена, стал сладко и подолгу спать.

Ах, как хорошо и покойно было нам с Володей в двухкомнатном номере. И вот, спустя пятьдесят суток, мы дома. И снова, как чирей на заднице, объявились все мои душевные страсти-мордасти. 19 марта я вышел на работу. И тут же ко мне прибегает культорг отдела Лариса П. и спрашивает, пойду ли я на лыжах «по маршруту выходного дня». Я очень обрадовался, потому что нынешней зимой ни разу не вставал на лыжи. А погода великолепная на редкость. Но... будет ли любимая, спрашиваю я. «Если она пойдёт, то я остаюсь дома!» Пошла Лариса к Рахат-лукуму: «Скажи точно, пойдёшь ты в поход или нет.» «А почему ты так настаиваешь?» — спрашивает та. «А потому, отвечает Лариса, что от твоего ответа зависит, пойдёт или нет один человек...» Любимая всё в улыбке, она знает, что речь идёт обо мне. Но Лариса с чисто бабьим удовольствием говорит: «Зря радуешься: он не пойдёт, если пойдёшь ты.» «Не знаю...» — категорически отвечает РЛ. «Пойдёт!» — уверенно сообщает мне Лариса.

Я рассудил, что не пойдёт, ибо в противном случае её пристрастность к старому и больному человеку стала бы слишком очевидной для некоторых членов коллектива. Однако наутро, подойдя к месту сбора, я увидел приближающихся Ларису и

РЛ. Мне захотелось тут же смыться, но это обернулось бы недоумением лыжников, конфузом для любимой и антирекламой наших с ней отношений. Да и чего греха таить, перспектива пробыть с ней целый день мне улыбалась, хотя я предполагал кучу связанных с этим неудобств.

До охотничьей избушки, куда мы отправились, было не меньше пятнадцати километров. Всю дорогу и туда и оттуда она старалась доказать Ларисе, что я ей больше, чем безразличен. Выглядело это и жалко, и не очень порядочно по отношению ко мне. Например.

Я ехал последним в длинной веренице лыжников. После крутого спуска мы ещё долго катились по ровному месту. И вдруг РЛ упала. Ехавшие за ней остановились, а я свернул на целину и, обгоняя шеренгу, подкатился прямо к ней и протянул руку. А в ответ она как взвизгнет: «Не трогайте меня! Я сама!» Ну, сама так сама. Я поехал дальше. А Лариса и говорит ей: «Ты что, обалдела? Человек тебе помочь хотел!»

Когда мы уже на месте вошли в нетопленную избушку, то быстро продрогли, потому что перестали интенсивно двигаться. Я, правда, был тепло одет и тут же начал возиться с дровами. РЛ продрогла больше всех и громко заявила об этом, а у меня в рюкзаке была фуфайка. Я достал её и протянул Ларисе со словами: «Передай, пусть наденет». «Нет, нет!» — выкрикнула любимая. Через некоторое время снова говорит: «Ой, как я замёрзла, никак не могу согреться!» Лариса: «Так надень фуфайку, она же висит рядом с тобой». «Нет!», — отвечает та не совсем уверенно и с вожделием поглядывает на фуфайку. Я с присущей мне вредностью вставил: «Конечно, не надевай! Из принципа. Не надевай, и всё!» Так и не надела.

Запылал очаг, на него поставили большую кастрюлю с водой в рассуждении заварить чаю для немаленькой кампании. А когда чай был готов, стали накрывать стол. Стол бы обильный, а венчала всё это великолепие бутылка шампанского. Народ развеселился. И любимая тоже. Потом стали фотографироваться. Я щёлкал изо всех сил, стараясь захватить в кадр паруса моей души. «Паруса» это заметили и чуть не весело сказали мне: «Когда Вы от меня отстанете?»

Стали сниматься «поштучно». Лариса встала рядом со мной и позвала Рахат, которая Лукум: «Иди сфотографироваться на память. Может, такого случая больше не представится». Та подошла и приняла позу.

Уже в общезитии РЛ сказала Ларисе: «Скажите ему, чтобы он ко мне больше не приставал». «Почему ты решила, что он к

тебе приставал? Я что-то этого не заметила... Он, как всегда, был вежлив и предупредителен, а ты почему-то всё взбрыкивала».

«Чего удивляться, если человек до такой степени к тебе равнодушен, — добавила Лариса. — Она ещё в прошлом году всё выпрашивала всех как они смотрят на отношения девушки и женатого мужчины, который к тому же намного старше, и до чего эти отношения могут дойти. «Да до чего угодно, — высказала Лариса своё личное мнение. — Мы же всё-таки не малые дети!»

Я бы не был так категоричен.

Кстати, тогда я напечатал Любимой кучу фотографий. И даже с плёнок, которые не снимал, потому что она сокрушалась как-то, что у неё вообще почти нет фотографий. Теперь у неё их почти на сорок штук больше.

18.08.81

* * *

Я по речке плаваю
С ухажёркой Клавою,
А причалить не могу —
С палкой муж на берегу.

* * *

Я вдруг понял, что искренне не хочу возобновлять отношений, так как, во-первых, они никогда не будут прежними; во-вторых, ей нужен если не муж, то как минимум любовник. Это мне категорически не подходит: греха на душу не возьму. В третьих, возобновлять отношения, чтобы неизбежно придти к разрыву, — это мазохизм.

Любопытно отметить, что за два года никто из парней не положил на неё глаз. Почему? Вроде, и красивая, и молодая... Выходит, идиот только один — я?

Но моя болезнь проходит, это очевидно. Именно поэтому всё очевиднее для меня её неослабевающее внимание.

Проливающая бальзам недавно спросила, готов ли я был бы уйти из семьи, если бы наши отношения с Рахат Лукум возобновились. «Никогда! И ни прежде, и не теперь! — отвечивал я. — И любимая об этом знает.» Проливающая была натурально огорошена моим ответом, села на своё место и стала недвижима, как нарисованная птица.

Вот вам и разгадка внезапной и такой резкой перемены ко мне любимой и желанной. Наверно, некогда я так чётко и категорически заявил об этом, что огорошил и её. Отсюда и её твёрдое в

мае: «Я Вам не игрушка! Наши отношения ни к чему!» И в самом деле, какого хрена мне, спрашивается, от девушки надо?

А она тоже хороша! Нет, чтобы сразу всё чётко и недвусмысленно изложить, так она два года строит глазки и всем своим видом будто произносит убийственные для мужика слова: «Может быть...»

Если бы да кабы, мы, вероятнее всего, тихо и мирно разошлись и давно потеряли бы интерес друг к другу.

22.09.81

* * *

Пришед на работу после южной командировки и узрев свой предмет, я был шокирован разницей между ею в моём представлении и ею в натуральном, так сказать, обличьи. Шок был очень силён, хотя и кратковременен. И вот что я написал на бумаге в шоковом состоянии:

«Сказка — дитя любви. Любовь превращает замарашек в принцесс, плюгавых мужичков — в рыцарей и принцев, хижины — в дворцы, задворки и пустыри — в парки и лужайки. Уходит любовь — и вместо кареты оказывается тыква, а вместо рысаков — мыши. А принцесса? Глаза у неё, оказывается, не горные озёра, а оловянные пуговицы, а сама она — не статная красавица с походкой, как у куропатки, а сутулая крупная деваха с широченными мужскими плечами, неловко ковыляющая на кривых ногах, обутых в непомерно высокие платформы. И по характеру — не ангел, чьи выходки объяснялись и оправдывались самым милым образом, а примитивная эгоистка — и недобрая, и неумная.

Ах, любовь! Почему ты уходишь?

24.09.81

* * *

Сегодня пятница. После работы любимая поспешила на выход. Оказалось, спешила попасть на автобус до Челябинска. В этот день они разговаривали с Валерой о её увольнении. Говорит: больше не могу, не прижилась, никто и ничто меня здесь не держит. Живу на чемодане. А в Челябинске у меня родные, очень дружу с сестрой.

Как было бы хорошо, если бы она уволилась и уехала навсегда.

09.10.81

* * *

С 12-го любимую на целых три недели отправили работать на стройку. После стройки, отработав ещё неделю, она увольняется и после ноябрьских праздников её больше не будет.

15.10.81

* * *

Основная функция мозга — не мыслительная деятельность, а жизнеобеспечение организма.

* * *

Один мой знакомый рассказывал удивительный факт из своей биографии. Во время учёбы в институте жил он в общежитии с одним деревенским парнишкой. Так как занимали они одну комнату на двоих, то и немудрёное хозяйство своё вели напару: со стипендии сбрасывались, ходили в магазины, варили. Мишка был беден, как церковная мышь. Дома, в Вятской губернии, была у него семья — жена и малолетний сын. Жил он на стипендию да на редкие и чахлые переводы от жены. Если вдруг от родни приходила посылка с едой, то гостинцы уплетали вместе с другом и соседом. Но когда посылки из деревни получал напарник, он тщательно скрывал этот факт. Чтобы поесть, спозаранку, когда Мишка спал, для пущей маскировки засовывал голову в тумбочку, и оттуда до Мишки доносились его довольное урчание и чавканье.

Мне всегда вспоминается этот эпизод, когда в отделе время от времени с новой силой возникают разговоры о том, что начальство делит вечный социалистический дефицит тайком от народа и получает его в своих руководящих «столах заказов». А потом, засунув головы в тумбочки, чавкая, употребляет всё это. А в свободное от чавканья время только и думают о нас, грешных.

Юрий Андропов, шаливший порой в части стихосложения, написал следующие гениальные строки:

Кто проповедь читать желает людям,
Тот жрать не должен лучше, чем они.

* * *

И она ушла из моей жизни! Какое облегчение! Прямо, как в неаполитанской песне, исполняемой Жаном Татляном:

Счастья своего я скрыть не в силах...

Всё вокруг меня преобразилось:
Милая покинула меня!
Весел я, исчезли все заботы!
Весел я...

12.11.81

Какой потрясающей силы удар был мне нанесён в Ленинский субботник! Один молспец из нашего отдела доверительно поведал мне, что, оказывается, в тот самый период времени, когда я исходил кровью, слюнями и соплями от большой, но чистой любви, а Рахат Лукум делала мне глазки, притворялась принцессой и интересничала туловом, этот юный джигит неоднократно имел её через посредство полового общения.

Семейный человек Вовка был комсомольцем и в таком качестве посещал все мероприятия первичной организации. Народ подобрался дружный и жизнерадостный и потому умело совмещал протокольные сидения с удалыми междусобойчиками в молодёжном общежитии, где проживала с подружкой любимая девушка автора этих строк. Подруга уходила ночевать в другое место, а наши комсомольцы резвились сколько хотели.

— Нас с ней ничего не связывало, — вещал мой юный друг. — После принятия спиртного обычно замкнутая и не очень приветливая дева преображалась. Во время танцев с обжиманцами она начинала буквально вешаться на мужиков. Как-то мы на весь вечер влипли друг в друга. А когда народ стал расходиться, она вдруг шепнула мне: «Останься!» Я и остался. Думал не на долго, потому что, как и все, был уверен, что она невинна, как святая дева Мария. Оказалось, что там уже ступала нога человека, потому что сразу же после ухода ребят мы начали со стыковки.

— В промежутках между мероприятиями практически не общались, будто между нами ничего не произошло. Зато все собрания всегда заканчивались одинаково, к обоюдному удовольствию.

Я был так потрясён услышанным, что, вернувшись с субботника, выпил без малого литр очищенной и наутро, как паук, вполз в родную лабораторию. Весь день в моей голове звучала мелодия вальса «Когда уходит любовь...»

Вот вам и Рахат Лукум, самый прекрасный цветок на клумбе моего сердца! О женщины! Ничтожества вам имя! Старик Шекспир был прав!

УКРАДЕННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Какая чудовищная кража!!! У меня украли элегическую грусть при воспоминаниях о любимой девушки! Меня обворовали на целую палитру ярких эмоций, которыми жил два года своей жизни. И кто украд?! Она же, подлая, и украла...

...Днями нашёл в книжке несколько листков, торопливо исписанных сразу после одного из первых свиданий. Свидание было осияно чудесными ночными пейзажами и счастливым состоянием души. Нет, такое не забывается.

... Был месяц март. Мы с ней поссорились, а перед тем она попросила принести ей почитать одну замечательную книгу. И вот вечером, истерзавшись душой, я взял книгу и отправился на машине к её общежитию.

Стоял удивительный вечер. Было и тепло, и морозно. Подмёрзший снег превратился в гололёд, прочным лаком покрывший сублимат, называемый землёю. Свет фонарей и окон отражался каждой кочкой. Небо было ясным, и яркие звёзды казались принадлежностью улицы, по которой я вёл лучший в мире автомобиль. Луна, как бабочка, порхала с одного облачка на другое и полным светом освещала всё вокруг.

Я подъехал к похожему на элеватор общежитию и подошёл к её окну на первом этаже. За занавеской угадывался милый и бесконечно дорогой профиль моего предмета. Постучал. Сей момент лампочки в комнате погасли, и я увидел прижавшееся к стеклу её лицо. Поднял книгу и поднёс её прямо к глазам любимой. Она расцвела от радости и стала энергично махать рукой, показывая, что сейчас выйдет.

Моя ласточка взбрыкнула колёсами, описала круг возле элеватора и оказалась у подъезда. Мой план был прост, как коровье мычание. В машине было тепло и уютно. Нежно, усугубляя уют, мурлыкала радиоприёмник. Она подбежала к машине, и я открыл дверь: «Входи!» «Нет, — жеманно сказала любимая. — Мне невозможно». «Войди, — я был лукав и коварен, как змей. — Войди, а то выступишь хату». «Только на минуту», — сдалась она и села рядом.

Машина, как арабский скакун, рванула с места и, выписав дугу по ледяной корке, выскочила на дорогу. Вскоре бетонка нырнула в лес. Шоссе было сухо, и Ласточка стрелой помчалась по лесной сказке к горному хребту.

Через пятнадцать километров слева открылась глубокая ложбина, раздвинувшая горы, вдали за нею видны были ширмой поставленные на землю отроги Уральского хребта, голубые при ярком лунном свете, а чуть правее, по краю ложбины, ловко спрыгнув с шоссе, витком к дому лесника улеглась дорога, отчётливо видная за кустарником. Ласточка съехала с шоссе и остановилась на обочине.

Я выключил свет и радио, заглушил мотор. Нас объяло торжественное безмолвие. Мы вышли из машины и окунулись в океан голубого блистающего воздуха, душистого, как может быть душист только воздух мартовским вечером или утром. Горы, лес, дом лесника в ложбине казались нереальными. Мы неожиданно для себя заговорили шепотом. А потом замолчали. От переполнявших нас чувств, я думаю.

Так продолжалось до тех пор, пока мы не продрогли. В машине было тепло. Чтобы быстрее согреться, я включил двигатель. Ласточка заурчала и стала обвевать нас волнами тёплого воздуха. В салоне воцарился уют, который дополнил ощущение счастья.

Любимая запросилась домой, потому что «девочки мне сказали, чтобы я задержалась на улице не больше пяти минут.» Так как очарование платонического свидания было исчерпано до конца, а наши отношения не позволяли растянуть его до бесконечности, я понял, что держать её дальше — значит испортить впечатление от чудесного вечера, и включил заднюю скорость.

Увы, Ласточка тронуться назад была не в состоянии, потому что стояла под уклон на отполированной морозом поверхности. Ухищрения не помогали. Ничего не оставалось, как поехать вперёд и под горку, к дому лесника. Подъехал почти к вплотную к воротам и, пытаясь развернуться, подал назад. Не тут-то было.

На нежный щебет Ласточки из ворот вышел лесник, приветливый здоровяк средних лет и в бороде. Оценив обстановку, он предложил на брудершafft с любимой толкнуть машину назад и развернуться. И вот они втроём: любимая, лесник и Ласточка — стали потихоньку выгребать назад. Внезапно появилось трение, и машина ловко развернулась.

Поблагодарив лесника, мы энергично разбежались в горку и выпрыгнули на шоссе. Неподалеку в «кармане» остановились и вышли из машины. Вселенская тишина и благодать, казалось, были вечными. Любопытно, как развивались бы события, если бы нам не удалось отсюда выбраться. Стали высказывать варианты и я и любимая. Они показались нам один смешнее другого. Весёлые, в приподнятом настроении подъехали к общежитию.

Я по-родительски чмокнула её в щёчку, и она побежала домой.

Пожалуй, этот вечер был самым замечательным событием в истории наших взаимоотношений.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ МУРЛА

Как-то я купил книгу с любопытным названием — «Определитель минералов». Не правда ли, здорово: берешь любой камень, открываешь книгу — и загадка природы перед тобой открывается, как вход в пещеру Аладдина? Хорошо бы, подумал я, иметь этакий определитель человека: поговорил с ним, послушал его рассуждения по поводу и без повода, открыл книгу — и на тебе, всё как на ладони. По размышлении пришёл к выводу, что человек всё-таки не минерал а венец природы, и составить исчерпывающий определитель для него — штука непосильная.

Зато одна, наиболее примитивная сторона человеческой природы, именуемая Мурлом Обывателя, вполне определяется. Приведённый ниже опус — первый опыт ОПРЕДЕЛИТЕЛЯ МУРЛА.

Не претендуя на полноту и глубину социально-психологического портрета мещанина, автор сузил свою задачу до определения внешних его признаков — признаков, лежащих на поверхности.

Заметки мои предназначены для той части дорогого читателя, которая, как и автор, стремится к самоусовершенствованию и, нашед в себе какие-либо черты, приведённые ниже, употребит все силы своей души для их искоренения. Доброго тебе добра, дорогой друг!

* * *

«Эгоист это тот, кто себя любит больше, чем меня.» Известная шутка Юлиана Семёнова — кредо мещанина на самом полном сурьёзе.

* * *

Обыватель свято верит в свою непогрешимость, поэтому имеет железную точку зрения на всё на свете. И чем меньше он знает о предмете, тем железнее эта точка зрения.

* * *

Обыватель туп. Не потому, что дурак, потому, что остальных считает ещё тупее.

* * *

Не ведая тонких движений души, обыватель всё в другом объясняет мотивами, которыми руководствуется сам. Того, кто поступает не так, как поступил бы он, объявляет либо дураком, либо подлецом.

* * *

Мещанин злобен. Он редко смеётся, чаще злорадуется. В поступках руководствуется чем угодно, но только не добром.

* * *

Обыватель даже себя любит не каждый день. Естественно, не умеет он и ненавидеть. Отсутствие нравственных идеалов приводит к тому, что мещанин старается делать всё «как люди», то есть в соответствии с им же придуманными нормами поведения, суть которых нередко противоречит не только заповедям Христовым, но и здравому смыслу.

* * *

То, чего обыватель не знает, он объявляет ерундой, чего не понимает — глупостью.

* * *

Любимые жертвы обывателя — не умеющие постоять за себя люди. Над этими «придурками» всегда можно поизмываться. Тут уж обыватель на высоте!

* * *

Обыватель по сути своей — Неуважай-Корыто. Равные ему по должности — выскочки, ниже — дураки, выше — предмет уважения, а порой и поклонения. Правда, последнее — в душе, за глаза же — предмет обильного полива. Холуйская натура.

* * *

Обыватель уважает только того, кого боится.

* * *

Никто, как обыватель, не умеет и не любит куражиться над подчинённым. Раб по натуре, он томится от жажды помыкать. Естественно, всегда готов к тому, чтобы им помыкал вышестоящий. Известно: раба и рабовладельца связывает одна цепь — психология. (Примечание: под рабом разумеется не социальное положение, а состояние души.)

* * *

Обыватель-начальник требователен к себе, но во сто крат более требователен к подчинённым. Искренне считает, что подчинённый может отрываться от работы лишь для того только, чтобы бросать восхищённые взгляды на начальника. Так же искренне считает, что он может отрываться от работы когда угодно и сколько угодно.

* * *

Только обыватель мог родить афоризм: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак».

* * *

Обыватель — материалист. Но материю признаёт лишь ту, которую можно съесть, надеть на себя, притащить к себе домой, в гараж, на дачу. «Никто ещё материального стимулирования не отменял, рассуждает он при этом, за деньги работаем.»

* * *

Человек думает головой, обыватель — желудком.

* * *

Мещанин не ведаёт духовной жизни. «Посмотрел бы я, как бы ты не пожрал и книгу читать стал», — иронизирует он, уверенный в железобетонности своих доводов. Ему и невдомёк, что люди едят, чтобы жить, а он живёт, чтобы есть.

* * *

Обыватель книги не только покупает (что престижно и выгодно в смысле «помещения капиталу»), но также и читает — для хорошего сна и хорошего пищеварения.

* * *

Будучи патологически пристрастным ко всякого рода интимностям, жадно ищет скабрёзность вокруг себя, подозревая в ней всех и каждого. Если грязи нет, он её выдумывает. Попробуйте остановиться и непринуждённо побеседовать в общественном месте с сослуживцем противоположного пола, и вы сразу же получите предметный уроч высокой нравственности.

* * *

Что бы обыватель ни делал, всё оборачивается свинством для других.

* * *

Ничто так не будоражит обывателя, как человеческое горе: убийство, насилие, несчастный случай. Особенно на «сопереживание» горазды женщины. Присмотритесь, как блестят у них глаза при бесконечных пересудах по поводу происшедшего, с каким энтузиазмом они набрасываются на тех, кто про дело ничего не знает, чтобы первой рассказать об этом вновь и вновь; обратите внимание, что с каждым повтором горестная история обрастает всё новыми и новыми подробностями. Не верьте бесконечным пришепётываниям «какой ужас...» Тот, кому действительно больно и горько, ведёт себя совершенно иначе.

* * *

Говорят, человек начинается с приставки СО-: только человеку ведомо сочувствие, сострадание, сопереживание, только он может поставить себя на место другого. Обыватель с этой приставкой не знаком.

* * *

Только обыватель мог додуматься до таких перлов мудрости, как: были бы гроши да харчи хороши; где хорошо платят, там и Родина, своя рубашка ближе к телу и прочее, тому подобное...

* * *

Чем у обывателя всего больше, тем он счастливее: это ли, помимо прочих радостей, не доказательство его высокого ума?

* * *

Обыватель — существо, мягко говоря, недоброжелательное. Если ты любезно разговариваешь с начальником — значит подлизываешься, уверен он; с равным — чего-то надо; с подчинённым — заигрываешь; с женщиной — договариваешься; с девушкой — охмуряешь.

* * *

Обыватель куда как ловок: дарит шоколадку продавцу книжного магазина, любезничает с уборщицей продуктового, доверительно перешептывается с грузчиком промтоварного. Ещё бы: они обретаются возле материи.

* * *

Будучи глубоко безнравственным по своей сути, обыватель уверен, что он — столп нравственности. Кто ещё так любит поучать и надзирать?

* * *

Обыватель одержим страстью говорить ближним гадости. При этом выдаёт их за принципиальность, за гражданственность, за товарищескую критику — короче говоря, за правду-матку. Потому что он ещё и ханжа.

* * *

В чём нельзя упрекнуть мещанина, так это в невнимании к ближним. Он точно знает, сколько ты съел в обед, во что одет всегда и сегодня, что делал и чего не делал, что сказал, с кем разговаривал и сколько. Он всё заметит за другим (за собой ничего и никогда!), всё обсудит и осудит. Потому что именно это и составляет жизнь его мятежного духа.

* * *

Если хотите поставить обывателя втупик, спросите, сколько ему надо денег для полного счастья. Хорошему обывателю их нужно столько, сколько ещё не напечатано.

* * *

Жадность всегда оборачивается глупостью. Обыватель глуп ещё и потому, что жаден.

* * *

Обыватель невероятно гибок. Если вы ему не нужны — он вас не замечает, если начал угодничать — значит понадобились.

* * *

Привыкший превыше всего ставить собственный интерес, к любому посягательству на этот интерес, даже если это робкое напоминание о долге, мещанин относится крайне агрессивно.

* * *

За право опаздывать на работу на две-три минуты обыватель готов бороться всё рабочее время.

* * *

У обывателя всё лучше: дети умнее, шкаф добротнее, приёмник надежнее, машина — безотказнее.

Обыватель уверен, что он больше и лучше всех работает, что ему всех труднее. Если он работает в КБ — на заводе одни бездельники, если работает на заводе — в КБ в технике никто не разбирается; если он инженер — учителя сплошь идиоты, а врачи одни невежи; если он учитель, то инженеры — бездельники и т. д., и т. п.

* * *

Есть обыватель — кривляка. Это тот, кто мается комплексом неполноценности, либо близок к начальству. Всегда изображает значительность через посредство хамства. Разговаривает гандибером: спросишь, какая погода — у тебя что, радио не работает? Как здоровье? Тебе это не поможет. Где купил — там больше нет. Это твоя машина? Понял, что не твоя.

Очень хорошо понимает, кому лизнуть, а на кого тявкнуть. К тем, от кого зависит, весьма почтителен. К начальству льнёт.

* * *

Уклонение от дела и стремление переложить его на кого-то другого приобретает у обывателя даже некоторую шаловливость и меж собой почитается за доблесть. Если он может от чего-то уклониться — будьте спокойны, уклонится.

ОНА НА ЦЫПОЧКАХ ПРИВСТАЛА...

В этот пополуденный час привокзальная площадь большого приволжского города была на удивление пустынной. Виктор не без труда выбрался из трамвая и медленно направился к огромному зданию железнодорожного вокзала. Живости движения препятствовали напряжённая спина и согнутая в локте рука, с усилием удерживающая на весу неправдоподобно огромный чемодан, который при опущенной руке едва ли не влипал в асфальт. Изумлённая публика, пялясь на монстра, поспешно уступала дорогу.

Такой чемодан мог быть только иностранным: носильный скарб советского человека легко умещался в тарах куда как меньших. Люди постарше должны помнить неподъёмные

дюралевые чемоданы, с которыми возвращались из Германии демобилизованные воины. Чемоданы так и назывались «Прощай, Германия!» Было что положить в них на месте службы для родных и близких.

Наш чемодан приобретён был то ли в Австрии, то ли в Чехословакии: офицер-тесть долгие годы после войны служил в Западной Европе. Был чемодан из шикарной, «под крокодила», кожи, имел основательные рёбра жёсткости из дерева и толстую ручку, набранную из толстых кожаных пластин. И, обзирая накануне вместе с тещенькой его содержимое, Виктор решил, что чемодан не открывали с тех пор, как упаковали в 50-х годах за границей, потому что там, в утрамбованной сжатости, лежали «ненаши» вещи: отрезки роскошных панбархатов, ярких дорогих тканей, изящные вязаные свитера и кофты, коричневая кожаная куртка с муаровой подкладкой, изящные туфли... Эти остатки прежней роскоши предназначались его, Виктора, жене и дочери и назывались домовитым русским словом «приданое».

Но самыми чудесными вещами в этом походном гробу были охотничье инкрустированное ружьё штучной работы, произведённое в Германии в 1946 году и называемое в переводе с ихнего на наш «Золотой звук», а также шикарный охотничий нож со встроенным компасом немецкой же работы. Эти сокровища подарил ему тесть по случаю окончания политехнического института, диплом которого Виктор получил всего две недели назад.

Когда много лет назад дочь, студентка филфака университета, вышла замуж за однокурсника, тесть стал тихо презирать зятя: «Филолог — профессия бабья, она не для настоящего мужика!» И тесть и тёща лелеяли мечту выдать дочь замуж за офицера, который предпочтительно служит за границей. Дочери такой приземлённый практицизм был чужд: его погубила классическая литература.

Однако время шло, и филолог доказал, что он не лаптем шит, потому что очень скоро молодая семья обрела все атрибуты нормальной и благополучной семьи. И вдруг Виктор, к приятному недоумению тестя, надумал стать инженером и поступил в вечерний политех. Потом перешёл работать в конструкторское бюро — и вот вам: прошло всего каких-то шесть лет, он получил второй диплом о высшем образовании и по настоятельной просьбе тестя привозил его показать. А заодно прихватил дочь, каждое лето гостившую с учительницей-мамой у деда с бабкой на берегу великой русской реки. Причём в самом буквальном смысле: всё теплое время года юные пенсионеры жили на рыбацкой базе военного округа в собственной пристройке при собственном

катере и бесконечном множестве рыболовных снастей. Дочкина мама обещалась вскоре подъехать.

Через час фирменный поезд увезёт Виктора домой, на Урал и впереди у него — почти весь отпуск, потому что прогостил он у тестя с тётшей всего три дня.

...Подошёл красновозонный «Южный Урал». Наш путешественник напрягся, «взял вес» и вознёсся с помощью пассажиров в тамбур. В купе попутчик со словами «Ничего себе ящичек!» помог затолкать оный на антресолю. Соседи по купе — муж и жена — были транзитными, и быт их был устроен: на столике лежали продукты, стояли бутылки с минеральной водой и пивом, какие-то баночки и, естественно, стопка газет и красочных журналов.

Виктор со сноровкой бывалого командированного достал из сумки домашние тапки, трико, ковбойку, быстро переделся; повесив «выходной» прикид на вешалку, сбегал за комплектом белья к проводнице, застлал постель на верхней полке, достал пачку свежих газет и удобно расположился на свободной полке внизу.

Между тем экспресс уже стучал на стыках рельсов, выскочив на простор из городской тесноты. И тут дверь в купе с шумом открылась, и в проёме возникла красивая, как куколка, юная девушка со спортивной сумкой в руках.

— Вы только что с улицы? — пошутил Виктор.

— Не смешно, — небрежно обронила куколка, едва глянув на дядьку в застиранной ковбойке. Улыбающуюся супружескую пару взгляда она не удостоила, тем более что в дверь засунулись ещё две модные девицы.

— Это, что ли, твоё место? — они глянули на нижнюю полку, на которой устроился тип в ковбойке. — Да без разницы — всё равно через три часа сходить.

— Я сейчас приду, — сказала красotka вслед уходящим подругам. Поставила на полку сумку, достала из неё пакетик со сладостями, бутылку с лимонадом, на стол положила небольшой томик в ледериновом переплёте тёмно-зелёного цвета — книгу из известной академической серии шедевров мировой литературы — и направилась к выходу. На томике золотое тиснение гласило «Эхил».

— Девушка, можно полистать Вашу книжечку?

Девушка развернулась к Виктору, окинула его взглядом и произнесла:

— Пожалуйста. Только едва ли Вы в ней что-нибудь поймёте.

Высокообразованный Виктор, лет пятнадцать назад сдавший экзамен по античной литературе, внутренне взвился от этого «элитарного» хамства. «Ишь ты, — в сердцах подумал он. — Надела джинсовый костюм и решила, что вознеслась на девятый вал цивилизации. Вот ужотко я тебе!..»

Он не всуе упомянул джинсовый костюм. Именно в описываемое время молодёжь и даже «продвинутая» часть людей постарше сходила с ума по этому атрибуту «высшего света», как всегда наивно полагая, что «модная» одежда (на данном историческом этапе это были хлопчатобумажные штаны и такая же куртка) заменят горы книг и прочую туфту, называемую наукой и культурой.

Буквально накануне своей поездки в приволжский город, подходя к родному дому, он увидел трёх джентльменов, которым было хорошо за тридцать. Все трое были в одинаковых джинсовых костюмах, в тёмных очках, в усах и с сигаретами в зубах. Из-за угла внезапно выпорхнула женщина в джинсовом же костюме — это её, оказывается, поджидали джентльмены. При виде их её лицо озарилось довольной улыбкой. Да и вся компания явно себе очень нравилась. А для непредвзятого созерцателя это были солдаты непонятного воинства, которых униформа превращала в безликие клоны. Нетрудно представить, как изумились бы представители рабочего люда стран проклятого капитализма, если бы увидели, что обыкновенная рабочая одежда возведена в Стране Советов в ранг светских фраков и смокингов.

Однако что с Эсхилом? Эксфилолог принялся читать предисловие к труду античного автора, судорожно восстанавливая забытую информацию. Наконец, появилась дева и, ни слова не говоря, села рядом. Наш классик приготовил целую речь, но прежде чем он её произнесёт, напишем портрет красотики.

При типично славянской внешности она была необыкновенна смугла. Её прехорошенькое личико обрамляли иссиня чёрные волосы. Небольшой слегка вздёрнутый носик делал профиль куколки милым вполне по голливудским канонам. Чёрные глаза в пушистых ресницах под густыми сросшимися на переносице бровями удивляли голубизной белков. Но самыми прекрасными были пухлявые губки изящного рисунка. Как и у всех очень смуглых людей, они имели лиловатый оттенок. Хиповый костюм плотно облегал невысокую девушку крепенького сложения, вольно или невольно подчёркивая, как ещё давеча заметил наш учёный друг, рельефные прелести её фигуры. Античный автор, вполне удовлетворив любопытство читателя, смиренно лежал на столе.

— Как Вам Эсхил? — прелестно заикаясь, поинтересовалась дева.

— Вы, наверно, филолог? — спросил Виктор.

— Нет, я учусь в медицинском институте.

— Тогда я бы посоветовал начинать не с Эсхила. (Девушка удивлённо подняла брови.) Эсхил, Софокл, Еврипид писали трагедии — скука смертная, где-то V век до нашей эры. По мне лучше Аристофан. Тот был весёлый человек. Помнится, читал я его комедию про войну мышей и лягушек. (Лицо джинсовой леди отразило растерянность и крайнее изумление.) Но больше всего я люблю античную лирику. Есть у меня огромный фолиант «Греческая эпиграмма» — антология древнегреческой поэзии. Начинается он с Алкея и Сапфо, то есть с самого зарождения лирики на острове Лесбос, и охватывает творчество поэтов всей античной Греции. Я стихи вообще плохо запоминаю, но вот один из них:

В водах прозрачных ручья
Мы с Кибелой резвились, как дети.
Чаши с согретым вином
Вниз по течению раб нам пускал.

— Умели древние греки кайф ловить, а?

— Как здорово! — произнесла куколка. — А Вы ещё помните что-нибудь?

Спесивая и высокомерная девица куда-то пропала, уступив место наивной и любознательной девушке.

— Кое-что, конечно, помню, но смутно — дела-то давно минувших дней. Как Вас, кстати, звать? Оля? Оленька, если Вы действительно интересуетесь античными авторами, я бы посоветовал для начала почитать книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции». Это пособие для учителей, но дети читают её взахлёб: так увлекательно она написана. Причём по произведениям великих авторов. Кстати, есть ещё одна потрясающая книга — она посвящена легендам и мифам Древнего Рима. Это «Метаморфозы» Овидия. И тоже по произведениям античных, но уже древнеримских писателей.

— Где взять? К сожалению, всё античное и про античное издаётся крайне редко. У меня есть два Куна. Поехали до Челябинска — с удовольствием подарю.

— Я скоро выхожу... нет, не домой. Мы с девочками перешли на четвёртый курс, и у нас здесь практика — целый месяц. Будем работать в больнице медсёстрами, а уж потом по домам — на

каникулы. А Вы можете ещё какие-нибудь стихи почитать? Пожалуйста...

— Из античных авторов больше других люблю Козьму Прутокова. Шучу, конечно... Однако есть у него несколько пародий, очень забавных. Например, «Древнегреческой старухе, если бы она домогалась моей любви»:

Отстань, беззубая, твои противны ласки...
Со щёк твоих искусственные краски,
Как известь сыпятся и падают на грудь.
Припомни близкий Стикс и страсти позабудь!
Козлиным голосом...

— Как здорово! — восхитилась Оленька, когда чтец закончил. — Я о таком даже не догадывалась... А можно ещё чего-нибудь?

— Можно. «Философ в бане»:

Полно меня, Левконоя, упрутою гладить ладонью;
Полно по чреслам моим вдоль поясницы скользить.
Ты позови Дискомёта, ременно-обутого тавра;
В сладкой работе твоей быстро он сменит тебя.
Опытен тавр и силён, ему нипочём притиранья!
На спину вскочит как раз, в выю упрётся пятой.
Ты же меж тем щекоти мне слегка безволосое темя,
Взрытой наукою лоб розами тихо укрась.

Девушка радостно засмеялась: «А ещё что-нибудь...»

— Но больше всех я люблю Гая Валерия Катулла. Это тоже античный автор, но он римлянин. Ведь античная литература это ещё и литература Древнего Рима. Катулл жил в первом веке до нашей эры, но его любовная лирика написана на все времена, потому что едва ли кто ещё так кратко, так ёмко и страстно написал о любви.

И тут наш филолог оседлал своего любимого конька, который резво помчал его по творчеству и Гая и Валерия и, сами понимаете, Катулла.

— Есть у него сборник «Лесбия». Так он называл свою любимую. На самом деле её звали вроде бы Клавдией. Была она женой патриция, непутёвой и гулящей женщиной, которая крутила любовь налево и направо. Бабе повезло: она вошла в историю, потому что её полюбил великий поэт. Первые стихи сборника — сплошная нега и любовная истома:

Если спросишь ты, сколько поцелуев
Утолили бы, Лесбия, мой голод,
Я скажу: назови число песчинок,
Что кочуют по Ливии...

— И дальше:

Лесбия вечно при муже поносит меня и ругает.
Это его, дурака, радует чуть не слёз.
Ах ты, безмозглый осёл!
Да ведь если б меня не любила...

— Но вот она ему изменила:

... Девка подлая смеет нас дурачить...
Как узнать её, спросите? По смеху
Балаганному, по улыбке сучьей,
По бесстыдной разнузданной походке...

— А дальше:

Как, неужели ты веришь, чтоб мог я позорящим словом
Ту оскорбить, что милей жизни и глаз для меня?

Лесбия снова со мной! Блаженства не ждал я такого!
О, как сверкает опять великолепная жизнь!
Сердце полно до краёв!

— Пушкин был так очарован этим страстным неистовым
человеком, что сделал несколько переводов его поэзии:

Да! Ненавижу и всё же люблю. Как возможно,
ты спросишь?

Не объясню я, но так чувствую, смертно томясь.

Восхищённая Оля заявила вдруг:

— Я ни с чем подобном никогда ни в жизни, ни в книгах не
встречалась. Это какое-то чудо!

И тут вития заметил, что юная дева смотрит на него, как буд-
то стихи написал не Катулл, а он, Виктор, уже не состоявшийся
филолог и ещё не состоявшийся инженер.

— Гай Валерий, — продолжил эрудит, — написал строчки,
которые стали откровением для всего человечества и вполне
могут считаться афоризмами:

Слова, которые шепчут подруги,
Можно на ветре писать да на бегущей волне...

Другом тебе я не буду, хоть стань добродетельной снова,
Но разлюбить не смогу, будь хоть преступницей ты!

...И хоть страсть моя жарче пылает,
Всё же в сознание моём стала ничтожною ты!

Страсть и печаль сердце разбили моё...

По её вине иссушилось сердце,
Как степной цветок, проходящим плугом
тронутый насмерть...

Стучали колёса, бежало время. Несколько раз в купе заглядывали Олины подружки, но узрев увлечённых беседой Витю и Олю, тихо исчезали за дверью. Давно и незаметно сошли попутчики — муж с женой. А наши друзья не могли наговориться, неотрывно глядя друг на друга. Виктор не мог налюбоваться внешностью девушки, чья необычайная привлекательность была умножена приятным возбуждением от разговора.

Наконец, купе открылось в очередной раз и одна из подружек, плохо скрывая недоумение, сказала:

— Оля, готовься, подъезжаем!

Оля спросила просветителя:

— Вы приедете ещё раз в наш город в этом году? — она взяла со столика его блокнот и записала в нём свои имя и фамилию. — Я хочу снова с Вами встретиться. А найти меня очень просто: мединститут, 4-й курс. Обязательно приходите — буду очень ждать.

Поезд замедлил ход, подружки снова заглянули в купе. Виктор взял Олину сумку и пошёл вслед за ней в тамбур. Когда проводница открыла дверь и пассажиры стали выходить, Оля вдруг обняла Виктора, притянула его за шею и поцеловала в губы. Тот быстро пришёл в себя и впился в уста, на которые с вождением старого кота смотрел несколько часов подряд. Удивительно, но из глаз девы струились слёзы. Поезд стоял минуту, не больше. Проводница шустро захлопнула дверь, воспрепятствовав прощальным словам и маханиям ручкой.

Она на цыпочках привстала
И подарила губы мне, —

вспомнились вдруг Виктору манерные строки Игоря Северянина. Он был ошарашен поступком недавней собеседницы. Память надолго сохранила свежее дыхание девушки и прямо-таки осязаемый слепок её губ. Его губы, кстати говоря, блестели так, будто Оля покрыла их лаком. Долгие последующие часы поездки ни о чём и ни о ком другом он думать не мог. Только о ней, взбалмошной, экзальтированной девчонке. Конечно, Виктору было чертовски приятно оттого, что он сумел до такой степени обольстить девушку, но, подумав, понял, что дело не в нём, а в высокой Поэзии и невероятной восприимчивости, присущей некоторым особам прекрасного пола.

Дорога от вокзала до дома оказалась очень длинной, и не только потому, что она действительно была таковой, но и потому, что основная городская магистраль ремонтировалась и ехать пришлось по объездной, с рытвинами и ухабами. Автобус, кряхтя и постанывая, переваливался с боку на бок, раздражённые невероятной теснотой пассажиры энергично переругивались, а Виктор молча стоял на одной ноге, изо всех сил стараясь не упасть. Наконец, он с ногами уселся на чемодан, освободив часть пространства. Понемногу ситуация в автобусе утряслась, народ успокоился и, когда была преодолена половина пути, подружился. Кстати, во многом благодаря одному деду. Тот повалился на пол, вызвав замешательство в салоне.

— Товарищи! — с беспокойством заявила какая-то пассажирка. — Поднимите дедушку!

— Не надо, — раздалось из-под ног. — Здесь хорошо, просторно. Не то, что у вас...

Всем стало весело.

Как хорошо возвращаться домой. На столе Виктор нашёл записку от жены. Она была вчерашней. Жена спешила на поезд и прощалась до осени. Значит, повстречались они где-то в пути.

Вечером, выключив свет, он снова встретился с Олей. Сначала мысленно, а потом во сне, где в деталях повторилось чудесное прощание. Сладкие воспоминания долгое время волновали и будоражили его. Он понимал, что девушка — типичный сангвиник и давно о нём позабыла, а если и вспоминала, то только благодаря информации об античной литературе и стихам Гая Валерия Катулла.

Перед Новым годом ему снова довелось посетить тещу и тестя, но в институт он, конечно же, не пошёл — зачем?

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

1

На большие праздники все рвутся в гости. Ну, а тех, кого никто не ждёт, на станциях и остановках транспорта легко узнать по неподъёмным рюкзакам, по спортивному инвентарю — это либо спортсмены, либо туристы. Наверняка есть и такие, кто и погостить в деревне не прочь, и в лес с ружьишком наведаться — с дорогой душой. Вроде героев нашего повествования.

На станции Вязовой из электрички в густеющие сумерки вывалились пассажиры и бросились к стоянке автобусов. Владимир Иванович, он же Вова, повёл своих спутников и личных гостей в противоположную сторону. Абориген тутошних мест, он знал, что там к приходу поезда останавливается транспорт, едущий туда, куда автобусы не ходят, — в его родное поселение. На этот раз односельчан и попутчиков ожидал грузовой ЗИЛ с просторным кузовом. Сидячих место в кузове не было, зато был брезентовый тент, которым можно было укрыться от воздействия внешней среды — на дворе стоял ноябрь, и к вечеру ветерок разносил по окрестностям лёгкий морозец.

Самые решительные штурмовали высокие борта машины, кто поделикатней залезал в кузов с кормы, однако были и сомневающиеся из женского сословия. Проходя мимо, друзья улышались их беспокойный шёпот:

— Колька-то, шофёр, совсем пьяный... Куда он увезёт?

— Да не пьяный, а выпимший. Да и не поедет он быстро в таком виде: осторожный, я его знаю.

Короче говоря, тройца разместились на деревянном днище кузова, девки и бабы, по причине известной дамской миниатюрности, улеглись вторым слоем. Может быть, имелся и третий, но и он, как все, был надёжно закрыт брезентом.

Машина, наконец, затряслась всем своим существом, люто заскрежетала шестерёнками коробка передач и дёрнулась вперёд — поехали!

Народ какое-то время ворчал или иным доступным способом выражал своё недовольствие неудобствами, но, слава Богу, графьёв, похоже, среди пассажиров не было, и вскоре обстановка устаканилась. Под тентом заметно потеплело, поэтому люди приступили к неспешным беседам.

— Никак не пойму, — сказал женский голос, — что это у меня под рукой шершавое — то ли шерсть, то ли паклей что обмотано.

Михалыч почувствовал, что стал объектом изучения — его ноги стали ошупывать и дёргать.

— Да это ноги чьи-то волосатые из штанов торчат — и всего-то.

Михалыч во мраке ночи беззвучно посмеивался.

Ехать надо было долго — без малого два часа. Затекали зажатые руки и ноги, болели бока. Но охота пуще неволи. По счастью, соседка справа попросила его сменить позу. Он поднатужился и повернулся к ней. «Спасибо!» — сказал нежный девичий голосок. «Держи карман шире! — пошутил Михалыч и, побуждаемый колокольчиком-смехом, вступил с отроковицей в беседу. Он встал шутку угадывать, щедро рассыпая комплименты, всё о ней, начиная с имени, внешности, занятий, привязанностей, с удовольствием слушая в ответ тихий довольный смешок; прочитал почти все стихотворения, которые помнил со школы и в довершение упросил разрешения поцеловать в уста сахарные. Трепетные лобзания устилали длинную дорогу, как цветами, и сильно сокращали время в пути. Время, этот единственно необратимый фактор, если за него взяться с умом, можно легко ускорять или замедлять.

Наконец, свершилось. Неспешно движущийся грузовик, управляемый осторожной, но нетрезвой рукой, тихонько съехал в кювет. Пассажиры, как дрова, скатились к нижнему борту и, матерясь, стали покидать кузов. Вышел сконфуженный водила:

— Не волнуйтесь, сейчас всё устроим...

Однако вернуться в исходное положение без дополнительного двигателя внутреннего сгорания было невозможно. Долго ждали встречную или попутную машину.

Михалыч, проходя мимо группы девчонок, услышал вдруг знакомый голосок и увидал его обладательницу. Это была невысокая крепенькая девчушка. Он направился, было, к ней, чтобы продолжить знакомство, но та, увидав подходящего здорового мужика, стремительно уступила ему дорогу.

Появилась попутная машина, и уже минут через десять путешественники стали забираться в свой замечательный салон и закутываться в брезент — этот современный аналог медвежьей полости. Соседка Михалыча затерялась при новом раскладе пассажирских организмов. Друзья затерялись там же.

Впрочем, ехать оставалось уже недолго.

2

В просторном отчем доме Владимира Ивановича проживали две его незамужние тётки. Они были несказанно рады не-

жданым гостям и принялись обихаживать их. На столе, как из шляпы фокусника, стали появляться деревенские угощения; из ларя, прямо из муки, возникла бутылка водки, припрятанная для чрезвычайного случая. Да и гости приехали не с пустыми руками и выставили городские гостинцы. А потом все уселись за стол, и начались бесконечные застольные беседы, основу которых составляли приятные воспоминания.

Спать улеглись глубокой ночью.

... Наутро, когда гости выспались, вылежались и позавтракали, решено было после обеда отправиться в лес, чтобы засветло добраться до охотничьей избушки. Идти решено было охотой, то есть по пути охотиться на встречную и поперечную дичь.

Володя достал из глубокой заначки два одноствольных ружья 16-го калибра, малокалиберную охотничью винтовку и боеприпасы.

Лес начинался прямо за огородом. Дом с усадьбой располагался на горе, и сверху хорошо был виден весь посёлок. Внизу по каменистой долине бежал ручей, называемый речкой. Русло его представляло собой широкий ров, выложенный гранитом, — должно быть, во время весеннего половодья по нему нёсся мощный всёсокрушающий поток воды. Выше русла, по обе стороны ручья долина была занята домами, надворными постройками и огородами. Над крышами возвышались купола церквушки.

Михалыча насторожил какой-то изъян в пейзаже. Какой — он понял не сразу. Уже в лесу до него дошло — в посёлке не было ни деревьев, ни кустарников. В лесном уральском краю сажать деревья и кустарники в населённых пунктах было не принято.

Идти было затруднительно, потому что дорога всё время поднималась в гору, и она, казалось, никогда не кончится.

— Да здесь совсем рядом, — сказал абориген Вова, — километров десять, не больше.

Михалыч и третий подельник Витя переглянулись. «Ни хрена себе, мерси», — прокомментировал тот.

После спелого густого леса, вполне тайги, начался крутой подъём, который продолжался до самой избушки. Тягунки удручали своим непрезентабельным видом: повсюду виднелись следы варварской человеческой деятельности: пни, завалы тюльки — хвороста и прочих бранных останков доброго леса, глубокие колеи лесовозов, ямы с водой и чахлая поросль молодого кустарника. «Повернув головы качан», повсюду можно было видеть могучие лесистые хребты горного Урала.

Наконец, добрались до настоящего леса. Шеф-наставник произнёс:

— Держите ухо востро: неподалеку ручей, а в кустарниках по ручью водятся рябчики.

Гости взяли оружие наизготовку. Вова неустанно свистел в манок, изготовленный из заячьей косточки, имитируя страстный призыв самочки рябца. Проговариваемый текст призыва ну никак не соответствовал вложенному в него чувству: «Чёрт-чёрт-чёрт, чёрт тебя побери!!!»

Внезапно какой-то самец откликнулся на странный призыв Володи.

— Спрячьтесь, — с волнением прошептал он, — самец где-то близко! — И повторил призыв.

Шумно захлопали крылья. Володя постучал указательным пальцем по губам, приказывая замолкнуть, и задудел в манок. Крылья захлопали совсем рядом — и глазам добытчиков предстал пылкий ухажёр. Он показался неправдоподобно большим и краснобровым на подлёте. Размахивая широкими и короткими крыльями, птица стала садиться на ветвь. Подсвеченная сзади лучами заходящего солнца, она казалась золотой на фоне тёмного леса и была прекрасна. Но прозвучал выстрел — и злодей кинулся к поверженному красавцу.

— На ужин будет суп из рябчика с картошкой! — радостно прокричал он на ходу.

Злодей подошёл к друзьям. Вместо чуда в руках он держал окровавленный пук перьев. Вот вам и охота!

3

Наконец, добрались до места. Избушка располагалась на берегу ручья с родниковой водой и являла собой жалкое зрелище. Это был низкий сруб с раздавленной печкой посередине. Дверь начисто отсутствовала. Благо присутствовал в целости и сохранности дверной проём. Представить эту композиция местом ночлега было трудно. Но абориген Володя, выросший в лесу, нашёл обстановку вполне приемлемой: «Так всегда бывает после нашего прихода туристов. Эти любители природы всё ломают и сжигают, что построено настоящими охотниками и лесовиками. В лес эти подонки ходят, чтобы пьянствовать, развратничать да безнаказанно безобразничать. Видно, у него наболело.

Витя и Михалыч отправились в лес собирать дрова для костра, а Володя принялся за обустройство избушки. Он нарезал ветвей и уложил их в основание будущих постелей, потом наносил сена из недалней копёшки и положил сверху. Вот вам и постель. Подошедшие с охалками хвороста друзья помогли ему изо всех сил. Проблему с дверью Володя тоже решил наилучшим и, как

видно, давно проверенным способом. Он положил на землю палки, на них — сено, сверху ещё палки. Концы палок связали шнурками, бечёвками и даже брючными ремнями. Дверь отлично закрывала дверной проём. Оставалось только закрепить её на косяках. Справились и с этим. Правда, при входе и выходе из избышки дверь приходилось снимать.

Неподалеку от избышки на старом кострище разложили огонь и поставили варить похлёбку с картошкой и рябчиком, а рядом — котелок с водой для чая. Когда всё было готово, приступили к трапезе. Хозяином-распорядителем блока общественного питания выступил Витя, который, как оказалось, имел и талант и склонность к этому занятию.

После ужина, усталые, но довольные, отправились баиньки. И хотя на улице здорово похолодало, в замкнутом пространстве и на мягких сенных постелях они быстро согрелись.

Под потолком горел фонарик, а из транзисторного приёмника неслась музыка — передавали концерт: завтра как-никак 50-летний юбилей Великого Октября.

Глубокой ночью охотники проснулись. Почему-то не спалось, и они включили транзистор. В поисках чего-нибудь путного набрали на передачу из братского Китая. Там уже вовсю отмечали главный пролетарский праздник. Гремел салют, что-то кричали ораторы, играла экзотическая музыка, чуждая европейскому уху.

Михалыч побежал к ручью и вытащил из него бутылку водки — не отставать же от китайцев? Остававшаяся на воздухе часть бутылки была мохнатой из-за куржака. Друзья, изготовившиеся для приёма алкоголя, были немало удивлены этому обстоятельству. Ещё удивительнее было то, что водка была вязкая, как ликер, и не спеша покидала ёмкость. Вкус водки показался волшебным, потому что мороз начисто убил противный сивушный запах.

Короче говоря, друзья славно встретили великий праздник пролетариев всех стран одновременно с китайскими товарищами и согражданами Дальнего Востока.

Нет, не даром гласит народная мудрость, что, дескать, кто празднику рад, тот заране пьян.

4

Надо ли удивляться тому, что проснулись они полновесным полднем, ярко освещённым солнцем. Естественно, слегка «освежились» и решили отправиться на охоту.

— Погода — само то, — провозгласил Монтигомо Ястребиный Коготь Вовка. — В солнечную погоду у рябчиков резко возрастает половая активность. И это для нас хорошо! Ты, Михалыч,

иди вдоль ручья и высвистывай рябцов, их здесь много. Имей в виду, что может повстречаться медведь. Здешние медведи некрупные, наверно, поэтому некоторые даже называют их муравьиными. Однако медведь есть медведь. Но ты не бойсь. Так как в патронах у тебя дробь мелкая, рябчиковая, медведя ты не убьёшь. Подпускай ближе и стреляй по глазам. Иного выхода не вижу. В общем ничего страшного. Главное — не робей. А мы с Витей напару рванём в другое место. Куда ему одному с мелкашкой?

Михалыч пошёл в гору, вверх по течению ручья, посылая рябчиков к чёрту и с опаской оглядываясь. Рябчик иногда отзывались, но почему-то не подлетали. А медведи и вовсе не проявляли к гладкому Михалычу никакого интереса. Видимо, потому, что обеденный час давно миновал.

На просторной поляне, где располагалась избушка, горел костерок, вокруг него суетился шеф-повар, а Вова, широко открыв рот и запрокинув голову, безмятежно дрых на подосланной фуфайке.

Так как и Михалыч не порадовал добытчиков ни пернатой дичью, ни медвежьими окороками, повар обратил свои взоры на рюкзаки, где содержались предусмотрительно прихваченные продукты, и начал сочинять кулинарный изыск опять же из картошки, варёной колбасы и лука с лавровым листом и перцем.

Вову растолкали к дымящемуся столу, накрытому прямо на земле у костра.

Однако приближался вечер, и путешественники стали созерцать обширную долину, распростёршуюся перед ними, и отроги Уральских гор. Воздух был прозрачен до утраты перспективы и, подсвеченный лучами заходящего солнца, тонировал пейзаж мягким коричневым цветом, превращая его в сепию. По небу лайнер тянул золотую нитку инверсионного следа.

Картину оживляла хлопотливым стрёкотом сорока, устроившаяся неподалеку на берёзе, стремительно пролетевшая супружеская чета рябчиков да пёстрый дятел, не щадя ни клюва, ни головы, усердно долбивший сухую сосну. Сторонкой продефилировала яркая, как цветок, ронжа.

Когда стало совсем темно, Виктор, взявший на себя хлопоты о благополучном состоянии желудков друзей, предложил им холодный чай с бутербродами и по «ночному колпаку» (nightcap), как называют англичане последнюю рюмку перед сном, из мохнатой от куржака бутылки.

Утром ватага не спеша собрала пожитки и «охотой» отправилась домой. Михалыч по обыкновению тащился сзади, но резкий звук выстрела и пронзительный крик боли мазком скипидара бросил его вперёд. Выскочив из-за кустов, он узрел поразительную картину: на небольшой поляне по круту на перебитых лапах изо всех сил ковылял белоснежный заяц, оглашая окрестности истошным детским плачем. За ним с растерянным видом перемещался Вова, на ходу доставая из кармана патрон. Михалыч вскинул ружьё и — о, какая удача! — выстрел прервал мучения зверька.

Охотники с величайшим состраданием стали осматривать его со всех сторон. Лапки зайца были основательно раздроблены дробью, зато выстрел-убийца поразил его, попав прямо в центр туловища.

Однако как только охотники осознали, что перед ними дичь, возобладали гастрономические настроения. Заяц был крупным и упитанным, и у шеф-повара потекли слюнки в предвкушении увлекательной творческой работы. Потекли слюнки и у едоков, когда он изложил своё видение блюда. И экспедиция бодро стремилась в столь привлекательное будущее.

Вечером стали готовить праздничный стол. И тут произошёл страшный конфуз: Вовины тётки категорически не пожелали выделить кастрюлю для приготовления зайца:

— Не дадим поганить посуду — и всё!

Володя принялся уламывать кротких своих тёток, приводя самые что ни на есть железобетонные аргументы. Аргументы, однако, действия не возымели. Тогда он, воспользовавшись замешательством девушек, почти насильственно овладел инвентарём. Витя уже шаманил над останками бедного животного, превращая его в полуфабрикаты.

Гудела печь и булькала вода, предвещая скорое удовольствие. И тут пришёл отец Вовы, Иван Яковлевич, живший на другом конце посёлка. Он глянул на заячьи останки.

— Мы сроду зайчатину не ели, брезговали. Заяцев на петли ловили сотнями, но всё ради шкурок. А тушки выбрасывали собакам — самая ихая еда.

Но тут Витя стал раскладывать по чашкам белое нежное мясо с картошкой и луком и приглашать всех к столу. Сел и Иван Яковлевич:

— Выпить с вами я, конечно, выпью, а эту гадость мне не предлагайте — ещё вырвет.

Сын засмеялся и стал изображать кровную обиду:

— Ты что, старый, нас за людей не считаешь? Весь мир зайчатину ест да похваливает, во Франции паштет из зайчатины считается национальным деликатесом, а вы, деревня неумытая, оказывается, самые умные да благородные!

Дядя Ваня даже как-то скукожился, но, будучи человеком широких взглядов, конфузливо произнёс:

— Да ладно, ладно, уговорил... Давай попробую...

Он хряпнул рюмку очищенной, взял кусок мяса и не без опаски, как кот горячую кашу, стал его пережёвывать.

— Мать честная, а ведь мясо-то вкусное! Ну-ка, Витя, дай ещё! И как это нас, дураков, угораздило псу под хвост выбрасывать столько доброй еды?

Позже Витя, рассказывая об этом эпизоде, всегда в шутку добавлял:

— Мы даже жалели потом, что заставили его попробовать зайца — так он на него набросился...

6

Праздник, однако, продолжался. Утром в гости нагрязнул старший брат Володи. Он пришёл не один, а с ёмкой посудинной тонкого стекла и специального назначения, наполненной медицинским спиртом: Хал Ваньч был местным Эскулапом — руководил поселковым медицинским пунктом.

Тётушки принялись хлопотать около русской печки, гремя чугунами и кастрюлями, и вскоре все уселись за стол.

Хал Ваньч стал излагать информацию про богатую житейскими новостями жизнь посёлка и про летнюю заготовительную кампанию: он весь отпуск обдирал кору с окрестных лип для нужд городского скорняжного производства. И не он один, потому что за кору хорошо платили.

Как следовало из рассказов Ивана Яковлевича и Михаила Ивановича, заготовительный промысел всегда был серьёзной статьёй дохода для местного населения. Люди всегда добывали пушнину: промышляли норок, тысячами отлавливали кротов, сотнями — зайцев. А в нынешний сезон по инициативе Свердловской ювелирной фабрики ломали горный хрусталь, которого в этих местах было немало. В доказательство ещё накануне патриарх принёс из сеней три ведра с мелкими «некондиционными» друзьями и одну прямо-таки гигантскую — коричневую от глины, с огромными кристаллами. Она занимала целое патриархово беремя и весила, поди, под двадцать килограммов.

По приглашению хозяина гости напихали мелкими, но необычайно красивыми друзьями полные карманы — для близких и друзей.

Насидевшись за столом, мужички решили прогуляться по посёлку: себя показать и на людей посмотреть. Посёлок отдыхал: из домов доносилась музыка, на немногочисленных улицах передвигались празднично одетые весёлые и навеселе люди. Они любезно здоровались, а некоторые останавливались и вступали в разговоры.

Вдруг из ближайшей избы наперерез компании бросилась женщина:

— Михаил Иванович, Володя, товарищи! Пошли к нам! А то сидим мы, три старые бабы, и киснем: ну какой праздник без мужиков? Глянули в окно — а тут вы!

Оказалось, «три старые бабы» составляли весь персонал медицинского пункта, вождём которого был Хал Ваньч. Пошли в гости.

О чём говорили, над чем смеялись — разве упомнишь, если гостеприимные хозяйки всё подливают и подливают? Короче говоря, радовались жизни. Разве этого мало?

Веселье прервала баба, с плачем ворвавшаяся в избу.

— Михаил Иванович, миленький, выручай — старый-то мой помирает! Айда скорей, не кончился бы без меня.

— Пойдём, Михалыч сходим... — предложил Миша. — А вы гуляйте, мы скоро будем.

Старуха вприпрыжку бежала впереди, Хал и Халыч едва за ней попевали.

— Не беспокойся, — торопливо говорил между тем эскулап. — Ни хрена с этим мужиком не делается: он здоров, как бык. Но инвалид войны — безрукий. Медики ему в полевом госпитале руку оттяпали, но не заделали как следует нервные окончания и поэтому у инвалида время от времени жутко болит рука, которой вот уже четверть века как нет. Это называется фантомом. Во время обострения я делаю ему иглоукальвания — отвлекаю от фантомной боли, и он успокаивается. — Давай так: я скажу ему, что ты известный врач из Челябинска и специалист по этим делам. А ты осмотри и скажи: фантом, дескать, обыкновенный фантом. Я, мол, не знаю, как лечите Вы, Михаил Иванович, а я бы применил иглоукальвание. А я скажу: может быть Вы, Борис Михайлович, сделаете оное, а ты: нет, нет, это противоречит медицинской этике: Ваш больной, вы и лечите. Дед сразу же начнёт успокаиваться. Сам увидишь.

Больной со слезами встал с постели навстречу:

— Мишенька, ведь помираю я, поприсутствуй!

Дальше пошла пьеса. Михалыч, робея внутри, но нагледя снаружи, стал осматривать жилистый организм ещё не старого человека и на всякий случай делать перкуссию и производить прочие невнятные импровизации:

— Фантом! — поставил он категорический диагноз. — Нужна иглотерапия — и всё!

Хал Ваньч принялся тыкать в деда иглой. Скоро дед повеселел, забыл про боли и полез к клизмостовам с благодарственными лобызаниями. А когда те подались к выходу, взволнованно закричал:

— Куда вы, ребята? А выпить!

Перед дверью с растопыренными руками возникла хозяйка. Но у ребят спиртное уже капало из ушей.

7

... На явочной квартире веселье шло коромыслом. Однако время двигалось к вечеру, и пришла пора думать об эвакуации из гостеприимного посёлка.

Сборы были недолги, и вскоре гости в ожидании вестей уселись, образно говоря, на чемоданы.

Вести не заставили себя долго ждать: прибежала одна из недавних сотрапезниц, взявшая на себя заботу об отправке охотников:

— Через час Ванька Башкатов на своём лесовозе в Вязовую поедет — торопитесь.

Пассажиров и провожавших набралось в доме у Башкатовых несколько человек. Они сидели за столом, стояли вокруг него и накоротке совершали прощальный аляфуршет. Мужики все находились в разной степени опьянения. Один из вперился немигающим нетрезвым взором в Михалыча. Михалыч приветственно сделал ему ручкой — реакции никакой. Когда он двинулся в соседнюю комнату, тот пошёл следом.

— В чём дело, дружок? — ласково спросил Михалыч.

— А в том, — сказал дружок, — что я сразу тебя раскусил: ты — шпион. Я фронтовик, меня не проведёшь!

Михалыч, проживший в раннем детстве целых три года в оккупации, а последние её месяцы в партизанском отряде, рассмеялся:

— Ты фронтовик, а я юный партизан Псковщины.

— Иди ты! — изумился бдительный товарищ. — Объяснись...

После объяснения он полез целоваться:

— То-то я чувствую, что ты непростой человек. Оказывается, свой! — и он добавил к пьяным поцелуям пьяные же слёзы радости и умиления.

Грузовик был с прицепом, но без кузова. На улице крепко похолодало. Пассажиров привязывали друг к другу, закутывали брезентом и крепили верёвками к стойкам. Наконец, лесовоз тронулся. Фронтоник Коля бежал рядом и всё норовил поцеловать беспомощного, связанного по рукам и ногам Михалыча. Короче говоря, процесс пошёл, под «наркозом» шёл он быстро и безболезненно и очень удачно завершился дома.

Согласитесь, жизнь всё-таки чертовски интересная и приятная штука, не так ли? Эту чудесную мысль доверительно изложил некогда не в меру суровому экзаменатору однокурсник и друг автора Ося Вильнер. Ну, разве не мудрец!

Посвящается Гюльчаттай Байгушевой

СПЯЩАЯ ВЕНЕРА

Был поздний вечер, очень тёплый для конца сентября. И вдруг совсем некстати пошёл дождь. Некстати потому, что до вокзала оставалось совсем немного. Более того, дождь вскоре стал проливным. Группа мужчин, которая только что оглашала улицу удалыми нетрезвыми криками, умолкла и поспешила в уют ярко освещённого здания вокзала. Мужчины лет пятнадцать назад учились вместе в здешнем университете, давно не видались, и собрал их в одночасье однокурсник Сашка Петров, внезапно нагрянувший в город юности. Он один из всех мотнул после учёбы куда-то к чёрту на кулички в Сибирь и вот, оказавшись в командировке в недалеком Питере, приехал повидаться с однокашниками. В данный конкретный момент после двухдневного гостевания друзья его провожали.

По радио сообщили о прибытии проходящего поезда, и они устремились на перрон под осенний душ, и без того мокрые, как курицы. Поезд стоял минуту, что не помешало друзьям юности передобзаться со страстью хорошо нетрезвых людей, издавая на прощание горестные восклицания и бодрые напутствия. Проводница решительно прервала прощание, и поезд зашпешил в самый прекрасный на свете город.

Товарищ Петров, как был — без поклажи и мокрое воды, — нашёл своё купе и отодвинул дверь.

— Ну, вот, так и знали, что последним придёт мужик, — неприязненно произнёс хор женских голосов.

Из полумрака на него воззрились три женщины. Была и четвёртая: она спала в кулке на коленях у юной мамы.

— Не волнуйтесь, девушки, — пролепетал непослушными губами вошедший, — я хотя ещё и не женщина, но уже не мужчина. Так что вам ничто не угрожает.

Таким странным образом он возвестил сообщество о своём кротком нраве.

Две красотки — одна лет сорока, а другая под тридцать — рассмеялись, третья, юная мама, не поднимая головы, бросила на Сашку робкий взгляд.

— Посмотрим, посмотрим, произнесла та, которой под тридцать.

Петров, капая на пол с задубевшей оде́жи, отправился к проводнице за постельным бельём. Хотя, если честно, ему ничего, кроме одеяла и матраса, по причине абсолютной мокрости не было надо. Так как до города юности и обратно поезд находился в пути только ночь, в поездку он не взял даже зубную щётку.

Забросив на свою верхнюю полку пакет с бельём, Петров вышел в коридор, где было оживлённо, как вечером на Невском, и незамедлительно вступил в беседы с вышедшими покурить соседями по купе. Когда соседи, накурившись, разошлись, и «проспект» почти опустел, он заглянул в купе. Там тоже приготавливались ко сну. Бойкая девица сидела на соседней с ним полке и заправляла его постель:

— Я решила заодно заправить и вам... Мне это не трудно!

Петров сказал «спасибо» и вернулся в коридор, потому что одежда сохла слишком уж медленно, а ложиться в постель мокрым было и непривычно и вроде бы не совсем прилично.

Внезапно в коридор вышла любезная соседка, и Александр с большим интересом принялся обозревать её прелести. А таковые имелись. Ну, во-первых, она была очень рослой (175 см минимум, прикинул он); во-вторых, спортивной — её стати облегали свитер и брюки, подчёркивая высокую грудь и стройные крепкие ноги. Она не была красавицей, но очень модной — безусловно. Весь её облик был исполнен твёрдости и решительности незамужней женщины, подчёркнуто самостоятельной. Она достала пачку сигарет и протянула соседу:

— Будете?

Петров взял сигарету и прикурил её от хиповой зажигалки. Контакт был установлен.

— Откуда это Вы, такой мокрый?

И он подробно поведал моднице все обстоятельства его внезапного визита в город юности.

— Я — коренная москвичка, живу в столице, а приезжала в гости к знакомой. Мы с ней нынче отдыхали вместе в Карелии и подружились. Сейчас еду в Питер проведать старенькую тётю, а потом в Москву. А Вы?

— Да вот отмечу завтра командировку, а послезавтра буду дома, на Урале.

Они разговорились, а вскоре стали щебетать, как старые подружки, вспоминая разные истории из своих жизней и всякие забавности.

Наконец, Валентина заключила:

— Ну, ладно, пора баиньки. Подходите минут через пять, когда я улягусь.

— Я не спешу — надо бы пообсохнуть.

Девушка исчезла, но тут в коридор на перекур вышел молодой человек. Петров не преминул стрельнуть сигарету, и они разговорились. Оказалось, что парень два года как окончил местный университет и даже тот же самый факультет, что и Петров, поэтому беседа для обоих оказалась и желанной, и интересной. Тем более, что были живы и здоровы многие преподаватели, нашлись общие знакомые, да и жили они в одном и том же общежитии.

Когда и этот собеседник выказал желание отправиться баиньки, Саша понял, что пришёл и его черед сделать то же самое. Он общупал себя со всех сторон, с удовлетворением отметил, что основательно обсох и тихонько протиснулся в купе. Под потолком тускло светился синим огнём ночной плафон. Стараясь не шуметь, влез под одеяло и стал внутренне приготовляться ко сну. Хмель, ёжась и корёжась, покидал отравленный организм. Под одеялом было тепло и уютно, и веки его стали смежаться. Он повернулся на правый бок и по привычке укрылся с головой, оставив открытым только лицо.

И тут... и тут глаза его широко распахнулись навстречу открывшемуся зрелищу, а сон улетел в дальние дали: девушка Валя возлежала на своём ложе совершенно обнажённой, если не считать узеньких плавок, кокетливо прикрывающих «приманку людей», да краешек простыни на плече. Ни дать ни взять копия «Спящей Венеры» Джорджоне. Только в зеркальном отражении, потому что лицо девы находилось прямо напротив лица нашего героя. И он, нимало не смущаясь, принялся рассматривать всё, что ему заблагорассудится. Тело было роскошным, и дева знала это — иначе зачем бы она стала устраивать стриптиз?

Верхняя линия полных бёдер круто поднималась к вершине таза и падала к талии. Живот её совсем не походил на опрокинутую чашу и в пупок едва ли поместилась бы даже одна унция масла, но он вкупе с притопленным в тело пупком вполне соответствовал эстетическим пристрастиям европейца Петрова. Но больше всего его впечатлили шикарные груди, расположенные напротив его глаз в пределах заманчивой досягаемости. Александр распалился и, не в силах совладать с собой, протянул руку и положил горячую ладонь на грудь. Глаза соседки широко открылись, и она прошептала:

— Ну, не сейчас же... Дайте людям уснуть...

Фавн оторопел — так она не спит! Ну, а если люди и уснут, то что готова учинить вместе с ним соблазнительница? Если за ней опыт, то как, интересно, всё это будет происходить?

Внизу юная мама что-то причитала над младенцем. Наконец, все утихли. Весь исполненный волнения и порочной страсти, Саша вдруг понял, что совершенно высох и что пришла пора действовать. Для начала он выключил свет.

— Зажгите свет, у меня же ребёнок! — выкрикнула мама.

При свете он неожиданно понял, что соседка крепко спит. Чтобы унять сексуальный трепет, он натянул на соблазнительницу простыню.

Время шло. Вагон безмятежно спал. Не спал только пассажир в мятом недавно высохшем костюме. Желание, помноженное на обещание, породило такую жажду прелюбодеяния, что атеист Петров в ожидании грехопадения всю ночь не смыкал глаз, рисуя в воображении одну картину сладострастнее другой. Для утишения зуда он всю ночь укрывал простыней объект вожеления, который во сне всё норовил её сбросить.

Забрезжил рассвет, зашевелился народ, и грешник понял, что «глотание вил отменяется». Первым проснулся ребёнок и разбудил и маму и соседку. Сладко зевнула и открыла большие голубые глаза искусительница. Потом взглянула на праведника поневоле и произнесла:

— Отвернитесь, пожалуйста, мне нужно одеться.

Праведник от такого ханжества со злости чуть не выпрыгнул из штанов и про себя обозвал её некрасивым словом.

Вскоре поезд въехал под крышу Московского вокзала, и пассажиры поспешили к выходу. Наш герой категорически не пожелал перекинуться с предметом любви и вожеления в течение долгих десяти часов хотя бы одним словом. Промолчала и та. Хотя толпа несла их бок о бок почти что до самого выхода из вокзала.

На вокзале только и разговоров было о мощном урагане, пронёсшемся над городом минувшей ночью. Стихия сносила крыши, кидалась легковыми автомобилями и даже, невиданное дело, оторвала крылья у ангела, украшавшего то ли шпиль Петропавловской крепости, то ли Александрийский столп. Но Александр Петров ничему этому не удивился: он был уверен, что что-то из ряда вон выходящее должно было произойти.

ПОД ПАРУСОМ

Сашка Петров не поспел начать новый учебный год вместе со всеми — 1 сентября. Его семья — он сам и родители — переехали с Урала поближе к малой родине — в Ленинградскую область.

В том далёком 1953 году население страны в основном ютилось в частных домах. Приезжие и бездомные снимали жильё у аборигенов, а отец Сашки, много лет проработавший в коммунальных хозяйствах как техник-инвентаризатор, всё норовил обосноваться в государственном жилом фонде, который был тогда ничтожен и в рабочих посёлках состоял либо из шлакозасыпных бараков, либо из двухэтажных домов, сооружённых из деревянных брусев. На этом раз удача улыбнулась им в виде десятиметровой комнатухи в коммунальной квартире брусчатого небоскрёба.

Не успел десятиклассник Петров оглядеться в новой школе, да и в посёлке, как стало известно, что в следующий понедельник старшие классы отправляются на неделю в колхоз копать картошку.

Тогда в старших классах учились только успешные ученики, которые мечтали стать инженерами, врачами, учителями и вообще интеллигентными людьми. Остальные, не имевшие возможности продолжать учёбу или одолевшие обязательную семилетку при усердном содействии учителей, годами тянувших их за уши, шли работать. Не работать тогда было невозможно — за этим бдительно следило государство. Само собой охламоны, лихие пацаны и романтики уличного хулиганства в старших классах отсутствовали.

Поэтому как только Сашка сел за парту, будущие интеллигенты окружили его и стали участливо расспрашивать о житье-бытье и о том, как у него обстоят дела с учебниками — вопрос в то время весьма щекотливый: иногда на весь класс выделялся всего один учебник, в свободной продаже их не было.

Замечу для непосвящённых, что старшеклассники платили за учёбу. И в конце каждого месяца классный руководитель поднимал неплательщиков из-за парт и, выслушав объяснения, некоторых отправлял домой. Кстати, платили за учёбу и в вузах — по 1956 год включительно.

...В ожидании машин ребята проболтались на школьном дворе весь день. И вот грузовики въехали во двор. Все с шумом и гамом расселись по скамейкам и тронулись в путь. Ехать надо было далеко, да ещё по просёлочным дорогам, поэтому мальчишек посадили в самый конец кузова, как якобы более трясоустойчивых по сравнению с девушками.

Дорога была — ухаб на ухабе. Ехали в основном по лесу. Ухабы здесь были больше, а ямы, заполненные водой, — глубже.

Школьники подвергались не только энергичной тряске, но и энергичному воздействию выхлопных газов — потоки завихрения никуда не денешь. Сашку тошнило — и, надо думать, не только его, — болела голова. Хотелось выскочить из кузова и упасть на траву, чтобы не трясло, чтобы всей грудью вдохнуть чистый холодный воздух.

Наконец, приехали. На улице их поджидали колхозники. На ватных ногах, зелёные, разошлись по домам.

В избе, куда поселили работников, на столе стояли кринки с молоком, горячая картошка, варёные яйца, хлеб. Так как ночь уже хозяйничала на дворе, а ребята притомились, стали укладываться спать. Хозяева натащили какие-то старые пальто, холстины, и каждый стал обустраивать ложе. Подушек, конечно, не нашлось, поэтому стали изобретать, что подложить под голову. Серёжа Тимофеев принёс из сеней огромный лосиный рог. Кто-то обошёлся рюкзаком, фуфайкой, а у Сашки ничего не оказалось, и он улёгся так. Но, измучившись без подушки, среди ночи пошёл к печке, взял несколько поленьев и стал укладывать их на пол. Поленья выскользнули из рук и со звоном упали на пол, разбудив ребят. Кто-то включил свет, и пацаны принялись хохотать, разбудив всех в доме.

Наутро приезжие выбрались из домов и с любопытством стали обозревать местность. Небольшая деревенская улица протянулась вдоль берега огромного озера, от которого заслонилась густым ольховником. С другой стороны, с пригорка, к ней подступал лес. Защищённость деревеньки от ветров и зелёное обрамление делали её уютной.

Учащиеся, ведомые своим учителем черчения МихМихом, собрались у сельсовета. Неподалеку на самом высоком месте стояла покосившаяся деревянная церковь. От церкви несло

домовитое галденье галок, которые, как видно, долгие годы были её единственными прихожанами.

Бригадир повёл работников на картофельное поле, которое простиралось сразу за божьим храмом, и прояснил им суть грядущих трудовых свершений. По полю вслед за лошадьёю вышагивал колхозник Лёша. Он держался за рукоятки плуга и побуждал лошадьёю к действию бесконечными причмокиваниями. Лёша «разгонял борозды», отворачивая пласты земли, под которыми пряталась картошка. Ребята, с детства хорошо знакомые с этим видом трудовой деятельности, разобрали вёдра и кинулись собирать урожай. Девчонки заполняли вёдра, а мальчишки относили картофель на край поля и ссыпали в кучу.

Наконец, первый трудовой день закончился. Мальчишки сразу же полезли на колокольню, чтобы накоротке познакомиться с сооружением и обозреть окрестности. Озеро оказалось невероятно большим. На противоположном берегу вдалеке виднелась деревенька. Глянув в сторону «моря», они поразились: берег был едва различим.

На другой день было решено снарядить экспедицию для изучения береговой линии. Деревня стояла на берегу закрытой бухты, в которой было полно лодок. Ребята упростили хозяина дома, в котором они квартировали, дать им лодку для выхода в озеро.

Оказалось, бухту от озера загораживает небольшой лесистый остров и что выхода в «море» два: один по чистой воде — им пользовались лодочники, — а второй — узкий, основательно заросший камышом и рогозом. Так как озеро без берегов интереса не представляло, наши мореходы погуляли по прибрежным камышам, обрезая чёрные шишки рогоза, потом без успеха «подорожили» — потаскали вдоль берега «дорожки» — шнуры с блёснами для ловли щук, лежавшие в корме, и вернулись в гавань. Больше всего во время круиза их удивило то обстоятельство, что лодки, снующие по озеру, были оснащены мачтами и парусами. Должно быть, ветер постоянно гулял по обширному водному пространству, и грести вёслами, еле передвигаясь, было и неинтересно и неразумно.

На третий день коновод Лёша, как обычно, пригнал на поле лошадьёю, запряг её в плуг, но вскоре работать отказался по причине плохого самочувствия. Присутствовавший на поле бригадир, оборотясь к МихМиху, беспомощно развёл руками: картошку придётся копать лопатами, что было делом малопродуктивным и непривычным в здешних местах, как и всюду, где преобладали подзолистые почвы с доброй долей песка и водились лошади. Что делать? Отправились, было, за лопатами.

И тут бригадир обратился к мальчишкам:

— А что, ребята, кто-нибудь из вас пробовал пахать раньше?

Таковых не оказалось.

— Может быть, попробуете? Вы мужики, как на подбор, здоровые. Не может такого быть, чтоб ни у кого не получилось.

«Мужики», поглядывая друг на друга, посмеивались. Потом решились и стали по очереди пробовать. Однако установить контакт с лошадью через посредство вихлястого плуга оказалось непросто. Он категорически не хотел, войдя в землю, идти ровно по борозде, всё время переваливался с боку на бок и норовил выскочить из земли. Лошадь тоже заметно нервничала. Никто не смог с её помощью пройти и десяти метров картофельной борозды. Как ни странно, Сашке удалось пройти гораздо больше. Осердясь, он как-то уловил момент истины и повёл плуг ровно, с трудом удерживая его в борозде.

— Вот видите, у парня получилось. Давай, Саша, паши. До конца поля дойдёшь — специалистом станешь.

И верно, когда дело пошло, исчезло напряжение, стало ясно, что в ручки плуга совсем не надо смертельно вцепляться, достаточно их только придерживать. А лошадка оказалась прекрасным товарищем.

Подборщики и подборщицы заспешили с вёдрами следом. МихМих был довольнее всех и не уставал радоваться и изо всех сил нахваливать своего подопечного.

Рабочий день пролетел как миг. Сашка, поев и добравшись до постели, ухнул в небытие и всю ночь телепался за лошадью и плугом, судорожно сжимая его рукоятки.

Наутро, подгоняемый, как кнутом, щедрыми комплиментами ментора, он без слов встал за плуг и начал отваливать пласт земли за пластом, извлекая на белый свет картошку и большую и маленькую.

На третий день, оправившись от хвори, на поле появился колхозник Алексей. К вечеру вся картошка с поля была убрана. Теперь школьникам предстояло срочно переместиться в другую деревню, в ту самую, которая виднелась на противоположном берегу озера.

Михаил Михайлович собрал ребят и сделал важное сообщение. Нужно было немедленно, чтобы успеть к ночи, собрать пожитки, принести их на берег и уложить в лодку. После ужина все пешком по берегу отправляются в деревню, где нужно будет убрать картофель с такого же примерно поля. На этом сельхозработы для школьников в этом году будут закончены. Петров и

Кураев перевезут все вещи на новое место в лодке. Он, МихМих, со всеми договорился и всё согласовал с местным начальством.

Итак, Саша и Серёжа должны были выполнить ответственное задание. Примерно за час до собрания условились, что мальчишки усядутся в лодку и, выплыв на открытую воду через пролив, заросший камышом, будут ждать, когда мимо них, разогнавшись, помчится лодка под парусом. С неё ребятам бросят верёвку, которую надо изловчиться поймать и закрепить на носу, иначе маневр придётся повторить. Парусник на буксире дотащит их до места назначения. Путь неблизкий.

Ну, а дальше всё пошло, как по писаному. Продравшись сквозь камыши, ребята стали ждать, когда появится буксир. Он появился и, влекомый надутым пузырьём парусом, помчался в их сторону. Ребята принялись изо всех сил грести, чтобы разогнаться до скорости буксира. Проносясь мимо, возница бросил им конец. Они подхватили его и закрепили на носу. И вскоре с носа раздавалось лишь журчание воды, энергично раздвигаемой лодкой.

А вот и деревня. Причалив, хозяин паруса прихватил часть груза и вместе с ребятами пошёл в дом, где школьники будут жить. Их встретила пожилая женщина и провела в огромную комнату, которая занимала почти весь дом. В комнате находилась большая печка — стояк для обогрева помещения. Это был актовый и спортивный зал здешней начальной школы.

Пошли за второй партией груза, и тут хозяин буксира вдруг сообщил:

— Начинает темнеть, и мне надо спешить домой. Вас с лодкой взять не могу, потому что ветер теперь будет дуть в лицо, и я пойду встречными галсами. Вам, наверно, лучше переночевать здесь. Поутру отгоните лодку назад и без хлопот днём вернётесь пешим ходом. В общем, решайте сами, а мне пора.

Он сел в лодку, распустил парус и наискосок помчался к противоположному берегу, а потом повернул назад, но уже далеко продвинувшись к дому. И таким манером, челноком от берега к берегу, скрылся с глаз.

Между тем до слуха доносились крики и песни одноклассников, которые шли лесной дорогой. Теперь они находились прямо напротив. И всё-таки идти до места им оставалось несколько километров.

Ребята решили не откладывать дело на завтра и, перенеся вещи, пошли к лодке.

— Мальцы, — напутствовала их хозяйка, — волна большая, скоро стемнеет, поэтому вам надо быстрее добраться до того берега, а потом вдоль берега гребите до места. С Богом!

Плыть надо было далеко и не очень понятно куда, потому что деревню, спрятавшуюся в бухте, и в светлое время дня отыскать было непросто.

Решили грести по очереди, меняясь через каждые сто гребков. Грести было трудно: мешали большие и лохматые волны, которые вызывали бортовую качку. Друзья, надрываясь, стали медленно одолевать бурлящее пространство.

Было страшно! И вдруг Серёжа, отворотясь от порывов ветра, зашел:

На далёком Севере Эскимос моржу поймал
Эскимосы бежали, И всадил в неё кинжал,
Эскимосы бежали И всадил в неё кинжал
За моржой! Глубоко!

После этого, насилуя артикуляционный аппарат, стал изображать джаз, подражая саксофону, барабану и прочим инструментам, составляющим джаз, одновременно. Эта популярная в то время песенка называлась будто бы «Девушка играет на маנדoline» и исполнялась без перевода на русский язык. Про моржу придумали, выражаясь по-теперешнему, фанаты. Сашка тоже знал её и с энтузиазмом подхватил. Страх отступил, волны и ветер будто бы поутихли.

Следующей стала опять же бойкая джазовая песенка из репертуара Л. Утёсова:

На карнавале (саксофон: та-тара-та)
Под сенью ночи (то же)
Вы мне шептали «
Люблю Вас очень! «
На карнавале «
Вы мне шептали, «
Да, да шептали: «
«Я Вас люблю!»

Был я тронут Нежной лаской,
Но поймав,
Вмиг я с Вас
Срываю маску! О-о-о!

Под маской леди
Краснее меди
Торчали р-ы-ж-и-е у-с-ы!!!

И тут начиналась настоящая вакханалия звуков, которую изо всех сил пытались губами и языком воспроизвести трусоватые джазмены. Так как ситуация — берег неумолимо приближался, и качка заметно уменьшилась — и настроение заметно изменилось, над озером разлились лирические мелодии. Пели чудные романсы из репертуара К. Шульженко:

Нет, не глаза твои я помню в час разлуки,
Не голос твой я слышу в тишине,
Я помню ласковее трепетные руки...
И: В этот час, вечерний час любви,
Первый ты меня любимой назови,
Подарю тебе я звёзды и луну
Люби меня... одну!

Оказалось, оба матроса владели огромным репертуаром популярных песен. И не удивительно: в те уже приснопамятные времена песни были красивы и мелодичны, их слова были и мудрыми и волнующими, а исполнялись они певцами и певицами с чудесными голосами. Многие нынешние певуны, набившие оскомину телезрителям своим безголосьем и пошлыми шлягерами, не смогли бы прежде добраться даже до порога студий.

Так как плохих песен раньше по радио просто не исполняли, лодочники пели «В парке Чаир» из репертуара Г. Виноградова, неаполитанские песни, вошедшие в моду благодаря М. Александровичу («Ласточка», «Вернись в Сорренто», «Скажите, девушки»...), шуточные народные «Ехал Ванька с поля», «Дуня-тонкопряха» и прочие музыкальные шедевры, изъятые из жизни россиянина бесами от музыки и русофобами в более поздние времена.

...Песни прекратились внезапно, когда лодка уткнулась вдруг в берег. Ура! Теперь можно немного передохнуть! Горели натёртые ладони, болели лопнувшие мозоли. Оставалось найти бухту, на берегу которой искомая деревня. Они долго плыли вдоль берега, прежде чем увидели знакомые заросли камыша. Продравшись сквозь них, лодка оказалась в тихой бухте, на берегу которой светились огнями дома, а на берегу маячили две фигуры, обозначая себя горящими окурками. Их ждали.

Путешественников повели в дом. Во время поедания горячих щей бригадир предложил ребятам остаться переночевать, потому что наступила ранняя осенняя ночь и шастать в темени по ночному лесу на незнакомой дороге было просто неразумным. Однако времени было ещё мало, и Саша с Серёжей решили

тронуться в путь, тем более что дорога вокруг озера была одна — не заблудишься, а пройти надо было всего каких-то километров пять.

Ветер затих, в природе наступило умиротворение, и, подумав, бригадир согласился.

И вот она, лесная дорога. Слева и справа — лес, непроницаемые чёрные стены, под ногами — грязная колея. Дорога легко угадывается, потому что в лужах, которыми она изобилует, отражается небо. Шли прямо по лужам, благо оба были обуты в сапоги.

В наступившей тишине над озёрной гладью, скрытой стеной леса, звонко разносятся все звуки. Крики, визг и смех одноклассников сопутствовали Саше и Серёже всю дорогу. Так что получалось, что шли они большой весёлой компанией. И это было прекрасно.

Спустя какое-то время ребята поняли, что в лесу они не одни: слева и справа на обочинах горело множество огоньков — это были светляки. Они стали собирать червячков в спичечные коробки — сюрприз для друзей. А ещё над ними беззвучно пронеслась сова — большой пук перьев, вылетевший на охоту.

...Лес остался позади. Впереди на косогоре показалась деревня со светящимися окнами домов. На отшибе, почти у самой воды, стоял дом, ставший пристанищем школьников. Света в нём не было, зато визга и смеха — хоть отбавляй. Молодёжь помолодёжному отходила ко сну.

Когда путешественники хлопнули дверью, свет загорелся. Большая комната была превращена в общую спальню. И всё население валялось на полу, образуя кучу-малу. Ну, как тут было не веселиться?

Незабываемые воспоминания юности!

ПО ДОРОГЕ К ИЗОБИЛИЮ

Выдающийся деятель международного коммунистического движения Никита Сергеевич Хрущёв воплощал в себе, может быть, самую главную, родовую черту коммунизма как такового — его крайний авантюризм. Наиболее ярко это проявилось в его хозяйственной деятельности, Решив без больших потерь и усилий накормить вечно голодных строителей коммунизма, он энергично взялся за сельское хозяйство, за десять лет своего правления с блеском загубив и хозяйство, и русскую деревню. Советские люди, руководимые неутомимыми комиссарами, по

воле вождя все, как один, то принимались выращивать яблоки, то овощи, то кукурузу, то занимались мелиорацией, то переселялись из родных деревень в наскоро слепленные посёлки — прообразы поселений светлого коммунистического завтра, ну и так далее и тому подобное. Итог всегда был один — пшик.

Кто-то умный сказал, что марксизм-ленинизм — философия в принципе деструктивная: плоды созидания её приверженцев ничтожны и, главное, кратковременны.

Владимир Маяковский сделал поразительное открытие и сообщил о нём всему миру:

Я знал рабочего. Он был неграмотный.
Не разжевал даже азбуки соль.
Но он слушал Ленина и знал ВСЁ.

Видимо, Никита Сергеевич вполне разделял мнение гения, потому что накануне 1954 года укрепил кадры руководителей сельского хозяйства партийными работниками. Так, первый секретарь комитета комсомола района, где жил автор, девушка родом из Питера, недавняя выпускница пединститута, стала вдруг председателем колхоза. А весной 1955-го, когда страна встала на вахту по изготовлению торфо-перегнойных горшочков, она уже в этом качестве руководила производством. Именно в этом колхозе оказался Саша Петров, направленный трудовым коллективом для оказания помощи селу.

Большую кампанию друзей советской деревни разместили в общежитии — шлакозасыпном бараке. Чтобы попасть в него, надо было по высокому крыльцу с навесом подняться к входной двери. Длинный коридор с «номерами» по обе стороны простирался через весь барак. В один из «номеров» и поселили наших работников.

В комнате находились четыре кровати, заправленные солдатски, посреди — стол, а у входной двери направо — большой столик с топкой, перед которой на полу был прибит большой лист жести, окрашенный в чёрный цвет, рядом с ним — дрова.

Питаться жильцам надлежало в поселковой столовой, где всегда подавали щи, шницель с макаронами и чай. Иногда меню слегка разнообразили, но в разумных пределах: например, шницель делили на две части и получались биточки. Появлялись и суп с перловкой и компот.

...Утром городских повели на работу. В огромном ангаре стояли сельскохозяйственные машины, около них возились чумазые люди, а в одном из углов был установлен странный агрегат.

Оказалось, он и лепил торфо-перегнойные горшочки. Рядом находились поддоны для приготовления смеси, большая куча навоза, торф, мешки с минеральными удобрениями.

Ребятам выдали лопаты, рукавицы, и они принялись за дело. В поддоны в заданных пропорциях набрасывались ингредиенты, а потом труженики, кряхтя, перемешивали их в однородную массу и забрасывали в бункер агрегата. Агрегат со скрежетом принимался за дело и выдавал на транспортёр готовые горшочки: небольшие кубические брикеты с глухой дыркой посередине — для рассады. Брикеты аккуратно укладывались в штабеля вдоль стенки. Их, по мере надобности, забирали овощеводы. Работа была нехитрой, и дело пошло.

За рабочий день ребята хорошо уставали и, поужинав, отправлялись в общагу. Пойти было некуда, и они то играли в карты, то валялись на кроватях и развлекались трёпом. Перед сном бегали в кубовую и заваривали на всю кампанию чай.

Петров, не поступив в прошлом году в политехнический институт, вознамерился, было, и нынче поступать туда же, но, прочитав «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси, решил, что его призвание — гуманитарные науки. И он, и прежде читавший много и с удовольствием, окунулся в мировую литературу и стал готовиться к поступлению на филологический факультет. Так что когда его соратники по торфу и навозу сражались в подкидного дурака, он читал творения Толстого.

Однажды, когда картёжникам надоело без конца становиться дураками и они разбрелись по кроватям, Витя Золотухин произнёс:

— Сань, скажи, что ты такое читаешь, что оторваться не можешь?

— А читаю я, пацаны, повесть Льва Толстого «Крейцерова соната». Шибко интересно, вам бы тоже понравилось...

— Так затрави нас, может, нам тоже захочется почитать.

— Пожалуйста. Читаю вам для затравки эпиграф, слушайте: «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». (Матфей V, 28).

Затравка удалась, и ребята попросили Сашу читать книгу вслух и с самого начала. И теперь каждый вечер перед тем, как уснуть, молодёжь вникала в творение гения.

Нет, всё-таки самый прекрасный месяц в году — март. Он совместил в себе сразу три весны: весну света, весну воды и весну души, всегда жаждущей обновления, всегда исполненной ожидания и надежд. Как прекрасно, проковырявшись полдня

в навозе, выйти в обед из ангара, усесться на брёвнушки со товарищи и, жмурясь от солнечных лучей, под гвалт галок с колокольни закурить папиросу «Красная звезда» табачной фабрики имени Урицкого.

К концу дня промёрзшие за ночь дороги отсыревают, кое-где появляются лужицы, но с северной стороны, в надёжной тени, снегу почти не убавилось, разве что от тёплого дневного воздуха сугробы будто отпотевают, а к вечеру, подморозясь, покрываются глазурью.

И снова вечер. Ребята пришли домой, перво-наперво затопили стояк и улеглись в кровати. Книгочей Сашка достал Толстого и продолжил чтение «Крейцеровой сонаты». Ребятам повесть пришлось по душе, потому что в ней содержались сведения, так необходимые для юношей, «обдумывающих житьё».

Шло время. Мальчишки притихли. Да и Саша почувствовал вдруг, что еле ворочает языком. Он отложил книгу и решил выйти на крыльцо глотнуть перед сном душистого морозного воздуха. Не одеваясь, в сатиновых шароварах и майке, пошёл к выходу, дивясь тому, что еле передвигает ноги. А вот и крыльцо. Он поднял руки, чтобы опереться на низ навеса, и...

Очнулся Саша от холода. Замёрзли оголённые руки, зазябло тело. Он поднял голову и увидел, что лежит под крыльцом в пышном сугробе ниже его поверхности. Выбрался из сугроба и побежал в комнату. Ребята спали безмятежным сном. Открыл дверцу стояка — не прогоревшие поленья вспыхивали синим пламенем. Угарный газ! Заслонка в дымоходе была полностью закрыта. Сашка выдернул её из стояка и настезь распахнул форточку. В комнату хлынул морозный воздух. Убедившись в том, что добры молодцы крепко спят, забрался под одеяло.

К утру дрова, конечно, прогорели, в комнате хозяйничала морозная свежесть. Постояльцы, проснувшись, стали клацать зубами и тут же влезли в фуфайки. Странно, но никто не чувствовал себя отравленным. За ночь угарный газ начисто покинул не только злополучную комнату, но и молодые организмы.

Вскоре после этого случая приехали сменщики, и первая партия специалистов по изготовлению торфо-перегнойных горшочков покинула колхоз. Изобилия овощей в этом году так и не наступило, хотя трудились ребята вовсю. Не наступило оно ни через десять, ни через двадцать, ни... Как в конце концов выяснилось, социализм и изобилие — вещи несовместные.

РАССТАВАНИЕ

У Николая Петровича Судоплатова умерла жена. Было ей чуть за семьдесят, но была она на редкость моложава и красива той самой стариковской красотой, которая только и может быть следствием долгой и праведной жизни. Это только молодые получают её от родителей, но почему-то считают её личным достоинством. Наблюдая жизнь небольшого городка в течение полувека, он был свидетелем того, как некогда юные красотки с годами превращались, мягко выражаясь, в неприятных старух, потому что достоинства и пороки имеют свойство рано или поздно проявляться на лице человека.

Смерть Антонины Ивановны не была неожиданностью. Наследственная гипертония свела до времени в могилу её маму, тётушек и сестру. Тоня, у которой гипертонические кризы случались смолоду, больше всего на свете боялась инсульта, который на годы парализовал бы её, как и её родных. Но Бог её миловал. Она упала в обморок недалеко от дома, прямо на асфальтовый тротуар, и не приходя в сознание, умерла через пять суток.

Последние годы Антонина Ивановна вместе с подружкой, тоже учительницей на пенсии, стала время от времени посещать церковь. Николай Петрович подтрунивал над ней, некогда рьяной комсомолкой, хотя и он, как и жена рожденный в деревне, был крещён вскоре после появления на свет. Исполняя не единожды высказанное покойной желание, дочь и внуки повезли её отпевать в церковь. Поехал и Николай Петрович. Однако в храме находился он недолго, потому что там был другой мир, странный и чужой. И это несмотря на то, что в детстве бабушка водила в храм Божий целую толпу внуков, и его в том числе.

Судоплатов, образованный человек, когда стало возможным, накупил кучу религиозной литературы, чтобы заполнить вполне объяснимый вакуум, и принялся читать. Начал с Вечной книги, потому что она была родником, питавшим литературу и искусства всего христианского мира на протяжении многих веков. На Ветхий завет его не хватило, зато Новый завет он проштудировал с тщанием. Веры это ему не добавило, потому что Евангелие изобиловало чудесами. А там, где начинаются чудеса, заканчивается точное знание, то есть наука. Для него это было непреложной аксиомой.

Однако в последние годы на экранах телевизоров охотно и многословно стали рассказывать о чудесах, случавшихся во всех концах нашей грешно земли. В основном это была туфта, но

порой приводились факты, не поверить в которые было невозможно.

...Минула скорбная тягостная неделя. Антонину Ивановну похоронили. Провожать в последний путь её пришло много народу: учителя, бывшие ученики — от юных до седовласых, друзья семьи, знакомые, родственники.

Наступил вечер. И вот Николай Петрович один в большой осиротевшей квартире. В наступивших сумерках он особенно остро почувствовал своё одиночество и заплакал безутешными детскими слезами.

Когда дом отошёл ко сну и наступила тишина, он почувствовал вдруг, что в квартире продолжается какая-то неведомая жизнь: шуршали обои, позванивали оконные стёкла, поскрипывали двери и половицы, что-то почти беззвучно, но явственно падало. Создавалось впечатление, будто кто-то невидимый бродит по квартире. «Наверно, такое происходит еженочно и повсюду, подумал он, ведь неживой мир, окружающий человека, не может быть в стороне от его жизни. Только мы не обращаем на это внимания».

И тут он вспомнил о душе усопших, якобы сорок дней не покидавшей родного дома. Поверить в это он не мог. Но как только начиналась ночь, шумы и вздохи, трески и скрипы начинались снова. Самое странное заключалось в том, что Николай Петрович всем своим существом стал чувствовать присутствие ещё кого-то в своём доме.

Время шло. Однажды утром его разбудил громкий учительский голос жены.

— Коля! — позвала она. — Ты спишь?

— Сейчас встаю! — ответил он и опустил ноги с постели. И тут только понял, что никакой Тони нет и уже никогда больше не будет. Окончательно пробудившись, встал, прошёл по квартире, чтобы выглянуть на улицу, посмотреть показания термометра, барометра и привычно перевернуть листок календаря. «6 ноября!» Именно сегодня прошло сорок дней со дня смерти жены и именно в этот день ровно пятьдесят лет назад они с Антониной Ивановной, студенты университета, стали мужем и женой. Николай Петрович был потрясён: значит, Тоня приходила попрощаться с ним? Значит, только теперь мы расстались навсегда!

Самое удивительное, что уже со следующей ночи присутствие кого-либо постороннего в своём доме Николай Петрович никогда больше не ощущал.

ПУБЛИЦИСТИКА

СССР и Техас — что больше?

В самое последнее время в периодической печати были опубликованы цифры, которые меня поразили. В памяти всплыли и другие цифры, обнародованные в партийных документах 20—30-летней давности. Удивительная получилась картина.

Великая держава по имени СССР, занимающая одну шестую часть суши планеты Земля с населением почти 300 миллионов человек, в шестидесятые-семидесятые годы имела годовой валовой национальный продукт, равный 770 млрд долларов. Эта цифра публиковалась в советской печати. В прошлом году, как сообщила недавно газета «Известия», он составил в России 330 млрд долларов. У самого крупного штата США Техаса этот показатель в прошлом году превышал один триллион долларов. А ведь Техас занимает площадь, превосходящую Челябинскую область всего в 7,8 раза при населении 10 миллионов человек. «Годовой валовой национальный продукт США, — читаем в одном из последних номеров «Известий», — равен примерно 7 триллионам долларов».

20—30 лет назад писали об огромных военных расходах США, равных 450 млрд долларов. И всегда упоминали о нашем военном паритете, но никогда — чего он нам стоил. Что-то невразумительное бормоталось о том, что он достигался якобы почти бесплатно за счёт преимуществ социалистической системы хозяйствования, основанной на общенародной собственности. Если прибегнуть к арифметике, то легко посчитать, что на гражданскую часть экономики денег оставалось с гулькин нос. Не случайно Збигнев Бжезинский, тогдашний государственный секретарь США, кисло пошутил как-то, что покончить с Советами ничего не стоит — для этого надо только довести военные расходы США до уровня валового национального продукта СССР, и русские останутся без штанов и голодными. Что можно было ему возразить? Вот вам и великая держава, вот вам и

могучее государство, о возрождении которого мечтают наши национал-коммунисты и державники.

Так отчего же все напасти? А оттого, что экономическая несостоятельность генетически присуща коммунистической доктрине, признающей в качестве основы социалистической экономики только общенародную собственность, которая — и это теперь ни для кого не секрет — собственность ничья. Потому что она практически на нет сводит заинтересованность работника в результатах своего труда. Вспомните-ка бесконечные почины, якобы инициативы передовиков производства, подсчёты баллов, которые отнимали у работников больше времени, чем сама работа. Все эти выкрутасы, рождённые в недрах партийных кабинетов, преследовал одну цель — заставить советского человека трудиться с максимальной отдачей. Но, согласно науке этологии, которая занимается инстинктами, человек, венец природы, будет с полной отдачей трудиться только на себя и на свою семью при условии, что плоды его труда будут принадлежать ему. А с обществом он будет делиться частью, взимаемой в виде необременительно налога. Адам Смит писал об этом ещё в 1776 году, за, смешно сказать, 42 года до рождения К. Маркса. И два с лишним века человеческой истории блестяще подтвердили его экономические прозрения. Тут, пожалуй, уместно вспомнить высказывание ещё одного гения, нашего дорогого Ильича: «Учение Маркса вечно, потому что оно верно».

И ещё Ленин сказал, а правоверные ленинцы проигнорировали его на этот раз мудрые, как показала жизнь, слова о том, что в конечном счёте победит та система, которая обеспечит наивысшую производительность труда. Увы, социализм во всём мире стал символом нищеты, очередей и дефицита именно потому, что производительность труда в соцстранах в разы, в десятки раз ниже, чем в странах капитала. Для кого это секрет? И в чём они нас не опередили?

Я помню, как при Горбачёве на совещании обувщиков страны проверили, кто из директоров обувных фабрик носит обувь своего производства. Оказалось, все в зарубежной. И в костюмах, кстати, тоже.

Ещё несколько цифр. 29 или 30 апреля по программе НТВ сообщили: долг России в настоящее время составляет 120,4 млрд долларов, из них долг СССР — 103 млрд долларов, а правительство России заняло с 1992 года 17,4 млрд долларов.

И пару слов о демократах. Пока это раздробленная по разным причинам сила, которая сегодня вряд ли сможет оказать решающее влияние на ход событий и прежде всего выборов. И это

трагедия общества. Всем и вся в стране заправляли и заправляют коммунисты. К счастью (относительному, конечно), в настоящее время у власти коммунисты, которые поняли, что обществу нужны реформы, что без них страна пропадёт. И главный их этих коммунистов — Ельцин. Не случайно ему и его команде противостоит демократическая оппозиция, о чём неоднократно заявляли главные демократы страны. Коммунисты-реформаторы много наломали дров и много ещё наломают, потому что это люди прошлого, и многого они, видимо, просто не понимают, не говоря уже о неспособности изменить способ мышления и стиль поведения. Но страна тем не менее медленно, но верно выздоравливает. Это не видит лишь тот, кто не желает видеть. Она на пути к цивилизованному миру, где чтут права человека и имеют всё, чтобы и был сытно накормлен и хорошо одет, а в старости был обеспечен не статьями конституции, а реальной заботой и благами, которые элементарно недоступны нищему государству.

Гадать, на что способны коммунисты без «дерьмократов», нужды нет: обратите свои взоры на Украину и Белоруссию. Там реформами даже не пахнет, потому что нет ни демократов, ни демократически настроенных коммунистов. Поэтому в Белоруссии на человека в месяц приходится по 17 долларов, а в Киеве (по всей Украине не знаю) по 19 долларов. В России же, по данным Госкомстата, — по 140.

Недавно в телепередаче «Один на один» телеведущий Г. Сатаров и говорит Лукьянову, недавнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР: «Из бывших союзных республик Россия живёт лучше всех». «Неправда, — живо отвечает ему Лукьянов. — В Прибалтике дела обстоят гораздо лучше!» «Но там никто не мешает проведению реформ,» — говорит оппонент. И очень находчивый человек, Анатолий Иванович на это раз не нашёлся что сказать.

Коммунисты во главе с Зюгановым — заклятые враги частной собственности. Они привыкли распоряжаться общенародной, как своей личной. Придя к власти, — и они этого не скрывают, — намерены сразу же приступить к национализации приватизированной, установлению твёрдых цен, что немедленно приведёт к исчезновению товаров и спекуляции, возродит Госплан и Госнаб — этих родителей уродливой экономики. Разговоры о том, что коммунисты за многоукладность экономики — миф, в долгосрочных планах она отсутствует. В общем, лыко и мочало — начинай сначала.

Многочисленный электорат Зюганова уже через несколько месяцев будет кусать локти, когда привычно опустеют прилавки,

а напечатанные во исполнение обещанного деньги снова станут бумагой. Почему этого не понимают коммунисты? Ведь это для них конец, окончательный и бесповоротный.

Лично мне активно не нравятся Ельцын и его команда. Но уверен: сегодня надо быть с Ельцыным и голосовать на выборах за него. Об этом замечательно сказал 1 апреля мудрый человек Михаил Жванецкий. Верю, что через пять лет положение в стране резко переменится к лучшему благодаря именно Ельцыну. И уж тогда на смену коммунистам-реформаторам придут настоящие демократы, новые люди, которых востребует время.

29 мая 1996 г., газ. «Весь Миасс».

До выборов Президента России осталось 25 дней

Заблуждение или лукавство?

Что ни говорите, а вождь российских коммунистов — удивительный человек. Он многолик и непредсказуем. В мире с тревогой вопрошают накануне выборов: какой Зюганов — настоящий? Говорят, в жизни он — хороший порядочный человек, и очень умный. Лично я охотно этому верю, но у меня возникают всё же некоторые недоуменные вопросы.

Например, как можно быть молодым (года, наверно, не прошло) доктором философии и по существу игнорировать полуторавековое развитие мировой науки, будучи яростным приверженцем передовой философской мысли середины прошлого века? Причём едва ли не единственной философской теории, прошедшей столь длительную, всестороннюю и массовую проверку чуть не на половине земного шара. И если правду говорили классики марксизма-ленинизма, что практика есть высший критерий истины, то не она ли свидетельствует о ложности этой теории, очевидной для всех, кроме коммунистов?

И ещё. Как можно считать себя коммунистом и ратовать за многоукладность экономики, отрицать классовую борьбу («Мы никого не тронем» — Зюганов)? В «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, установили основной закон развития всех антагонистических обществ — борьбу классов. Без врагов нет прогресса, а если враг не сдаётся — его уничтожают! Разве не так? Я с пионерского возраста чётко усвоил, что «Учение марксизма-ленинизма — это прежде всего учение о классовой борьбе».

И в том же «Манифесте» написано, что основная программная цель коммунистов — уничтожение частной собственности на средства производства. Причём здесь многоукладность экономики?

Между тем мировая история свидетельствует: только институт частной собственности может стать основой политической и общественной стабильности. Возьмите Италию: 55-е правительство за последние годы, а итальянцам — хоть бы что.

В недавней телепередаче «Двойной портрет», где параллельно рассказывалось о Зюганове и враче Фёдорове, Геннадий Андреевич, излучая, может быть, самую кроткую улыбку в мире, ласково посмеиваясь, вдруг сообщил, что изучал как-то Нагорную проповедь и был поражен сходством её и Морального кодекса строителя коммунизма. Из его слов входило, что коммунистические нравственные принципы впервые были произнесены Иисусом Христом, «первым коммунистом», как в своё время остроумно заметил генсек М. Горбачёв.

И тут я вспомнил, как в 1970 году принёс на работу «Молитвенник». Мой начальник, неистовый комми, возмутился и поволок меня к секретарю парторганизации отдела. А тот, гневно шевеля бровями, сурово спросил: «Ты знаешь, что совершаешь уголовно наказуемое деяние? Что за это полагается отсидка?» Как меняются времена: теперь, побуждаемый самим генсеком, припадаю к Евангелию и изучаю заповеди Христовы.

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА. Только этим и занимались комиссары. Вознося вождей, принижали народ. Конечно, свободный гордый человек не нуждается в кумирах. Но кому в социалистическом обществе нужен такой человек?

НЕ ПРОИЗНОСИ ИМЯ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО ВСУЕ. А разве не суета, когда в каждом городе площади и улицы, заводы и фабрики носят имена Маркса, Энгельса, Ленина, (Сталина) и прочих коммунистических идолов, а бесконечное множество статуи и бюстов на улицах, площадях и в кабинетах?

ПОЧИТАЙ ОТЦА ТВОЕГО И МАТЬ ТВОЮ. А как же? Портрет Павлика Морозова — в каждой пионерской комнате.

НЕ УБИЙ. Тут бы в самый раз вставить «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. Но я процитирую фрагменты одного из тысяч подобных документов Ленина: «В Пензу. 11.08.1918 г. Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам. ...1) Повесить (неприменно повесить), дабы народ видел, не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. ... Сделать так, чтобы на сотни вёрст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков». И ленинским указаниям

«повесить, расстрелять» нет конца. Именно он, самый человечный человек, санкционировал «красный террор», создание концлагерей (Гитлер позаимствовал это гениальное изобретение значительно позднее), применение ядовитых газов против восставших тамбовских крестьян.

НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ. Похоже, целомудренную Компартию подвёл только Лаврентий Павлович, подлец этакий!

НЕ УКРАДИ. Сразу же вспоминается, возможно, самый мобилизующий лозунг коммунистов: «Экспроприируем экспроприаторов!» «Грабь награбленное!» — тут же перевели толковые русские люмпен-пролетарии и люмпен-крестьяне. И пошла потеха!

НЕ ПРОИЗНОСИ НА БЛИЖНЕГО ТВОЕГО ЛОЖНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА. Только этим и занимались. Миллионы как ленинцев, так и беспартийных большевиков. Стукачество стало доказательством благонамеренности и любви к диктатуре пролетариата. Стучали и из любви к этому занятию, и со страху, и нарушая 10-ую заповедь Христову — **НЕ ЖЕЛАЙ ДОМА БЛИЖНЕГО ТВОЕГО, НИ ЖЕНЫ ЕГО... НИЧЕГО, ЧТО У БЛИЖНЕГО ТВОЕГО.**

Конечно, Моральный кодекс строителя коммунизма был составлен с оглядкой на Нагорную проповедь. Но ведь появился он в середине 60-х годов. А до того марксистско-ленинская мораль сводилась к одной-единственной фразе: «Нравственно то, что служит делу пролетарской революции». Эта заповедь Ильича известна со времён циника Маккиавели в иной редакции: «Цель оправдывает средства» и с тех же самых пор считается формулой безнравственности. Какой уж тут Христос! Какая уж тут мораль!

Хороший человек Зюганов! И главное — очень умный, правдивый и высоконравственный. К тому же отлично знает теорию и практику коммунистического строительства. А на пути к светлому коммунистическому завтра не ведаёт ни сомнений, ни колебаний — кремень!

А недавно екатеринбургский губернатор Э. Россель, видный хозяйственник-практик, сразу после визита к нему кандидата в президенты Зюганова, и говорит журналистам: «Ознакомился я с экономическими документами КПРФ. Это же каменный век!» Ну, и что, возразим мы Росселю, что экономика — каменный, зато философия — XIX-й!

Так и хочется сказать вслед за К.Боровым: «Здравствуйте, товарищ Зюганов! Ждём — не дождёмся вас, а то без талонов на колбасу за 2.20 аж по 300 граммов в месяц на человека, на

масло — по 200, на простыни, ботинки и пр. и пр. — без талонов и непривычно, и скучно. Конечно, сейчас не счастливые 80-е. Наверно, по 300 граммов уже не получится: спекулянтов-то с их ларьками разгоним! Ну, пускай, по 100! Если удастся ещё и отоварить — так совсем неплохо. Ничего, переживём! Мы с коммунистами и не такое переживали!

Говорят, в Германии две тысячи сортов колбасы, а во Франции — сотни сортов сыра, и где хочешь и сколько хочешь. Вот сволочи!

Так, здравствуйте, Геннадий Андреевич! Ваш электорат, состоящий, похоже, сплошь из любителей мокрой колбасы в малых количествах, ждёт Вас!

12 июня 1996 г., газ. «Весь Миасс».

До выборов Президента России осталось 11 дней

Кто ближе к Иисусу Христу?

Как-то в середине августа 1996 года радиостанция «Свобода» передавала интервью с Николаем Ивановичем Рыжковым.

— А что, Николай Иванович, — спросил ведущий. — Вы согласны с тем, что коммунистическая идея дискредитировала самоё себя и должна быть отвергнута?

— Ни в коем случае, — ответил тот. — Я хоть в настоящее время и беспартийный, но считаю, что коммунистической идее принадлежит будущее. Ну, а если отвергать, то давайте начнём с Иисуса Христа — ведь он был первым коммунистом, он первый провозгласил коммунистические идеалы.

Ведущий либо не нашёлся, что возразить, либо не захотел дискутировать. А вот я спросил бы плачущего большевика:

— Тогда почему же коммунисты преследовали христиан и христианство? Почему разрушали церкви и монастыри, почему по прямому указанию Ленина физически уничтожали священников и монахов? Что не устраивало их в учении Христа?

Было бы очень интересно услышать ответ Николая Ивановича.

Идеалы христианства мало отличаются от идеалов других вероучений. Они также мало отличаются от идеалов, присутствующих в устном творчестве любого народа: эпосах, сказках, преданиях, песнях. Потому что люди с любым цветом кожи, исповедующие любую религию, мечтают об одном и том же —

о счастье для себя, своей семьи, своего народа, своей страны. И заметьте: любые философские теории провозглашают то же, иначе они будут отвергнуты людьми вместе со своими проповедниками.

Бесконечные -измы, провозглашая по сути одни и те же идеалы, предлагают разные способы их реализации. Какие, к примеру, пути достижения всеобщего счастья предлагал коммунизм? Об этом чётко записано в «Манифесте Коммунистической партии», опубликованном в 1848 году К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Прежде всего уничтожение частной собственности — вот основная программная цель борьбы коммунистов. И тогда возникает первый вопрос: а как же счастье владельца этой собственности, его семьи, детей? А они все подлецы, кровососы и мироеды, отвечают коммунисты. Неужели все — и неутомимые труженики, и умницы, и весь цвет деловой жизни любой страны, и талантливые создатели, и вообще творцы, чей труд вознаграждался по делам их, либо сам по себе давал сладкие плоды? Такие вопросы коммунистов не волновали, а их постановка расценивалась как проявление слабости, гнилой интеллигентщины или оппортунизма. Экспроприируем экспроприаторов — и всё тут! Какие толпы бездельников и уголовников были мобилизованы этим чудным лозунгом! Из изгоев общества, из неуважаемых членов сельских общин, рабочих коллективов они превратились вдруг в самых передовых людей нового общества, в его ударную силу. Это ли не стимул, не считая, естественно, быстрого и несправедного обогащения.

Из необходимости уничтожения частной собственности логически вытекало утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что основной закон развития общества — борьба классов. Попросту говоря, убивая тех, кто не родился крестьянином или пролетарием, ты двигаешь прогресс. Если это — не проповедь человеконенавистничества, то что это? Неужели обоим гениям не приходило в их светлые головы, что это означает гражданскую войну? Кому захочется быть убитым даже во имя прогресса? Криминальных целей криминальное государство достигало с помощью уголовников. Самые известные из них — отец всех народов Сосо Джугашвили (Джугаев), Камо — Тер-Петросян и герои гражданской войны Пархоменко и Котовский.

Так о чём же счастье заботились коммунисты? О крестьянском, о казачьем? Их горькая доля нам известна. Но может, о счастье рабочего класса? Он был обворован родным пролетарским государством, как и весь остальной советский народ: зарплата

его составляла 15—20 процентов от стоимости произведённой им продукции. А в странах капитала, где процветала, как нам долдонили красные пропагандисты и агитаторы, жуткая эксплуатация трудового человека, платили 80 процентов и больше от того же показателя.

Ленин писал как-то, что наивно думать, что диктатура пролетариата — это диктатура рабочего класса. Это прежде всего диктатура вождей рабочего класса. И в самом деле: реальный коммунизм существовал для вождей с первых дней жизни советского государства.

Несметные богатства, присвоенные государством нового типа, требовали несметного же количества государственных людей, его охраняющих, сиречь чиновников. То есть объективно марксистско-ленинская доктрина была будто специально создана для чиновников. Полчища чиновников в странах победившего социализма чудовищно велики. К примеру, свыше 150 министерств в СССР, 14 — в США. Это крапивное семя, по выражению сатирика, и сейчас владеет всем, потому что самые нелепые законы, выпеченные последним Верховным Советом и последующими думами, чудесным образом каждой своей строкой служат чиновникам.

Пройдитесь по цехам, стройкам и КБ. Кто больше всего тоскует о социалистическом прошлом? Бывшая номенклатура всех размеров и рангов, которая за свои заслуги в деле погоняния тружеников, не заинтересованных в результатах своего труда, имела отдельные корыта и кормушки, созданные государством чинодралов для себя же.

Николай Иванович как-то упустил из виду, что заповеди Христовы были намертво заблокированы для советских людей, так как слишком явно противоречили и теории и практике коммунистического строительства. Лишь после «очистительного» XX съезда партии Хрущёв счёл необходимым создать так называемый Моральный кодекс строителя коммунизма с оглядкой на Нагорную проповедь.

А ведь был ещё один деятель, близкий по почерку к коммунистам, но объявленный ими самым большим злодеем — душака Гитлер. Кстати, о родстве с коммунистами он неоднократно говорил сам. Так вот, на пряжках форменных солдатских ремней в вермахте было проштамповано «Бог с нами». Нацисты не преследовали религию, не запрещали Священное писание. Значит ли это, что Христос был ещё и первым фашистом? Между прочим, людоед Гитлер в своём «Майн кампфе» неоднократно возмущается тем, что самый человечный человек Ленин утопил

в крови собственный народ. Не этим ли так страшна книга для коммунистов?

Сам Гитлер был категорическим противником классовой борьбы, потому что она направлена против своего народа. Был он и против уничтожения частной собственности. Пусть люди работают спокойно на себя, считал он, а уж это мы должны позаботиться, чтобы они поделились с нами результатами своего труда. Вот такая простая логика вымогателя.

Так кто же был ближе к Христу, Николай Иванович, коммунисты или фашисты? Весь же мир давно ставит между ними знак равенства.

Философ Ильин ещё в 1920 году, перед посадкой на известный пароход, с помощью которого Ильич избавлялся от умников, сказал, что грядущая катастрофа большевистской власти очевидна, это вопрос времени. Но самые худшие времена наступят после краха большевизма. Что он имел в виду? Может быть, беспредел, который создали и культивируют питомцы комсомола и ленинской партии, где наглое ограбление собственного народа — не самое большое зло? Воровство приняло фантастические размеры потому, что оно безнаказанно. В самом деле, кто и кого будет наказывать? Красные агитаторы, ставшие виртуозами дезинформации ещё в юные лета, ловко передёрнули вину на демократов, как будто те когда-нибудь владели властью или собственностью. Но люди постарше помнят, что ещё в славные 60-е годы появилось точное словцо «скоммуниздить», означавшее, суди по всему, украсть на правах хозяина положения.

Когда же придёт конец российскому бардаку? Так далеко в будущее, должно быть, дорогой И.Ильин видеть не мог. Похоже, и никто из современных философов тоже.

3 сентября 1996 г., газ. «Весь Миасс».

Ответ на критику «Скобарёнка», учинённую бесстрашным чекистом и некогда другом студенческой юности

25 января 2006 года

г. Миасс

Здравствуй, дорогой Дмитрий Яковлевич! Большие приветы Лиде, твоим чадам и домочадцам с седого, но вечно юного Урала от меня лично, от Тони и от всего нашего семейного клана!

Твоё письмо замечательно во многих отношениях. Во-первых, тем, что писано оно не литературоведом по образованию, а бесстрашным чекистом, верным своему служебному долгу и рухнувшему в небытие режиму. Режиму, как теперь известно любому непредвзятому человеку, антинародному.

Вчера перед зданием европарламента в Страсбурге коммунисты многих стран Европы устроили демонстрацию по поводу того, что он предложил осудить тоталитарные режимы стран коммунизма. Был там и душка Зюганов, который заявил, что это провокация и устроена она не случайно, а по поводу 60-летия Великой Победы, «дабы (цитирую Титова, потому что Зюганов сказал то же) совершить надругательство над памятью народа, защищавшего свою Родину, и над его Великой Победой».

Вот тут уместно вставить ещё одно твоё предложение: «Мухи отдельно, котлеты отдельно.» Потому что коммунисты будто не знают, что ещё до начала Второй мировой они физически уничтожили, по самым скромным подсчётам, 60 миллионов советских людей (называют и цифру 100), тогда как Адольф Алоизович, сколько ни тужился, не одолел даже 30 млн. В «Чёрной книге коммунизма», выпущенной в свет ЮНЕСКО более 10 лет назад (маргиналы до сих пор блокируют появление её в России), «самому человечному человеку» Ильичу вменяется личная ответственность за уничтожение 11 млн. человек, а отцу народов — более 30 млн. Коммунисты уничтожили не только лучших людей России, но и, естественно, их неродившихся потомков. Если бы не Великая Октябрьская, то население России к 1940 году составляло бы 600 млн, как утверждают демографы. Так что пожалел волк кобылу...

Разве замалчивание этих фактов — не надругательство над памятью народной? Или народ забыл, что миллионы их родственников были превращены в лагерную пыль в архипелаге Гулаг стараниями «народных заступников»? Отнюдь...

Как сказал поэт:

Страшнее лютых иноземцев
Прошлись по русскому двору
Убийцы с лицами младенцев
И с тягой к свету и добру.

Заметь, уничтожение миллионов людей было заложено основателями в фундамент идеологии. Помнишь: «Учение марксизма-ленинизма — это прежде всего учение о классовой борьбе»? Разве это не философия каннибалов?

И ещё одна твоя реминисценция: «Не было только одного элемента — оккупантов. В этом отношении нам крупно не повезло, приди немец с автоматом, глядишь, и не вымерло бы поддеревни от голода, и осталась бы жива моя сестра Тамара, скончавшаяся на моих руках оттого, что неделю сосала одну тряпку с завёрнутым в неё комочком хлеба». Очень верно подмечено. От голода бы точно не скончалась, потому что оккупанты, в отличие от коммунистов, каждой крестьянской семье давали земельный надел, в то время как на свободной от оккупантов территории любой матери, подобравшей на общественном поле колосок для умирающих от голода детей, была уготована кара — десять лет лагерей. От голода в мирные дни в счастливую эпоху социализма померли миллионы крестьян Поволжья и Украины. (До революции Россия — крупнейший в мире экспортер зерна.) И даже в 70-х годах наши дети сосали бы тряпочку с хлебом, если бы не Тюменская нефть, на деньги от продажи которой СССР ежегодно вплоть до распада закупал ежегодно у США и Канады по 17 млн тонн зерна. История показала: при власти коммунистов всегда и в любой стране мира не хватает еды. (Сам-то ты никогда об этом не догадывался?) Потому что, как точно сказал Рейган: «Есть демократия — есть колбаса, нет демократии — нет колбасы».

Дайте людям свободу, дайте возможность нормально жить и работать, и они не только накормят себя, но и всех, кто этого пожелает. Два миллиона американских фермеров кормят от пуза не только граждан своей страны, но и экспортируют продукты во многие страны мира, а 11 миллионов колхозников и рабочих совхозов СССР не могли прокормить себя, даже прибегая к помощи практически всего населения страны.

Но ты, дружок, невнимательно читал мой шедевр. Там чёрным по белому написано, что Псковская область — единственная область в СССР, где во время войны погиб каждый третий её житель. Заметь, не от голода. А с оружием в руках либо, если без такового, во время боевых действий. Ну, точно как на Вологодчине.

«Единственным виновником лишений мы считали (и совершенно справедливо) тех, кто начал войну», — пишет Д. Титов, имея в виду, конечно, Германию. Однако ответ не так однозначен, как кажется. Юристы знают, что в 90 случаях из 100 (если и меньше, то не на много) жертва провоцирует агрессора.

В мире перед войной было два фашистских государства, которые бредили мировым господством, — Германия и СССР. В СССР это скромно именовалось мировой революцией. Был

даже создан штаб этой революции — Интернационал. Историки утверждают, что имелся вполне конкретный план нападения СССР на Германию. Что, сам понимаешь, не удивительно. Но финская война 1939—40 года показала постыдную слабость СССР и в военном и в экономическом плане.

И тут я тебе сообщу потрясающую новость: СССР всегда был экономически слабым государством. Её ВВП в благополучные 70-е годы составлял порядка 750 млрд долларов (из них, как минимум, 450 млрд шли на вооружение), в то время как в США он был в пределах 7—11 триллионов, в развитых странах капитала счёт тоже шёл на триллионы. Во времена Горбачёва прибыль от всей экономики страны составляла 32 млрд долларов в год — третью часть доходов фирмы «Дженерал моторс». Светлое здание социализма на поверку оказалось курятником, наспех сколоченным из гнилых досок. Курятник рухнул сам, а коммунисты по своей гнусной привычке всё ищут виноватых и валят вину на каких-то мифических демократов, хотя, как известно, на всю Россию имеется только один демократ — Б. МИРОНОВ.

В 60-е годы были обнаружены архивы Геринга, среди них — стенограмма совещания, на котором обсуждался план «Барбаросса». Гитлер категорически возражал против начала войны: он боялся СССР и безгранично уважал своего двойника Иосифа Виссарионовича (кстати сказать, обожание было обоюдным). Его убедили два аргумента: поражение СССР в финской кампании по причине немощи (это при том, что всё население Суоми составляло менее 5 млн человек) и тот факт, что великий Сталин поголовно истребил весь командный состав армии. Какой дурак пойдёт на здоровяка? Надо было экономику поднимать, а не воевать с собственным народом!

Друг мой, твои неприличные намёки на политическое кокетство несостоятельны, потому что писатель, даже такой странный, как Б. Миронов, обязан стоять над битвой. Да и перед кем кокетничать кустарю-одиночке? Перед Антониной? Я никогда и ни в какой партии не состоял и не стал бы состоять; никаких амбиций, тем более политических, не было и нет. Моя партия — здравый крестьянский смысл. От которого ты, судя по всему, начисто избавился, как от атавизма. Ну, а в дубовой упёртости и маразме (по Титову, в старческом перерождающемся сознании) надо обвинять не Б. Миронова, а самую твёрдолобую часть КПСС, которая никогда не была способна критически или хотя бы со здоровой иронией относиться к явлениям жизни и потому тупо долдонила мертворождённые доктрины и матрицы, забыв завет классиков, что высший критерий истины — практика.

В нашем случае — практика коммунистического строительства. Как говорят в народе, им ссы в глаза, а они всё — «божья роса».

Не знаю, сколько нам с тобой отпущено, друг мой, но твёрдо знаю, что суд народов над мировым коммунистическим движением неизбежен. Без этого невозможно движение вперёд. Потому что мотором этого движения может быть только идеология, совершенно свободная от марксистско-ленинского идиотизма.

Замечу, кстати, что антикоммунистом я стал, как и многие нормальные люди, ознакомившись с материалами XX съезда партии. Именно тогда и состоялось перерождение моего старческого сознания. Истинную цену коммунизма советский народ знал и того раньше. Год назад генерал ФСБ Зданович сказал по телевизору, что накануне 2-й мировой войны 80 % личного состава армии, состоявшей в основном из крестьян, ненавидело социалистический общественный строй и лично тов. Сталина.

Между прочим, за 50 лет после XX съезда естественно было бы в связи со всё вновь и вновь открывающимися обстоятельствами дела «КПСС и народ» скорректировать мировоззрение и отказаться от мифологии в пользу исторической правды. Как можно игнорировать факты? Если это не слабоумие, то что это? Может быть, зомбирование?

В моей книжке — всё правда, и ничего, кроме правды. А «реминисценции перерождающегося сознания» не были самоцелью (какой смысл стегать дохлую лошадь?), а лишь неотъемлемой частью изображаемых реалий жизни. Куда денешься от реалий? Прятаться от них все равно, что срать посреди площади с закрытыми глазами и думать, что никто тебя не видит. Это удел комиссаров. А мне-то какой резон их выгораживать?

Московское издательство собирается издать Скобарёнка в серии «Великая Отечественная». В эту серию включены всего 100 книг о войне. Тысячи произведений социалистического реализма, писанные о войне, канули в Лету по причине лживости. Той самой, которая тебе, похоже, по сердцу.

Саша Валентик, автор нескольких поэтических сборников, питомец Высшей партийной школы при ЦК КПСС, ответственный работник обкома партии, написал следующие строки:

Ветераны...
Вся жизнь — на обманы...
Я и сам ветеран,
Переживший обман.

Ты, друг мой, обман ещё, увы, не пережил. Не упорствуй во лжи и не множь её!

Вот, собственно, и всё. О чём ещё писать? У нас лютые морозы. В гостиной +8, в жилых комнатах — до +14. Дома сидим тряпичными коконами в оцепенелости.

Я дописываю третью книгу, хотя надежд на публикацию мало: издателям, питомцам КПСС и Ленинского комсомола, мало 100 % прибыли, им ещё подавай деньги на оплату себестоимости (100—150 тыс. руб.). За Скобарёнка в издательстве «Петербургский писатель» мне собирались заплатить 6 тыс. руб. гонорару, хотя, помимо рукописи, я передал им 1,5 тыс. долларов от спонсора. Деньги бесследно пропали, а книга так и не вышла. По уверению одного известного писателя, в Германии за неё мне заплатили бы 20—25 тысяч долларов, естественно, без всяких предоплат. Но зато там человек человеку — волк, а у нас — друг, товарищ и брат.

Извини за резкость, но ты меня достал, и написать иное письмо я бы не смог. Натерпелся от ретроградов до сблёву. Сколько можно портить людям жизнь?

Лобзаю,

Б. МИРОНОВ.

Содержание

Деликатное задание.....	3
Птицы на севере	9
На первой зорьке	16
Учебная страда.....	18
Похождения скелета из шкафа	
Суд товарищей	23
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!	33
... и свобода нас примет радостно у входа	41
Андреаполь	51
Свинтопруль	60
За кедровыми шишками	62
Пробуждение души, или записки старого дурака.....	69
Украденное воспоминание	104
Определитель мурла	106
Она на цыпочках привстала... ..	111
Охота пуще неволи	120
Спящая Венера	130
Под парусом	134
По дороге к изобилию	141
Расставание	145
ПУБЛИЦИСТИКА	
СССР и Техас — что больше?	147
Заблуждение или лукавство?	150
Кто ближе к Иисусу Христу?	153
Ответ на критику «Скобарёнка», учинённую бесстрашным чекистом и некогда другом студенческой юности	156

Борис Миронов

Отколь гроза, отголь и вёдро

Житейские истории

Верстка *В.Б. Феркель*

Подписано в печать 23.10.09 г.

Гарнитура «Палатино линотайп». Бумага офсетная.

Формат 84×108/32. Объем 8,61 усл.-печ. л.

Заказ № 150.

Тираж 100 экз.

Издательство «Цицero»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии

ООО «Тираж Сервис»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.